

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЛИЧНУЮ СВОБОДУ ЧЕЛОВЕКА

*Рекомендовано Министерством внутренних дел Республики Беларусь
в качестве пособия для обучающихся
учреждений высшего образования
Министерства внутренних дел Республики Беларусь*

Под общей редакцией
кандидата юридических наук, профессора,
заслуженного юриста Республики Беларусь Э.А. Саркисовой,
кандидата юридических наук, доцента Н.И. Ретнёвой

Минск
Академия МВД
2016

УДК 343.43
ББК 67.408
У26

Авторы:

кандидат юридических наук, доцент *О.И. Бахур* (гл. 9);
Е.А. Коротич (гл. 1, 7, 8);
кандидат юридических наук, доцент *В.В. Марчук* (гл. 3);
кандидат юридических наук, доцент *Н.И. Ретнёва* (гл. 1, 2);
кандидат юридических наук, профессор *Э.А. Саркисова* (гл. 4, 5);
кандидат юридических наук, доцент *С.М. Свило* (гл. 6)

Рецензенты:

кафедра конституционного и административного права
Академии управления при Президенте Республики Беларусь;
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь *Э.Ф. Мичулис*

У26 **Уголовная ответственность за посягательства на личную свободу человека : пособие / О.И. Бахур [и др.] ; под общ. ред. Э.А. Саркисовой, Н.И. Ретнёвой ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск : Академия МВД, 2016. – 138, [2] с.**

ISBN 978-985-427-985-5.

Рассматривается современное состояние уголовно-правовых мер противодействия преступлениям против личной свободы человека, проблемные теоретические и практические вопросы квалификации противоправных деяний. Центральное место отводится юридическому анализу составов преступлений.

Предназначено для обучающихся учреждений высшего образования юридического профиля.

УДК 343.43
ББК 67.408

ISBN 978-985-427-985-5

© УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2016

ВВЕДЕНИЕ

Появившись еще в XXIV в. до н. э.¹, понятие «свобода» на разных этапах становления человеческого общества получало различное содержательное наполнение, однако осознание ее значимости присутствовало в каждом обществе и каждом государстве: только лично свободный человек являлся полноправным гражданином рабовладельческого и феодального государства; идея свободы и независимости человека становилась знаменем эпохи Возрождения. Философы Нового времени объявляли личную свободу, понимаемую ими как независимость от принуждающего произвола другого, не только основополагающим свойством человека, его «первоначальным» правом (И. Кант), но и единым принципом прав и обязанностей (Г.В.Ф. Гегель).

Конституция Республики Беларусь, допуская возможность ограничения или лишения личной свободы только в случаях и порядке, установленных законом (ч. 1 ст. 25), подтверждает особую ценность данного правового блага. Будучи основой осуществления принадлежащих человеку прав и свобод, личная свобода является необходимым условием нормальной жизнедеятельности и развития человека, что, в свою очередь, предопределяет необходимость обеспечения ее эффективной и всесторонней охраны. Одним из способов такой охраны является признание посягательств на личную свободу человека общественно опасными деяниями и установление за их совершение уголовной ответственности.

Система норм, определяющих признаки преступлений, направленных против личной свободы, предусмотрена гл. 22 Уголовного кодекса Республики Беларусь (ст. 181–187). В отличие от предшествующих источников уголовного права Беларуси действующий Уголовный кодекс значительно расширил перечень преступлений, объектом которых является свобода человека, демонстрируя стремление государства обеспечить ее всестороннюю охрану. Изменениям подверглись те нормы, которые были известны предыдущим уголовным законам, что было вызвано задачей устранения возникающих на практике трудностей при оценке предусмотренных УК преступлений. Решая эту задачу, законодатель пошел по пути отказа от простых диспозиций соответствующих норм к большей конкретизации предусмотренных ими деяний. Большое значение придавалось также обеспечению оптимальной имплементации в национальное законодательство требований, содержа-

щихся в международных соглашениях, посвященных правовой охране личной свободы человека.

Между тем, несмотря на общую положительную динамику развития уголовного законодательства в сфере охраны личной свободы человека, в теории и на практике по-прежнему сохраняется тенденция неоднозначного (поливариантного) учета и толкования конструктивных признаков посягательств на свободу человека, что свидетельствует об актуальности и практической значимости исследований в данной области, проведения глубокого теоретико-правового анализа норм об ответственности за данные преступления.

Законом от 5 января 2015 г. № 241-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях» внесены существенные коррективы в нормы, предусматривающие ответственность за преступления, связанные с торговлей людьми, которые требуют научного осмысления и толкования.

¹ Поскольку речь идет об установлении свободы правителем Шумера путем запрета закабаления храмовых слуг первосвященниками, в данном случае можно говорить об истоках гарантирования личной свободы отдельных категорий лиц.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЛИЧНОЙ СВОБОДЫ

1.1. Личная свобода как объект уголовно-правовой охраны: понятие и содержание

Будучи фундаментальной категорией прежде всего международного права, свобода распространяется на взаимоотношения государства и личности, детализируется, конкретизируется и реализуется в конституционном, уголовном, уголовно-процессуальном и других отраслях права. Поскольку свобода напрямую связана с личной неприкосновенностью и безопасностью, жизнью, здоровьем, честью и достоинством человека, существует необходимость определения содержания ее понятия как объекта преступления. Это даст возможность отграничить преступления против личной свободы от непреступных деяний и от смежных составов преступлений, позволит выяснить, в каких случаях посягательство на личную свободу является самостоятельным преступлением, а в каких – составной частью иного преступного посягательства.

Для определения уголовно-правового понятия личной свободы человека необходимо прежде всего обратиться к теоретико-юридическому определению ее понятия.

В теории права свобода рассматривается как независимость человека, отсутствие стеснений и ограничений, связывающих его жизнь и деятельность; как возможность самостоятельного выбора человеком своего образа жизни, деятельности, поведения в условиях данного государства и общества. Сходное по смыслу понимание свободы содержится и в других исследованиях. Например, И.Л. Петрухин определяет ее как предоставленную человеку возможность мыслить и поступать в соответствии со своими убеждениями, взглядами и представлениями о желаемом и должном, добиваться осуществления поставленных перед собой целей и таким образом реализовывать свое «я» в объективном мире, изменяя его на основе познанных законов развития природы и общества¹. По мнению М.Н. Воложаниной, «свобода личности есть способность человека к активной деятельности в соответствии со своими желаниями, потребностями и интересами, осуществляемая на основе возможностей и условий, предоставленных обществом»².

¹ См.: Петрухин И.Л. Человек и власть в сфере борьбы с преступностью. М.: Юрист, 1999. С. 19.

² Воложанина М.Н. Свобода личности как предмет социально-философского анализа: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.01. М., 1991. С. 12.

Из приведенных определений следует, что все они включают сознательное волевое отношение человека к окружающей действительности и своему поведению, а такое отношение может проявить только человек как личность, обладающий способностью разумно и самостоятельно проявлять свою волю, делать выбор в своем поведении.

В связи с этим важно обратить внимание и на то, что теория права не отождествляет «свободу личности» и «свободу человека», как не отождествляются и сами понятия «личность», «человек». Как указывается в литературе, человеческий индивид выступает в разных ипостасях – либо как живое существо, отличающееся от других живых существ своими природными признаками (человек), либо как субъект, обогатившийся социальными качествами и способный отличать себя от других, выделять себя из коллектива (личность). Личность – это человек, обладающий совокупностью определенных социально значимых свойств, проявляющихся в его отношениях с другими людьми. Конкретный человек как продукт природы является материальной, биологической основой личности. Человеком рождаются, личностью становятся.

Отметим, что по УК Республики Беларусь родовым объектом рассматриваемой группы преступлений является человек, а не личность, как это закреплено в УК ряда государств (например, России, Украины, Молдовы и др.). Поэтому многие авторы определяют понятие свободы, исходя из понятия личности, как состояние свободно, без принуждения совершать осознанные поступки, распоряжаться собой по своей собственной воле, желанию и выбору. Так, В.В. Панкратов полагает, что личную свободу следует рассматривать как «реальную, объективную возможность человека осуществлять свое физическое перемещение в пространстве и во времени по своей воле»¹. Авторы российского учебника по уголовному праву отмечают, что личная свобода – это не только свобода физическая, которая позволяет человеку свободно передвигаться, определять место своего нахождения, общаться с другими людьми, посещать учреждения, организации, но и свобода от психического давления и диктата, направленных на изменение поведения, которое избрало для себя то или иное лицо².

В теории уголовного права предлагаются и иные определения личной свободы. И хотя они не отличаются полнотой, в большинстве их присутствует указание на свободу выбора, осознанность, разум и т. п. Такой же акцент делается и в определении, данном белорусским ученым В.В. Мар-

¹ Панкратов В.В. Уголовно-правовая охрана личной свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Екатеринбург, 1999. С. 12.

² Российское уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М.: Спарк, 1997. С. 80.

чуком. В частности, он указывает, что личная свобода – это не только свобода физическая (т. е. свобода передвижения, определения места нахождения и т. д.), но и свобода, предполагающая отсутствие какого-либо психического давления, направленного на изменение поведения человека¹.

К сожалению, и это определение все же больше относится к определению понятия свободы личности, что не позволяет проследить четкую грань между понятиями «свобода личности» и «свобода человека». Между тем она необходима, и в первую очередь для того, чтобы получить четкий ответ на вопросы о том, охватывается ли указанным определением осознание человеком своего свободного состояния и обладают ли свободой лица, находящиеся в уязвимом положении (например, невменяемые, малолетние и т. п.), следует ли посягательство на их свободу рассматривать как преступление.

В этой связи сошлемся на закон. В УК Беларуси при определении родового объекта всех преступлений, включенных в разд. VII «Преступления против человека», не без оснований указан «человек», а не «личность», из чего вытекает, что человек всегда признается объектом уголовно-правовой охраны независимо от того, является или не является он личностью. Поэтому в равной мере должны охраняться уголовным законом и лица, которые не обладают признаками личности (младенцы, невменяемые, деградированные и т. п.).

В условиях отсутствия законодательной дефиниции рассматриваемого объекта уголовно-правовой охраны, необходимость закрепления которой подчеркивалась зарубежными исследователями (например, Н.Н. Лапупиной), определение сущности личной свободы должно основываться на юридических свойствах данного объекта, к числу которых могут быть отнесены следующие.

Во-первых, личная свобода является нематериальным правовым благом, которое не может быть выражено в форме какого-либо материального объекта, доступного для внешнего восприятия.

Во-вторых, личная свобода реализуется в особой сфере, которая в юридической литературе характеризуется по-разному: как сфера некоторой обособленности и самоопределения человека либо сфера его личной жизни и т. д. Признавая обоснованность выделения сферы личной свободы, все же правильнее, с нашей точки зрения, говорить о таких ее признаках, как отсутствие противоправного внешнего принуждения, или независимость от незаконной чужой воли, и совершение человеком действий, связанных с реализацией его частных (индивидуальных) интересов.

¹ См.: Марчук В. Торговля людьми (уголовно-правовой анализ и квалификация) // Суд. весн. 2002. № 4. С. 42.

В-третьих, личная свобода не только характеризует форму существования человека в обществе, но и является средством удовлетворения его моторных потребностей (отсюда и такие характеристики личной свободы, как свобода локомоции, физическая свобода), в связи с чем личную свободу следует определять главным образом как поведенческую свободу или свободу поведенческой активности.

В-четвертых, личная свобода представляет собой естественное по своей сути фактическое состояние человека являющееся следствием реализации права на свободу.

На основании изложенного личную свободу следует рассматривать как сложное, многоаспектное понятие, которое может быть использовано для обозначения нематериального блага – естественного состояния человека, необходимого для его физического существования и социальной жизни, в связи с чем поставленного под охрану УК Республики Беларусь.

1.2. Понятие и признаки преступлений против личной свободы

Сущность преступлений, направленных против личной свободы, раскрывают присущие им признаки, причем с точки зрения определения данных преступлений в качестве системного образования теоретико-правовое значение имеют признаки общего характера. Они, в свою очередь, могут быть выделены как на уровне характеристики преступлений против личной свободы в контексте положения ч. 1 ст. 11 УК, так и с точки зрения их законодательной модели, непосредственно предусмотренной частями первыми ст. 181–187 УК (признаки основных составов данных преступлений).

Первым, ключевым признаком преступлений против личной свободы, определяемым на основе положения ч. 1 ст. 11 УК, является общественная опасность данных деяний, содержание которой составляет то, что они причиняют либо создают угрозу причинения вреда системе отношений в сфере реализации права человека на свободу, обеспечения его личной свободы. Качественно-количественные показатели общественной опасности рассматриваемых преступлений (т. е. характер и степень) определяются главным образом свойствами основного непосредственного объекта данных преступлений, а также формой вины, характеризующей таковые с точки зрения субъективной составляющей. Преступления против личной свободы человека имеют относительно однородный характер и достаточно высокую степень общественной опасности. Однородность характера общественной опасности

обусловлена главным образом единством объекта, которому причиняется вред либо создается угроза его причинения в случае их совершения. Специфика же последнего предопределяет однородность характера вредных последствий, которые могут быть классифицированы как физический и (или) психический вред, что, в свою очередь, также указывает на качественную однородность рассматриваемого признака преступлений против личной свободы.

Высокая степень общественной опасности преступлений против личной свободы объясняется:

во-первых, особой значимостью основного объекта причинения вреда. Как справедливо указывает российский автор М.Р. Снахова, при совершении преступления против личной свободы потерпевший оказывается в опасном для жизни и здоровья состоянии, когда преступник приобретает не ограниченную правом фактическую власть в его отношении, а удовлетворение первичных жизненных потребностей потерпевшего зависит от произвола преступника¹;

во-вторых, сопряженностью большинства рассматриваемых преступлений с причинением вреда дополнительному объекту уголовно-правовой охраны (здоровье, личная неприкосновенность, отношения собственности и т. д.).

Следующим обязательным признаком преступлений против личной свободы является их противоправный характер, что фактически означает правомерность признания посягательством на свободу человека только тех деяний, которые предусмотрены уголовным законом в качестве преступлений против указанного объекта уголовно-правовой охраны. Согласно УК Республики Беларусь перечень преступлений, непосредственно направленных на ограничение (лишение) личной свободы человека, включает в себя следующие деяния: торговлю людьми (ст. 181), использование рабского труда (ст. 181¹), похищение человека (ст. 182), незаконное лишение свободы (ст. 183), незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 184), принуждение (ст. 185), угрозу убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186), а также незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187).

В основе данного перечня – единство объекта, а именно однородных общественных отношений, возникающих по поводу обеспечения личной свободы человека. Непосредственная направленность указанных преступлений на причинение вреда данному объекту и является главным связующим элементом, объединяющим их в рамках гл. 22 УК

¹ См.: Снахова М. Р. Уголовно-правовая охрана личной свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2002. Л. 4.

Республики Беларусь. Системное действие норм об ответственности за преступления, предусмотренные ст. 181–187 УК, позволяет не только бороться с отдельными проявлениями противоправного ограничения (лишения) личной свободы человека, но и достигать основной цели регулятивного воздействия уголовного закона в данной области – упорядочения охраны соответствующей группы общественных отношений.

Третий признак рассматриваемых преступлений – виновность. Он позволяет исключить объективное вменение при уголовно-правовой оценке содеянного в качестве соответствующего преступления. Как отмечают С.Г. Келина и В.Н. Кудрявцев, ответственность человека должна основываться не только на том, что он причинил своими действиями общественно опасный результат, но и на том, что эти действия прошли предварительно через его сознание и волю и явились выражением его субъективных намерений, желаний и интересов.¹ В случае совершения рассматриваемых преступлений такого рода субъективные намерения и желания должны быть реализованы исключительно в виде прямого умысла, содержание которого составляет негативное психическое отношение лица к совершаемому деянию, характеризующееся осознанием общественной опасности избранной формы поведения и желанием совершить посягательство на личную свободу в той или иной форме.

Исходя из законодательного определения преступления (ч. 1 ст. 11 УК), признаком рассматриваемых деяний следует признавать и их наказуемость, а именно запрещенность соответствующей формы поведения под угрозой применения наказания, предусмотренного санкциями соответствующих уголовно-правовых норм (ст. 181–187 УК).

Для того чтобы то или иное деяние было признано посягательством на личную свободу человека, оно по определению должно быть совершено против или помимо воли потерпевшего, что фактически означает отсутствие согласия лица на ограничение (лишение) его личной свободы. Последнее, в свою очередь, предполагает применение виновным лицом того или иного способа совершения преступления, коим может быть обман, злоупотребление доверием, использование зависимого положения потерпевшего, угроза насилием или совершением иного действия, равно как фактическое применение насилия или иного принуждения (исключение составляют случаи совершения посягательства на личную свободу несовершеннолетнего, лица с так называемым пороком воли, ограничение (лишение) свободы которых не всегда требует применения каких-либо способов воздействия, особенно на начальной стадии совершения преступления). Отмеченное обстоятельство

¹ См.: Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М. : Наука, 1988. С. 113.

позволяет указать и на такой признак рассматриваемых преступлений, как своевольность совершения характеризующих их деяний.

На основании изложенного преступления против личной свободы могут быть определены как общественно опасные деяния, предусмотренные уголовным законом в качестве преступлений против названного объекта уголовно-правовой охраны, запрещенные им под угрозой наказания, совершаемые против или помимо волеизъявления потерпевшего и характеризующиеся умышленной виной в виде прямого умысла.

Исходя из содержания и форм проявления личной свободы, рассматриваемые преступления могут быть подразделены на следующие группы: 1) преступления, непосредственно направленные против свободы принятия человеком волевого решения относительно своего поведения (например, торговля людьми, принуждение); 2) преступные деяния, направленные против физической свободы (в частности, похищение человека, незаконное лишение свободы, незаконное помещение в психиатрический стационар); 3) преступления, посягающие на состояние личной свободы человека в совокупности всех форм ее проявления (например, использование рабского труда).

Значение классификации рассматриваемых преступлений заключается в следующем. Во-первых, она способствует уяснению сущности различных групп посягательств на свободу человека, благодаря чему обеспечивается формирование целостного представления обо всей системе данных преступных деяний. Во-вторых, классификация дает возможность выявить сходство и различия уголовно-правового регулирования в области охраны личной свободы человека. Кроме того, при помощи классификации удастся установить или спрогнозировать отсутствие недостающих уголовно-правовых запретов в рассматриваемой области.

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

2.1. Социально-правовые и исторические предпосылки установления ответственности за торговлю людьми

Торговля людьми представляет собой опасное посягательство на свободу человека как одно из важнейших человеческих благ, защищаемых и гарантированных цивилизованными государствами. Безусловно, большое значение имеет изучение истории развития уголовного права в данном аспекте, что позволяет уяснить причины криминализации исследуемого деяния, социальную обусловленность установления уголовно-правового запрета на торговлю людьми.

Похищение и продажа свободного человека в рабство признавались особо тяжким преступлением еще древнейшими памятниками права. В качестве примера можно привести § 14 Законов Хаммурапи, который устанавливал ответственность в виде смертной казни за похищение человеком «малолетнего сына человека». Аналогичное наказание за похищение родовитых людей, и особенно женщин, было предусмотрено ст. 323 древнеиндийских Законов Ману.

Своеобразная охрана свободы человека закреплялась и в древнейших памятниках русского права, нормы которого действовали в X – начале XI в. и на белорусских землях. Так, ст. 61 Пространной редакции Русской Правды устанавливала запрет на продажу господином закупа (феодално-зависимого крестьянина, но сохранившего элементы прав свободного человека) как холопа. Сделка в таком случае признавалась недействительной, а господин наказывался и обязан был вернуть деньги покупателю. Последний должен был отпустить закупа на свободу. Статьей 110 данного закона устанавливалось три случая утраты личной свободы человека: продажа человека при свидетелях (допускалась, когда свободный человек, попавший в безысходное материальное положение, в целях покрытия долгов продавал себя, т. е. добровольно давал согласие на то, чтобы его могли купить взамен погашения долга), женитьба на рабе без соответствующего соглашения (это касалось как случаев, когда свободный человек женился на холопке, так и случаев, когда замуж за холопа выходила свободная девушка), вступление в должность тиуна или ключника (эти должности предусматривали ведение господского хозяйства только холопами, но экономическая нужда толкала на этот шаг и свободных людей).

Уже в Русской Правде выделялся особый вид похищения человека – с целью его последующей продажи в неволю или рабство (ст. 31).

Подлинной революцией в правотворчестве на территории современной Беларуси стало издание Статутов ВКЛ 1529, 1566 и 1588 гг. – первых в Европе сводов законов, основанных на национальном законодательстве и обычном праве, в то время как большинство европейских государств пользовались не национальным, а римским правом. Будучи в целом демократичными по сравнению с ранее действовавшими законами, Статуты ВКЛ закрепили отрицательное отношение и к рабству и работорговле. После трех разделов Речи Посполитой белорусские земли вошли в состав Российской империи. С тех пор на этой территории стали применяться российские законы, в частности Соборное уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г., Свод законов 1832 г., Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных 1845 г., Уголовное уложение 1903 г. Все вышеназванные законы охраняли свободу человека посредством установления запрета, в том числе и на продажу человека. Так, в ст. 187 Артикула воинского похищение человека с целью его продажи расценивалось как квалифицированный вид кражи, виновные в которой подвергались смертной казни: «ежели кто человека украдет и продаст, оному надлежит, ежели докажется, голову отсечь». Аналогичный запрет содержался в Своде законов Российской империи 1832 г., но наказание за похищение и продажу человека устанавливалось более мягкое: «кто человека свободного состояния похитит и продаст, тот подлежит лишению прав состояния, наказанию кнутом и ссылке в каторжную работу» (ст. 429 гл. VI).

Уложение о наказаниях уголовных и в исправительных 1845 г. (редакция 1885 г.), действовавшее в Российской империи в послепетровский период, также признавало преступлением продажу в рабство или передачу азиатам или другим иноплеменным кого-либо из русских поданных или лиц, находившихся под покровительством российских законов. Аналогичная норма содержалась и в Уголовном уложении. Вместе с тем законодательство рассматриваемого периода не содержало норм, запрещавших торговлю женщинами. На практике такое деяние рассматривалось как подговор к эмиграции (если женщины продавались за границу) или как несоблюдение правил, регламентировавших проституцию (в случае продажи женщин в своей стране). Тем не менее в Уголовном уложении была закреплена правовая основа для борьбы с антиобщественными явлениями, способствовавшими распространению торговли женщинами. Так, ст. 526 устанавливала ответственность за склонение лиц женского пола промышлять развратом путем насилия, угрозы, обмана или злоупотребления властью; склонение такими способами к выезду за границу с целью обратить на промысел разврат. Кроме того, было предусмотрено наказание за сутенерство и вербовку женщин для занятия проституцией (ст. 527).

24 мая 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР. Третья сессия ЦИК БССР приняла постановление о распространении действия Уголовного кодекса РСФСР на всю территорию Беларуси с 1 июля 1922 г. Несмотря на то что торговля людьми в первом советском УК не была выделена в самостоятельный состав, уголовную ответственность влекли деяния, способствовавшие распространению торговли женщинами. Так, ст. 170 УК предусматривала ответственность за принуждение к занятию проституцией, совершенное посредством физического или психического воздействия из корыстных или иных видов. Кроме того, уголовный закон устанавливал наказание за вербовку женщин для проституции (ст. 171).

В УК БССР 1928 г. подход законодателя к криминализации торговли людьми не изменился, однако уголовный закон сохранил запрет на деяния, связанные с торговлей людьми (принуждение к занятию проституцией, вовлечение в занятие проституцией).

Ситуация не изменилась и после введения в действие УК БССР 1960 г. Норма, предусматривающая ответственность за торговлю людьми, в УК отсутствовала, хотя в международном масштабе активизировалась деятельность по противодействию этому явлению. Указанный пробел в законодательстве можно объяснить тем, что в советский период проституция и неразрывно связанная с ней торговля женщинами в целях их сексуальной эксплуатации существовали как исключительное явление, не получая широкого распространения. Иные виды торговли людьми фактически отсутствовали. Объяснялось такое положение целым рядом причин как объективного, так и субъективного характера. Во-первых, торговля людьми фактически была возможна лишь на территории СССР, поскольку наличие железного занавеса, крайне жесткие ограничения в части выезда за рубеж делали невозможным вывоз граждан за пределы государства. Во-вторых, спрос на противоправные услуги сексуального характера, и прежде всего на проститутки, в СССР был сравнительно низким. Существовавшая идеология строго осуждала как занятие проституцией, так и использование услуг проститутки. В-третьих, экономическая ситуация обеспечивала возможность получения населением хотя и относительно небольших, но стабильных заработков, которые давали возможность обеспечить необходимым как себя, так и детей. Проблемы безработицы не существовало, достаточно высокий уровень образования женщин позволял получить им работу по специальности.

Предупреждение в аспекте противодействия проституции обеспечивали в то время нормы УК, предусматривавшие ответственность за содержание притонов и сводничество (ст. 221) и за вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией (ст. 205).

Перемены в государственном устройстве и социально-экономической жизни Беларуси, происшедшие в 90-х гг. прошлого века, повлекли и необходимость изменений уголовного законодательства. В связи с переосмыслением социальных ценностей на первое место были поставлены права, свободы и законные интересы человека. Действующий УК, отразивший правовые подходы к охране личной свободы человека, обеспечил и уголовно-правовое регулирование борьбы с торговлей людьми. При этом УК впервые ввел в качестве самостоятельных преступлений торговлю людьми (ст. 181) и вербовку людей для эксплуатации (ст. 187), что было обусловлено прежде всего требованиями, вытекающими из международно-правовых обязательств Республики Беларусь. Однако и сама жизнь подсказывала необходимость установления таких запретов. Все чаще стали выявляться факты, связанные с продажей людей, и прежде всего женщин и детей в сексуальное рабство. Вместе с тем практика применения ст. 181 и 187 УК не отражала фактического состояния дел в этой области. Причина их слабой практической востребованности, и прежде всего ст. 181, заключалась в недооценке правоприменителем важности проблемы борьбы с торговлей людьми как транснациональным преступным явлением, затрагивающим права и свободы многих граждан. В ст. 181 УК (в прежней редакции) содержалась более узкая трактовка понятия «торговля людьми», не охватывавшая ряд действий, подпадающих под понятие этого состава преступления. Кроме того, при формулировании диспозиции этой статьи законодатель использовал конструкцию усеченного состава преступления. Такая конструкция затрудняла применение указанной нормы на практике и не позволяла обеспечить единообразие в квалификации данного преступления.

С учетом требований декрета Президента Республики Беларусь законом от 4 мая 2005 г. № 15-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения» были внесены изменения и дополнения в уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за преступления, связанные с торговлей людьми. Существенным изменениям подверглась и ст. 181 УК, непосредственно устанавливающая ответственность за данное преступное деяние.

Принятый в Республике Беларусь комплекс мер, направленных на борьбу с торговлей людьми и связанных с ней противоправных деяний, позволил повысить эффективность противодействия современной работорговле и обеспечить безопасность общества. Так, указом Президента Республики Беларусь 6 декабря 2007 г. № 624 была утверждена Государственная программа противодействия торговле людьми, неле-

гальной миграции и связанным с ними противоправным деяниям на 2008–2010 годы, основной целью которой было обеспечение плановой и скоординированной деятельности государственных органов и иных государственных организаций при осуществлении организационно-правовых, организационно-практических мероприятий, направленных на эффективное предупреждение, выявление и пресечение торговли людьми, нелегальной миграции и сопутствующих им противоправных деяний, а также на устранение причин, порождающих эти общественно опасные явления. Последовательным продолжением этой линии стало принятие Государственной программы противодействия торговле людьми, нелегальной миграции и связанным с ними противоправным деяниям на 2011–2013 годы и Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 350-З «О противодействии торговле людьми». Основные направления государственной политики в области противодействия торговле людьми нашли отражение и в утвержденной решением республиканского координационного совещания от 15 марта 2013 г. № 26-07 ркс-2013 Программе по борьбе с преступностью и коррупцией на 2013–2015 годы.

Вместе с тем, несмотря на положительную динамику законодательства в сфере борьбы с торговлей людьми, прослеживался неоднозначный подход к правовой оценке целого ряда признаков данного состава преступления. В правоприменительной практике имелись существенные трудности, связанные с пониманием и интерпретацией диспозиции данной нормы. Нуждалось в доработке и определении понятия торговли людьми. Решением проблемы стало внесение законом от 5 января 2015 г. № 241-З изменений и дополнений в уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за преступления, связанные с торговлей людьми.

2.2. Международно-правовое регулирование борьбы с торговлей людьми

Торговля людьми, будучи сложным и многогранным явлением общественной жизни, затрагивает многие аспекты. Для успешной борьбы с ней государства заключают соглашения, которые предусматривают единые подходы к решению данной проблемы как в законотворческом процессе, так и правоприменительной практике. Учитывая то, что торговля людьми во многих случаях имеет транснациональный характер, достижение успеха в борьбе с ней невозможно лишь на национальном уровне без осуществления международного сотрудничества.

Международно-правовые меры борьбы с торговлей женщинами стали разрабатываться еще с начала XX в. В 1904 г. был принят первый

обязательный международно-правовой документ – Международный договор о борьбе с торговлей белыми рабынями. Основной акцент был сделан на координации усилий государств по репатриации потерпевших. Кроме того, государства обязались осуществлять контроль над агентствами, предлагавшими девушкам и женщинам работу за границей (ст. 6). В 1910 г. была принята Международная конвенция о пресечении торговли женщинами, согласно которой на 13 ратифицировавших ее стран возлагалось обязательство наказывать лиц, занимавшихся сводничеством. При этом ответственность наступала в случае, если склонение женщин к занятию проституцией осуществлялось путем применения угроз, насилия, обмана, злоупотребления властью либо иным способом принуждения. Особой защитой пользовались несовершеннолетние: их согласие на занятие проституцией не учитывалось при решении вопроса об ответственности виновных лиц.

И в международном договоре 1904 г., и в конвенции 1910 г. акцент был сделан на защите белых женщин, остальные оставались незащищенными. Кроме того, конвенция 1910 г., криминализовав вовлечение в проституцию, оставила за рамками правового регулирования ответственность непосредственно за торговлю людьми.

Многие пробелы названной конвенции устранила Женевская конвенция о борьбе с торговлей женщинами и детьми, принятая в 1921 г., которая обязала государства разработать законопроект об уголовной ответственности лиц, занимавшихся вовлечением женщин в проституцию, и впервые указала на целесообразность наказания не только за сводничество, но и за непосредственную торговлю женщинами и детьми.

Ответственность за торговлю совершеннолетними женщинами даже с их согласия была закреплена в Конвенции о борьбе с торговлей совершеннолетними женщинами 1933 г. Стороны, подписавшие данный документ, должны были информировать друг друга о деятельности профессиональных торговцев людьми.

Ключевым документом, к которому апеллировали при рассмотрении вопросов торговли людьми, долгое время была Конвенция ООН о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 г., отменившая положения международных актов 1904, 1910, 1921, 1933 гг.

В конвенции, как и следовало из ее названия, акцент был сделан на торговле людьми с целью проституции. Преступлениями международного характера были признаны: сводничество, склонение или возвращение в целях проституции другого лица, даже с его согласия (п. 1 ст. 1), эксплуатация проституции третьими лицами, даже с согласия эксплуатируемых (п. 2 ст. 1), содержание публичных домов или управление ими, участие в их финансировании (п. 1 ст. 2), передача в аренду или

наем помещения для использования с целью проституции (п. 2 ст. 2). Однако в конвенции не рассматривались другие формы торговли людьми, кроме так называемой сексуальной эксплуатации. Многие международные организации критично отнеслись к конвенции, что было обусловлено отсутствием определения торговли людьми, невозможностью отделить ее от проституции, осуждением добровольной проституции. Борьба с торговлей людьми подменялась идеей уничтожения проституции как таковой.

Свидетельством непризнания Беларусью существования торговли женщинами явилось отсутствие в УК БССР 1960 г. норм, направленных на противодействие торговле людьми.

Между тем борьба с эксплуатацией и насилием в отношении женщин продолжала оставаться в центре внимания мирового сообщества. Принятая в 1979 г. Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин вновь обратила внимание государств на данную проблему. И хотя в Конвенции не давалось четкого определения торговли женщинами, она обязала государства принимать соответствующие меры, включая законодательные, для пресечения всех видов торговли женщинами и эксплуатации их проституции (ст. 6).

В 1993 г. Всемирной конференцией по правам человека была принята Венская декларация, в которой была дана негативная оценка торговле женщинами. В ст. 18 данного документа указывалось, что насилие по признаку пола и все формы сексуального домогательства и эксплуатации, включая те из них, которые проистекают из незаконной международной торговли женщинами, несовместимы с достоинством и ценностью человеческой личности и должны быть искоренены. Позитивный момент этого положения состоял в том, что проституция (сексуальная эксплуатация) не рассматривалась как первопричина торговли людьми, а наоборот – торговля людьми рассматривалась как причина некоторых форм насилия против женщин. Следовательно подвергались сомнению положения конвенции 1949 г. о том, что можно искоренить торговлю людьми путем запрещения проституции.

В 1995 г. в Пекине состоялась IV Всемирная конференция по положению женщин, в ходе которой была затронута и проблема торговли людьми. В принятой по итогам конференции Пекинской платформе действий нашла отражение уже более широкая интерпретация этого понятия: под торговлей людьми понималась торговля женщинами и девочками в целях проституции и других коммерческих видов деятельности, связанных с сексом, браками по принуждению и принудительным трудом.

Первым международным документом, рассматривающим достаточно широкий спектр торговли людьми и содержащим ее определение,

обязательное с правовой точки зрения для всех стран мира, стал Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (Палермский протокол).

В ст. 3 Палермского протокола торговля людьми определена как «осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения либо путем подкупа в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо».

Следует отметить ряд характерных особенностей определения торговли людьми, содержащегося в Палермском протоколе: во-первых, оно не ограничивается одной лишь целью – эксплуатацией сексуальных услуг, предусматривая различные формы эксплуатации, в том числе принудительный труд, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов; во-вторых, учитывается, что торговля людьми может осуществляться в пределах как одной страны, так и на международном уровне, при этом данное преступление не связывается с фактом пересечения границ жертвой, поскольку оно может осуществляться и внутри одной страны; в-третьих, согласие жертвы, полученное вследствие принуждения, обмана, использования уязвимого положения на любой стадии осуществления торговли людьми признается недействительным и не учитывается при решении вопроса о привлечении виновного к уголовной ответственности.

Более 15 лет прошло с момента принятия Палермского протокола, а он по-прежнему остается наиболее универсальным документом среди других актов, направленных на борьбу с торговлей людьми, и в достаточной мере отражает реалии современной торговли людьми. В нем прослеживается попытка объединить в едином понятии «торговля людьми» все названные выше общественно опасные деяния, посягающие на личную свободу человека, и рассматривать как одно явление работорговлю, секс-торговлю, принудительный труд, эксплуатацию репродуктивных функций человека, принудительное донорство.

В Палермском протоколе указываются меры по защите жертв торговли людьми, предупреждению преступлений, осуществлению сотрудничества между государствами в области борьбы с торговлей людьми. Кроме того, регулируется механизм международного сотрудничества государств в области выдачи преступников (экстрадиции), оказания правовой помощи. Вместе с тем в Палермском протоколе не

дается определения жертвы торговли людьми, не определен круг таких лиц, ничего не сказано о процедуре установления жертв. Эти и другие вопросы нашли отражение в принятой Советом Европы 3 мая 2005 г. Конвенции о противодействии торговле людьми, ставшей первым международным документом, рассматривающим в качестве преступления действия клиента, пользующегося сексуальными услугами жертвы торговли людьми. Согласно ст.19 субъектом данного преступления может стать клиент, который знает, что эксплуатируемое лицо является жертвой торговли людьми, и пользуется сексуальными услугами, принудительным трудом, извлечением органов.

Данная конвенция впервые дает определение жертвы торговли людьми: это физическое лицо, которое стало предметом торговли людьми (п. «е» ст. 4). Несмотря на достаточно лаконичное содержание понятия «жертва торговли людьми», следует признать законодательное закрепление данного термина важным шагом в выработке единой стратегии совместной борьбы государств с транснациональной организованной преступностью.

Конвенция предусматривает комплекс мер по защите и обеспечению прав потерпевших от торговли людьми. В частности, она требует от государств принять специальные процедуры по идентификации жертв торговли людьми; устанавливает перечень мер по оказанию помощи жертвам, включающий безопасное жилье, психологическую, материальную, медицинскую помощь, помощь в защите прав и интересов в уголовном производстве; обязывает государства предоставлять жертвам торговли людьми возможность трудоустройства и получения на их территории образования, необходимой медицинской и другой помощи, если у указанных лиц нет средств и они проживают на территории данного государства на законных основаниях (п. 3, 4 ст. 12). Конвенция обязывает государства-участников не устанавливать ответственность жертв торговли людьми за совершение противозаконных действий в случаях, когда они принуждались к совершению таких действий (ст. 26).

Эти и другие положения Конвенции Совета Европы о противодействии торговле людьми делают ее действенным инструментом в противодействии торговле людьми и обеспечении защиты прав тех, кто стал жертвой современной работорговли. 12 июля 2013 г. Республика Беларусь присоединилась к данной конвенции. Участие Республики Беларусь в ней – еще один шаг к эффективному национальному и международно-правовому регулированию борьбы с трафикингом.

2.3. Юридический анализ состава торговли людьми

Среди ученых-юристов нет единства мнений по вопросу о том, что является непосредственным объектом торговли людьми. Так, одни авторы считают непосредственным объектом личную свободу, честь и достоинство¹. По мнению А.В. Баркова, преступление, предусмотренное ст. 181 УК, посягает на личную свободу человека, лишает его возможности самостоятельно определять место жительства, род деятельности, а часто и свою судьбу, превращая его в раба, в товар, унижая честь и достоинство личности². Другая группа ученых выделяет в качестве объекта лишь свободу волеизъявления человека³. В.В. Марчук считает, что непосредственным объектом торговли людьми следует признать общественные отношения, обеспечивающие личную свободу человека⁴. Украинские ученые полагают, что объектом торговли людьми следует признать достоинство человека или общественную мораль⁵. С этим мнением трудно согласиться. Посягательство при торговле людьми направлено в первую очередь против человека и его прав. Влияние на общественную мораль может рассматриваться только как возможный результат этого преступления, поскольку она в большинстве случаев вообще не страдает и посягательство на нее не направлено (речь идет о случаях, когда лицо продают для использования как наемного рабочего для эксплуатации его труда).

Представляется, что *основным непосредственным объектом торговли людьми* следует признать личную свободу человека. Данная позиция закреплена в УК и строится на иерархическом взаимодействии родового, видового и непосредственного объектов преступления. *Дополнительный* объект составляют жизнь, здоровье, половая свобода и половая неприкосновенность человека, а также нравственное и физическое развитие ребенка.

Объект преступления взаимосвязан с его *предметом*. Между тем в научной среде дискутируется вопрос о том, может ли человек быть предметом преступных посягательств.

¹ См.: Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть / А.И. Лукашов [и др.]; под общ. ред. А.И. Лукашова. Минск : Тесей, 2001. С. 145.

² См.: Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред.: Н.А. Бабия, И.О. Грунтова. Минск : Новое знание, 2002. С. 195.

³ Там же.

⁴ См.: Марчук В. Торговля людьми (уголовно-правовой анализ и квалификация). С. 42.

⁵ Іващенко В.О. Кримінологічні та кримінально-правові аспекти боротьби з торгівлею жінками та дітьми : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Київ, 2000. Л. 8 ; Орлеан А.М. Об'єкт незаконної торгівлі людьми та місце складу цього злочину в структурі Особливої частини Кримінального кодексу України // Вісн. запорізького державного ун-ту. 2001. № 2. С. 272.

По мнению В.К. Глистина, человек в сделках купли-продажи «живого товара» выступает в качестве предмета торговых отношений. Несмотря на то что он личность, продукт социальных отношений, в определенных условиях он выступает в качестве предмета отношений¹. В.Я. Такий также полагает, что человек, являющийся субъектом общественного отношения, может в ряде случаев быть его предметом². С.В. Бородин считает, что введение уголовной ответственности за торговлю несовершеннолетними – это ответ законодателя на сложившуюся реальность, когда «несовершеннолетние в ряде случаев становятся „товаром“, приносящим прибыль различного рода преступникам»³. Авторы учебного пособия под редакцией И.Ч. Шушкевича убеждены, что предметом преступления, предусмотренного ст. 127.1 УК РФ, следует считать человека независимо от пола, возраста, состояния здоровья, национальности, степени родства с продавцом и социального статуса⁴.

Другая группа авторов считает, что человек в таких случаях должен признаваться потерпевшим, поскольку признание его предметом преступления является неэтичным⁵. По мнению Ю.Л. Шевцова, в уголовном праве не принято говорить о человеке как предмете преступления. В отношении лица, которому преступлением причинен физический, материальный, моральный или иной вред, используется термин «потерпевший»⁶. Этой же точки зрения придерживается А.В. Пашковская, которая констатирует, что иногда, чаще при посягательствах на личность, под признаком «предмет преступления» подразумевают человека, «путем воздействия на тело которого совершается посягательство против объекта». Однако в таких случаях термин «предмет преступления» следует заменить термином «потерпевший»⁷.

На наш взгляд, в данной ситуации происходит некоторое совпадение потерпевшего и предмета преступления. Это связано с тем, что в процессе совершения торговли людьми лицо подвергается преступному воз-

¹ См.: Глистин В.К. Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. С. 26.

² См.: Такий В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков : Выща шк., 1988. С. 42.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / С.В. Бородин [и др.]; под ред. А.В. Наумова. М. : Юрист, 1996. С. 386.

⁴ См.: Особенности предотвращения и расследования преступлений, связанных с торговлей людьми : учеб. пособие / под общ. ред. И.Ч. Шушкевича. М. : Волтерс Клувер, 2008. С. 59.

⁵ См.: Противодействие торговле людьми : учеб. пособие / под ред. А.М. Бандурки. Харьков : Консум, 2003. С. 40.

⁶ Уголовное право. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий [и др.]; под ред. В.М. Хоми-ча. Минск : Тесей, 2002. С. 96.

⁷ См.: Курс уголовного права : учеб. для вузов : в 5 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. Т. 1. Общая часть. Учение о преступлении. М. : Зерцало, 2002. С. 217.

действию, в результате чего оно теряет возможность распоряжаться собой. Человек превращается в «живой товар», вещь и может выступать предметом купли-продажи и иных сделок. Особенно это относится к тем случаям, когда торговля осуществляется в отношении невменяемых либо малолетних. Вряд ли можно здесь вести речь о потерпевших.

Законом от 5 января 2015 г. № 241-З диспозиция ст. 181 УК изменена. В новой редакции она практически дословно воспроизводит изложенную в международно-правовых актах дефиницию торговли людьми. Последняя определена как вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека в целях эксплуатации, совершенные путем обмана, либо злоупотребления доверием, либо применения насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия. Законодатель отказался от использования гражданско-правовой терминологии, исключив куплю-продажу и совершение иных сделок в отношении человека из диспозиции ст. 181 УК. По сути, декриминализована часть общественно опасных деяний, связанных с торговлей малолетними.

Наиболее распространенной формой торговли людьми, предусмотренной диспозицией ст. 181 УК, является вербовка лица для эксплуатации, которая начинается, как правило, с выдвижения предложения о заключении подобного соглашения и завершается заключением его в письменной или устной форме. Оконченной вербовка признается с момента заключения соглашения в любой форме (письменно или устно). Если цель виновного не была достигнута и лицо отказалось от предлагаемой работы, то налицо признаки покушения на преступление.

В правоприменительной практике существовала проблема, связанная со сложностями в разграничении вербовки в целях эксплуатации (в данном случае речь идет о сексуальной эксплуатации) и вовлечения в занятие проституцией (ст. 171¹ УК). По мнению М.Ю. Буряк, основной критерий разграничения связан с фактом добровольности привлечения лица к занятию проституцией. Так, если умысел виновного был направлен на последующее использование проституции потерпевшего и совершается в форме привлечения, т. е. подразумевается добровольность, хотя бы и под влиянием обмана, то действия должны квалифицироваться как вербовка в рамках торговли людьми. Если целью является занятие проституцией потерпевшего и осуществляется как в форме привлечения, так и с использованием принуждения, то действия следует квалифицировать как вовлечение в занятие проституцией¹.

¹ См.: Буряк М.Ю. Торговля людьми и борьба с ней (криминологические и уголовно-правовые аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Владивосток, 2005. С. 26–27.

С данной точкой зрения не согласна И. Алихаджиева, которая считает, что добровольность не является безусловным критерием разграничения конкурирующих составов преступления. По ее мнению, отграничение вербовки от ненасильственного вовлечения в занятие проституцией состоит в том, что при вербовке не просто возбуждается желание заниматься проституцией либо достигается согласие жертвы на вхождение в коммерческий секс, а наличествует субъективная оценка потерпевшим самой сути деятельности, когда для него очевидна не только сама перспектива занятия проституцией, но и конкретные обстоятельства этой его деятельности в будущем¹.

А.В. Наумов предлагает проводить разграничение рассматриваемых преступлений в зависимости от объекта преступного посягательства. Поскольку, по его мнению, торговля людьми своим объектом имеет свободу личности, а объектом вовлечения в занятие проституцией является общественная нравственность и здоровье населения, то в основу разграничения преступлений следует положить факт посягательства на свободу соответствующего лица. Вербовка человека в целях его сексуальной эксплуатации, как считает ученый, образует состав торговли людьми в том случае, если, например, лицо лишают свободы (отбирают документы, запирают в помещении и т. д.). Если вербовка человека для занятия проституцией (и согласие его на это) не связана с лишением его свободы, содеянное следует квалифицировать как вовлечение в занятие проституцией².

Однако для правоприменительной практики такой признак состава преступления, как объект посягательства, не служит основным разграничивающим критерием при решении вопроса о квалификации преступления торговля людьми. Более того, как показывает практика, вербовка носит добровольный характер и сопряжена, как правило, с обманом, злоупотреблением доверием или использованием зависимого положения, при котором потерпевший соглашается на предложенную работу, заблуждаясь относительно либо рода такой работы, либо условий предлагаемой деятельности, не сознавая того, что в дальнейшем будет подвергнут эксплуатации. Крайне редки случаи получения согласия потерпевшего путем угрозы применения насилия, ограничения свободы или использования иных способов воздействия. При вовлечении в занятие проституцией лицо вынуждено согласиться на занятие подобного рода деятельности под воздействием уговоров, угроз, шантажа либо посредством физического насилия.

¹ См.: Алихаджиева И. О разграничении торговли людьми и вовлечения в занятие проституцией (статьи 127.1 и 240 УК России) // Уголов. право. 2008. № 1. С. 6.

² См.: Наумов А. Разграничение преступлений, предусмотренных ст.ст. 127.1 и 240 УК // Законность. 2007. № 6. С. 15.

Разграничить рассматриваемые преступления позволяет субъективная сторона преступления, и прежде всего такой ее признак, как цель. Если будет установлено, что виновный, вовлекая лицо в проституцию, преследует цель в дальнейшем использовать это лицо для эксплуатации, в том числе сексуальной, его действия следует квалифицировать как торговлю людьми. При отсутствии такой цели должна применяться ст. 171¹ УК.

Перевозка – это перемещение лица в пространстве из одного места в другое с использованием любого транспортного средства с целью эксплуатации. Существует и иная точка зрения, согласно которой данная форма торговли людьми предполагает не только физическое перемещение, но и организацию физического перемещения (оформление виз, приобретение билетов) людей с одного места в другое посредством любого вида транспорта для последующей эксплуатации¹. Полагаем, что организация физического перемещения в виде приобретения билетов и оформления виз не может рассматриваться еще как перевозка. Такие действия характеризуются как приготовительные и обеспечивают достижение преступной цели в будущем (в данном случае перевозки с целью эксплуатации). Лица, которые оказывают содействие в перевозке потерпевших путем организации встреч и проводов, предоставлении материальных средств, при условии, что они действовали с указанной в диспозиции ст. 181 УК целью, несут ответственность как соучастники в торговле людьми в форме перевозки человека.

Применительно к торговле людьми наиболее распространенным способом, с помощью которого осуществляется перемещение лица, выступает обман относительно действительной цели такой перевозки. Потерпевший вводится в заблуждение относительно рода и условий предлагаемой ему работы в целях вовлечения его в дальнейшем в сексуальную или иную эксплуатацию. Перемещение может осуществляться с применением физического или психического насилия. Для облегчения перевозки лица возможно применение сильнодействующих препаратов и наркотических средств. К данному способу принуждения необходимо отнести и осуществление подчинения человека при помощи транквилизаторов, подавляющих его волю. Психическое воздействие на человека выражается в угрозе применения физического насилия, т. е. причинения каких-либо телесных повреждений, связывания и т. п.

Перевозка может осуществляться внутри государства или за его пределы. В первом случае речь идет о перемещении лица с целью эксплуатации в пределах государственных границ страны постоянного

¹ См.: Громов С.В. Некоторые вопросы квалификации преступлений – торговля людьми и использование рабского труда // Уголов. право. 2005. № 3. С. 26–28.

проживания потерпевшего. Между тем торговля людьми в основном связана с вывозом лица за пределы государства. Перемещение лица за пределы Республики Беларусь является квалифицирующим признаком состава преступления (п. 8 ч. 2 ст. 181 УК) независимо от того, законно происходит перемещение потерпевшего через границу или противозаконно. Моментом окончания перевозки следует считать не момент начала ее осуществления, как полагают некоторые авторы¹, а момент перемещения лица в назначенное место.

Торговля людьми в форме передачи человека подразумевает любые формы, в том числе и за плату, перехода потерпевшего во временное или постоянное пользование от одного лица к другому. С.В. Громов, анализируя объективную сторону состава торговли людьми в российском законодательстве, пришел к выводу, что передача человека охватывает все способы распоряжения человеком, кроме продажи, и состоит в переходе человека от одного владельца к другому, т. е. происходит смена владельца в результате, например, дарения, обмена, временной передачи для эксплуатации².

Торговля людьми в форме получения человека – это действия, связанные с приобретением человека в постоянное или временное владение на возмездной либо безвозмездной основе с целью эксплуатации.

Одной из форм торговли людьми выступает и укрывательство человека, которое предполагает совершение действий, связанных с сокрытием местонахождения лица. К таким действиям следует отнести предоставление конспиративной квартиры, помещения или иного места для сокрытия потерпевшего. Однако укрывательство может выражаться не только в физическом сокрытии человека, но и в иных действиях, затрудняющих обнаружение лица (лишение документов, изменение внешности, медикаментозное подавление физической или психической активности жертвы). По мнению некоторых авторов, укрывательство может иметь место в случаях, когда третьи лица (посредники) оказывают услуги торговцам людьми или их покупателям в перевозке потерпевших, сокрытии следов этого преступления либо торговцев или покупателей от правоохранительных органов³. Полагаем, что в данном случае речь должна идти не об укрывательстве как элементе торговли людьми, а об укрывательстве преступлений, предусмотренном ст. 405 УК. При тор-

¹ См.: Егорова Л.Ю. Объективная сторона – один из важнейших признаков состава преступления – торговли людьми // Уголов. право. 2005. № 3. С. 24 ; Кибальник А., Соломонович И. Новые преступления против личной свободы // Рос. юстиция. 2004. № 4. С. 44.

² См.: Громов С.В. Некоторые вопросы квалификации преступлений – торговля людьми и использование рабского труда. С. 27.

³ См.: Егорова Л.Ю. Объективная сторона – один из важнейших признаков состава преступления – торговли людьми. С. 24.

говле людьми сокрытие человека обусловлено его дальнейшей эксплуатацией, т. е. укрывательство совершается в отношении потерпевшего помимо его воли в целях недопущения обнаружения его правоохранительными органами, а также родственниками, тогда как укрывательство, предусмотренное ст. 405 УК, предполагает заранее не обещанное укрывательство лица, совершившего тяжкое либо особо тяжкое преступление, либо орудий и средств совершения этого преступления, следов преступления или предметов, добытых преступным путем.

Анализ объективной стороны торговли людьми требует определения способов совершения этого преступления. В юридической литературе условно их подразделяет на две группы: способы, которые свидетельствуют о торговле человеком против его воли (применение силы или угрозы ее применения, иные формы принуждения) либо помимо его воли (обман, злоупотребление доверием, использование уязвимого положения).

В предыдущей редакции ст. 181 УК все эти способы были указаны в определенной модификации в ч. 2 в качестве квалифицирующих признаков. Такая конструкция нормы негативным образом сказывалась на практике ее применения, когда к ответственности привлекались лица лишь за квалифицированные виды торговли людьми. Дело в том, что цель эксплуатации как обязательный признак состава преступления подразумевала совершение вербовки, перевозки, получения или передачи человека способами, ограничивающими его свободу волеизъявления, а это всегда связано с насилием, обманом или использованием уязвимого положения потерпевшего, выступавшими в ст. 181 УК в качестве обстоятельств, отягчавших ответственность. Опыт конструирования признаков состава торговли людьми в других государствах подсказал белорусскому законодателю решение данной проблемы. Таким способом, как обман, злоупотребление доверием, насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия, в настоящее время придан статус основного признака состава преступления.

Нет сомнений, что торговля людьми – это деяние, которое в большинстве случаев сопровождается обманом лица относительно действительной цели совершения деяния, вида работы либо условий содержания. С помощью обмана значительно облегчается совершение преступления, в первую очередь связанного с вывозом лица за пределы государства. Кроме того, наряду с обманом виновное лицо часто использует особые доверительные отношения, сложившиеся между ним и потерпевшим. Существует такое явление, как «вторая волна». Чтобы избавиться от насилия, женщины, проданные в свое время в рабство, возвращаются на родину и вербуют на достаточно быстрый способ заработать «большие деньги» за границей, умалчивая при этом об условиях и характере работы.

В новой редакции ст. 181 УК в качестве способа преступления названо также насилие, не опасное для жизни или здоровья потерпевшего, либо угроза применения такого насилия. Теперь основным составом торговли людьми охватывается нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли, а также фактическое причинение в результате физического насилия умышленных легких телесных повреждений, не повлекших кратковременного расстройства здоровья либо незначительной стойкой утраты трудоспособности. В случае причинения потерпевшему телесных повреждений иной степени тяжести речь будет идти о квалифицированном составе торговли людьми. Такое законодательное решение следует признать вполне обоснованным, учитывая подходы к конструированию данного признака в иных составах преступления. Кроме того, на необходимость дифференциации насилия неоднократно указывалось и учеными, считающими, что квалифицирующее значение следует придать применению или угрозе применения только насилия, опасного для жизни или здоровья¹.

Состав торговли людьми сконструирован как *формальный*. Исходя из указанной конструкции следует оценивать и содержание вины лица. В данном случае имеет значение психическое отношение виновного лишь к совершаемому деянию. При этом такое отношение может быть выражено только в *умышленной вине*, что вытекает из самой сущности данного преступления. Поскольку ответственность за торговлю людьми наступает независимо от последствий, то умышленная вина лица, совершающего преступление в виде торговли людьми, может быть выражена только в прямом умысле. Содержание прямого умысла следует раскрывать на основании общего правила относительно преступления с формальным составом, закрепленного в ч. 2 ст. 24 УК.

Интеллектуальный момент умысла при совершении торговли людьми заключается в осознании субъектом объективных признаков состава преступления. Во время выполнения объективной стороны виновное лицо сознает свою роль вербовщика, перевозчика, лица, укрывающего либо передающего для дальнейшей продажи человека другим лицам; незаконность дальнейшего использования лица как конечной цели преступления. Виновный понимает, что своими действиями он нарушает общепринятые нормы и правила поведения.

¹ См.: Рарог А.И. Проблема унификации уголовно-правовых норм, направленных против рабства и торговли людьми // Проблемы совершенствования правовых средств и механизмов противодействия преступности в современном обществе : материалы Междунар. науч. практ. конф., Минск, 13–14 окт. 2006 г. Минск, 2007. С. 114.

Преследуя цель незаконного принуждения человека к работе или оказанию услуг, субъект преступления также должен сознавать, что осуществляет вербовку, перевозку, передачу, укрывательство способами, ограничивающими волеизъявление потерпевшего. В случае использования обмана либо злоупотребления доверием виновный признает, что преднамеренно вводит в заблуждение лицо относительно рода и вида предлагаемой деятельности, использует особые доверительные отношения с потерпевшим с целью облегчения совершения преступления. Совершая действия, образующие торговлю людьми, с применением физического либо психического насилия, лицо признает, что использует указанные способы воздействия на потерпевшего непосредственно для совершения преступного деяния. Виновный понимает, что применение таких способов значительно облегчает ему совершение общественно опасного деяния. Осознание наличия элементов принуждения или обмана при совершении торговли людьми приводит и к осознанию лицом отсутствия согласия потерпевшего на совершение в отношении его каких-либо сделок либо иных действий, связанных с целью эксплуатации, поскольку вряд ли кто-либо может дать согласие на использование в отношении себя обмана, применение насилия либо обращение себя в рабство.

Умысел характеризуется определенным волевым отношением к общественно опасному деянию. Волевой и интеллектуальный признаки умысла, взаимодействуя, всегда являются его содержанием в том или ином сочетании. Вместе с тем им присущи и специфические различия. Если интеллектуальный признак умысла определяет, какие фактические обстоятельства, относящиеся к составу преступления, были осознаны, то его волевой признак определяет, как лицо относилось к тому, что им было осознано. Волевой признак умысла торговли людьми состоит в желании субъекта любым способом совершить в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение человека.

Несколько иное содержание вины при совершении рассматриваемого преступления, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, причинение тяжких телесных повреждений, заражение ВИЧ либо иные тяжкие последствия (ч. 3 ст. 181 УК).

Следует отметить, что по отношению к самому деянию виновный действует с прямым умыслом, т. е. сознает общественно опасный характер деяния и желает его совершить. Отношение к причинению тяжкого телесного повреждения, смерти либо иных тяжких последствий, как указано в законе, является неосторожным. Лицо может предвидеть возможность наступления таких последствий, но без достаточных к тому оснований рассчитывает на их предотвращение (легкомыслие) или не предвидит, хотя при необходимой внимательности и преду-

смотренности должно было и могло предвидеть возможность наступления таких последствий (небрежность). Если по отношению к наступившим последствиям виновный действовал с прямым или косвенным умыслом, то вполне очевидно, что указанные последствия, наступившие при умышленной вине по отношению к ним, не охватываются ст. 181 УК. Квалификация должна проводиться по совокупности преступлений.

Вина, составляя ядро субъективной стороны преступления, не исчерпывает полностью ее содержания. Она не содержит в себе ответа на вопрос, для чего виновный совершает преступление. Это устанавливается с помощью такого признака субъективной стороны, как цель. Включение законодателем в понятие торговли людьми совершения альтернативных действий в виде вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения человека предполагает осознание виновным цели эксплуатации потерпевшего, под которой в новой редакции статьи понимается незаконное принуждение человека к работе или оказанию услуг (в том числе к действиям сексуального характера, суррогатному материнству, забору у человека органов и (или) тканей) в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством.

Как видим, законодатель включил в определение понятия эксплуатации и признак сексуальной, придав ему статус конструктивного элемента состава преступления. В данном аспекте конструкция определения позволит разрешить существующую проблему разграничения торговли людьми и использования занятия проституцией (ст. 171 УК), на которую неоднократно указывали ученые и практики. Дело в том, что согласно законодательной трактовке признаков сексуальной эксплуатации, закрепленной ранее в ч. 2 примечаний к ст. 181 УК, торговля людьми охватывала любые формы использования проституции, связанные с получением материальной или иной выгоды от оказания лицами, занимающимися проституцией, сексуальных услуг другим лицам, независимо от наличия факта принуждения и согласия лица на выполнение указанных услуг. Следственной и судебной практикой не учитывался тот факт, что сексуальная эксплуатация — это разновидность эксплуатации, вследствие чего при решении вопроса о наличии в действиях виновного цели эксплуатации в сфере оказания сексуальных услуг необходимо установить признаки, которые характеризуют понятие эксплуатации, а именно наличие элементов принуждения или иных способов воздействия, с помощью которых лицо принуждается к выполнению услуг сексуального характера. При использовании занятия проституцией (ст. 171 УК), являющейся добровольной деятельностью по оказанию сексуальных услуг за вознаграждение, на лицо не оказы-

вается никакого психического или физического воздействия с целью поставить его в зависимое положение, которое бы позволило эксплуатировать данное лицо, распоряжаться им как вещью.

Впервые законом от 5 января 2015 г. № 241-З введена ответственность и за принуждение к суррогатному материнству. Речь в данном случае идет об одной из форм эксплуатации человека в составе торговли людьми, когда женский организм используется для вынашивания беременности и родов. Такие случаи известны в мировой практике. Подобным бизнесом руководила одна из подпольных организаций по «разведению детей», которая обманным способом заставляла женщин стать суррогатными матерями. К добровольно согласившимся на оказание услуг пациенткам впоследствии применялось насилие, их незаконно удерживали и принуждали к вступлению в половые отношения для зачатия ребенка. И только благодаря усилиям правоохранительных органов женщин смогли освободить из рабства.

В Республике Беларусь также был зафиксирован ряд общественно опасных деяний, связанных с использованием репродуктивных технологий в нарушение норм действующего законодательства¹. В правоприменительной практике возникли проблемы, связанные с квалификацией действий лиц, которые за крупное денежное вознаграждение под видом суррогатного материнства организовали искусственную инсеминацию женщин, рождение ими детей и дальнейшую передачу новорожденных заказчикам (чаще всего бездетным семейным парам из ближнего и дальнего зарубежья). К сожалению, данные действия не получили должной правовой оценки, что свидетельствует о том, что законодательная охрана сферы применения вспомогательных репродуктивных технологий не лишена пробелов и трудностей в правоприменении.

В качестве цели эксплуатации человека в новой редакции статьи названо и принуждение к забору у человека органов и (или) тканей, ранее выступавшее в качестве обстоятельства, отягчавшего ответственность за торговлю людьми. В статье данный признак не ограничен указанием на трансплантацию как конечную цель изъятия органов и тканей, что позволит на практике вменить торговцу людьми цель извлечения органов без доказательств трансплантации их у жертвы и пересадки реципиенту. Кроме того, признание данного признака конструктивным элементом состава торговли людьми разрешило проблему необоснованного придания данной форме эксплуатации человека квалифицирующего значения. Следует также отметить, что с точки зрения

¹ В Республике Беларусь правовые и организационные основы вспомогательных репродуктивных технологий, обеспечение прав граждан при их применении закреплены в Законе от 7 января 2012 г. № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях».

юридической техники включение законодателем в определение эксплуатации указания на забор у человека органов и (или) тканей позволило устранить юридический парадокс, ограничивавший практическое применение данного квалифицирующего признака. Дело в том, что достаточно проблематично представить ситуацию, когда виновное лицо может преследовать одновременно две цели: эксплуатацию лица (обязательный признак состава) и изъятие у него органов и тканей для трансплантации (квалифицирующий признак).

Диспозиция ст. 181 УК не конкретизирует, в чьих интересах должна осуществляться эксплуатация человека, из чего следует, что лицо, совершающее преступление, может действовать как с целью личной эксплуатации потерпевшего, так и с целью его эксплуатации третьими лицами.

Принуждение человека к работе или оказанию услуг как элемент эксплуатации предполагает совершение любых действий, связанных с предъявлением требования выполнить любой вид работ либо оказать услуги, путем применения психического или физического насилия. Для того чтобы заставить человека выполнять какую-либо работу, часто применяется шантаж, представляющий собой угрозу распространением компрометирующих сведений как о самом потерпевшем, так и о людях, репутация которых небезразлична для потерпевшего. Обязательным признаком является отсутствие у потерпевшего возможности отказаться от выполнения таких работ и услуг вследствие определенной зависимости, в силу которой жертва вынуждена подчиняться требованиям принуждающего лица.

Отсутствие возможности отказаться от исполнения работы без опасения за здоровье и жизнь характеризует труд человека как рабский. Законодатель впервые ввел в уголовный закон понятия, которые слух современного человека отказывается воспринимать: рабство и обычаи, сходные с рабством. Однако реальность такова, что в современных формах и рабство, и долговая кабала, и крепостное состояние, к сожалению, существуют.

Ответственность за торговлю людьми законодатель установил с 16 лет, что обусловлено неспособностью лица в более раннем возрасте сознавать характер и социальное значение совершаемого деяния. 16-летний человек, получивший определенный социальный опыт, среднее образование, полностью осознает ценности общества, хотя и не всегда их принимает. В этом возрасте происходит формирование осознания позиций общества и государства. Общественная опасность таких посягательств, бесспорно, велика и вполне очевидна для несовершеннолетнего с нормальным психосоциальным развитием. Он способен сознавать, что его действия унижают общечеловеческие ценности, являются общественно опасными и противоречат уголовному закону. Лицо, достигшее

16-летнего возраста, вполне адекватно оценивает противоправность деяний, умаляющих человеческое достоинство и предполагающих возможность обладания и распоряжения человеком как вещью.

В научной литературе высказано предложение о снижении возраста уголовной ответственности за торговлю людьми. Так, Я.Г. Лизогуб, исследуя проблему торговли людьми в Украине, отмечает, что несовершеннолетние самостоятельно не могут совершить действия, составляющие объективную сторону рассматриваемого общественно опасного деяния, но с помощью преступных групп, которые часто вовлекают подростков в преступную деятельность, это возможно. Автор предлагает законодателю внести соответствующие изменения в УК Украины, установив уголовную ответственность за преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 149 этого кодекса, с 16 лет, а за преступления, предусмотренные ч. 2 и 3, – с 14 лет¹.

При определении критериев установления возраста уголовной ответственности существенную роль играет относительная распространенность данного преступления в подростковом возрасте. В Республике Беларусь несовершеннолетние не привлекались к уголовной ответственности за это преступление, официально не установлены случаи их участия в преступных группах, занимающихся вербовкой и продажей людей. Скорее всего, это связано со спецификой преступлений данной категории. В то же время при оценке значимости объективно обоснованных критериев (распространенности преступлений, степени тяжести), акцент, безусловно, должен быть сделан на критериях субъективных – способности сознавать общественную опасность своих действий и руководить ими. Способность к виновной ответственности должна быть поставлена в зависимость от определенного уровня зрелости подростков, достаточного для осознания характера своего поведения и принятия соответствующего решения.

В новой редакции ст. 181 выделены следующие *квалифицирующие признаки*.

Торговля людьми в отношении двух или более лиц. Имеет место, когда в качестве предмета преступления выступают сразу несколько лиц независимо от их возраста и дееспособности. Виновный сознает, что совершает действия, образующие торговлю людьми, в отношении нескольких человек. Умысел на исполнение любого действия, составляющего объективную сторону состава торговли людьми, должен возникать заново. В отличие от повторности торговля в отношении двух и

более лиц имеет место, когда у виновного уже сформирован умысел на совершение преступного деяния в отношении как минимум двух лиц.

Торговля людьми, совершенная с применением насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо с угрозой применения такого насилия. Как уже отмечалось, законодатель в новой редакции статьи дифференцировал квалифицирующий признак «совершение торговли людьми, соединенной с насилием, угрозой его применения» путем перевода насилия, не опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо угрозы применения такого насилия в статус конструктивного признака основного состава торговли людьми и сохранения в качестве квалифицирующего признака совершения торговли людьми, сопряженной с насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо угрозой применения такого насилия.

Составом торговли людьми, квалифицируемой по п. 2 ч. 2 ст. 181 УК, охватывается фактическое причинение в результате физического насилия умышленных легких телесных повреждений, повлекших кратковременное расстройство здоровья либо незначительную стойкую утрату трудоспособности, или телесных повреждений большей степени тяжести.

Что касается угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья, то речь в данном случае идет о запугивании потерпевшего угрозой немедленного применения физического насилия, опасного для жизни или здоровья. Угроза насилием может выражаться в словесной угрозе убийством или причинением телесных повреждений, которые могут повлечь расстройство здоровья, в демонстрации огнестрельного или холодного оружия или иных предметов, используемых для устрашения потерпевшего. Такие действия не влекут нарушения телесной неприкосновенности личности, но реально угрожают ее нарушению.

Торговля людьми, совершенная из корыстных побуждений. Исключив из диспозиции указание о совершении купли-продажи или иных сделок в отношении человека, законодатель в то же время включает в квалифицированный состав торговли людьми корыстные побуждения, обусловленные стремлением виновного получить материальное, денежное или иное вознаграждение для себя или третьих лиц посредством лишения потерпевшего личной свободы и его эксплуатации. Однако, на наш взгляд, материальная составляющая является доминирующей в преступной мотивации по делам данной категории с учетом специфики объективной стороны рассматриваемого состава преступления. Ни для кого не секрет, что торговля людьми считается весьма доходным преступным бизнесом. По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, оборот торговли людьми по всему миру оценивается примерно в 32 млрд долларов США; число жертв составляет около 2,4 млн, из которых ²/₃ – женщины и дети. В связи с этим возни-

¹ См.: Лизогуб Я.Г. Кримінальна відповідальність за торгівлю людьми або іншу незаконну угоду щодо передачі людини: порівняльно-правове дослідження : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Київ, 2003. Л. 82.

кает вопрос: не сложится ли в правоприменительной практике ситуация, когда действия виновных всегда будут квалифицироваться по данному пункту ст. 181 УК?

Торговля людьми, совершенная группой лиц по предварительному сговору. Совершение данного преступления группой лиц по предварительному сговору предполагает, что все соучастники осведомлены о характере совершаемого преступления, а сговор о совместном его совершении был достигнут между ними до начала выполнения первого действия, составляющего объективную сторону торговли людьми. Промежуток времени между сговором и началом преступного деяния принципиального значения не имеет. Сговор может иметь место как задолго до совершения преступления, так и непосредственно перед его началом.

Торговля людьми, совершенная лицом с использованием своих служебных полномочий. Законом от 5 января 2015 г. № 241-З в указанный квалифицирующий признак были внесены изменения. В частности, исключено указание на статус лица как должностного. Выполнение объективной стороны в данном случае будет связано прежде всего со служебной и профессиональной деятельностью виновного. Аналогичную трактовку данный признак имеет и в законодательстве ряда государств (например, Российской Федерации, Республики Казахстан, Республики Таджикистан), согласно которому лица, не имеющие соответствующего должностного положения, однако наделенные служебными полномочиями и совершившие действия, составляющие торговлю людьми (например, работник агентства по трудоустройству, брачного агентства, сотрудник лечебного учреждения, детского дома), могут быть привлечены к уголовной ответственности.

Торговля людьми, совершенная лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст. 171, 171¹, 181, 181¹, 187, ч. 2 и 3 ст. 343¹ УК. Законодатель признал необходимым закрепить в качестве квалифицирующего признака специальную повторность, т. е. совершение торговли людьми лицом, ранее совершившим аналогичное преступление, либо преступления, связанные с использованием занятия проституцией (ст. 171 УК), вовлечением в занятие проституцией либо принуждением к продолжению занятия проституцией (ст. 171¹ УК). 10 ноября 2008 г. Законом «О внесении дополнений и изменений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам противодействия нелегальной миграции, распространению рабского труда, детской порнографии и проституции» данный признак был дополнен путем указания на признание повторной торговли людьми и в случае, если ранее лицо совершило преступление, предусмотренное ст. 181¹ УК или ст. 187 УК. Впоследствии законом от 5 января 2015 г. № 241-З данный перечень был расширен за счет включения преступления, предусмотренного ч. 2 и 3 ст. 343¹ УК.

Торговля людьми квалифицируется по указанному признаку независимо от того, были ли совершены вышеуказанные преступления либо имело место покушение на них, был ли виновный исполнителем или иным соучастником преступления, было ли или не было лицо осуждено ранее за деяния, указанные в п. 5 ч. 2 ст. 181 УК. Если виновный не был осужден за ранее совершенные преступления (ст. 171, 171¹, 181, 181¹, 187, ч. 2, 3 ст. 343¹ УК), то его деяние подлежит самостоятельной квалификации, а последнее преступление в зависимости от того, окончено оно или нет, следует квалифицировать по п. 5 ч. 2 ст. 181 УК. Указанный признак исключается, если судимость погашена или снята в установленном законом порядке, а также если к моменту совершения торговли людьми истек срок привлечения к уголовной ответственности по ст. 171, 171¹, 181, 181¹, 187, ч. 2, 3 ст. 343¹ УК.

Торговля людьми, совершенная в отношении заведомо для виновного беременной женщины. Включение в состав торговли людьми данного квалифицирующего признака было обусловлено, по-видимому, более высокой социальной сущностью объекта посягательства, так как это преступление угрожает нормальному развитию плода – будущей человеческой жизни. При этом главным считается достоверное знание того, что женщина беременна. Срок беременности, источник осведомленности виновного о состоянии беременности потерпевшей не имеют значения для вменения данногоотягчающего обстоятельства. Если лицо заблуждалось относительно факта беременности, торговля женщиной квалифицируется по ч. 2 ст. 14 и п. 6 ч. 2 ст. 181 УК.

Торговля людьми, совершенная с вывозом лица за пределы государства. В ранее действовавшей редакции ст. 181 УК в качестве квалифицирующего признака было выделено совершение торговли людьми в целях вывоза лица за пределы государства. Для квалификации действий виновного достаточно было установить цель вывоза потерпевшего за пределы государства. Это было обусловлено более высокой степенью общественной опасности совершенного преступления. Незнание языка страны пребывания, боязнь сотрудников полиции и других представителей власти, недостаток информации, статус нелегального иммигранта, иная система вероисповедания могли негативно отразиться на физическом здоровье и психическом состоянии лица.

Законом от 5 января 2015 г. № 241-З в данный признак внесены коррективы, позволяющие квалифицировать действия виновного по указанному пункту только в случае, если поставленная цель, связанная с вывозом потерпевшего за пределы государства, была достигнута. В этой части принятый закон является более мягким и имеет обратную силу.

Торговля людьми, совершенная в отношении заведомо несовершеннолетнего независимо от применения какого-либо из средств воздей-

ствия, указанных в ч. 1 ст. 181. Ответственность наступает в случае, если потерпевшим является лицо, не достигшее 18-летнего возраста. При этом виновный должен сознавать, что совершает действия, указанные в ч. 1 ст. 181 УК, именно в отношении несовершеннолетнего. Для квалификации торговли детьми неважен источник информированности о возрасте жертвы, а также не имеет значения, точно ли знал виновный о возрасте ребенка или очевидность такого факта обусловлена внешними признаками несовершеннолетнего. В случае, если лицо заблуждалось относительно несовершеннолетия потерпевшего, его действия при отсутствии иных квалифицирующих признаков следует квалифицировать по ч. 1 ст. 181 УК.

Учитывая высокую степень общественной опасности посягательств на личную свободу детей и международно-правовые подходы в области защиты их прав, законодатель признал вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение ребенка в целях эксплуатации торговлей людьми даже в том случае, если они не связаны с применением какого-либо из средств воздействия. Это означает, что в случае, если вышеуказанные действия совершены в отношении несовершеннолетнего, не требуется доказывать факт принуждения, обмана, использования уязвимого положения как способов совершения торговли людьми.

Между тем такое решение законодателя не разрешит всех проблем, связанных с торговлей детьми. По-прежнему остается актуальным вопрос о необходимости выделения торговли детьми из общего состава преступления, особенно сейчас, когда из диспозиции ст. 181 УК были исключены купля-продажа и иные сделки в отношении человека.

Большинство государств признают торговлю детьми одним из самых опасных видов торговли людьми и выделяют ее в качестве самостоятельного состава преступления наряду с общей нормой, предусматривающей ответственность за торговлю людьми. Уголовно-правовые запреты на совершение любых сделок в отношении детей содержатся в УК Таджикистана, Казахстана, Армении, Молдовы, Чехии, Индии, Испании, Франции и других государств.

Особо квалифицированным состав торговли людьми признается в том случае, если действия, предусмотренные ч. 1 или 2 ст. 181 УК, были совершены организованной группой либо в отношении заведомо малолетнего, а равно повлекли по неосторожности последствия в виде смерти потерпевшего, либо заражения ВИЧ, либо причинения ему тяжких телесных повреждений либо иные тяжкие последствия.

Для квалификации действий виновного по ч. 3 ст. 181 УК необходимо установить наличие причинной связи между деянием и наступившими последствиями. Как уже было отмечено, преступление в данном случае характеризуется сложной виной. По отношению к совершаемому

деянию имеет место умышленная вина в виде прямого умысла, а по отношению к смерти потерпевшего или причинению ему тяжких телесных повреждений либо иных тяжких последствий – неосторожная вина в виде преступного легкомыслия или преступной небрежности. В целом такое преступление признается совершенным умышленно. В то же время убийство либо умышленное причинение тяжкого телесного повреждения необходимо квалифицировать по совокупности: по соответствующей статье Особенной части и ст. 181 УК. Закон от 5 января 2015 г. № 241-З в качестве особо отягчающего обстоятельства наряду с причинением смерти или тяжких телесных повреждений по неосторожности предусмотрено и заражение потерпевшего ВИЧ.

Иные тяжкие последствия – традиционно оценочная категория. В их число может входить самоубийство потерпевшего как реакция на насильственное удержание, истязания, психологическое давление и другие действия торговцев людьми, гибель потерпевшего от недоедания, холода, сырости вследствие его содержания в ненадлежащих условиях в процессе укрывательства или перевозки, заражение какой-либо неизлечимой болезнью, причинение потерпевшим самому себе тяжкого вреда здоровью при самостоятельной попытке освободиться, возникновение у него сильного психического расстройства как реакции на совершенные в отношении его действия и т. д.

Уголовная ответственность за указанные последствия наступает в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных оснований рассчитывало на их предотвращение либо если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий.

В правоприменительной практике иногда возникают трудности в установлении причинной связи между деянием, выразившемся в совершении торговли людьми, и наступившими в результате такой противоправной деятельности тяжкими последствиями. Следует отметить, что теория необходимого причинения, которая в большинстве случаев применяется в судебной практике Беларуси, не может быть в полной мере использована в данном случае, поскольку последствия, которые явились результатом торговли людьми и эксплуатации потерпевшего, не находились с деянием в непосредственной связи и не явились закономерным его следствием, возникшим с внутренней необходимостью.

По мнению И.О. Грунтова, о необходимой причинной связи следует вести речь в том случае, если деяние предшествует последствию во времени; деянию присуща способность с внутренней закономерностью порождать наступление данного последствия; с учетом условий места, времени, обстановки и иных обстоятельств данное деяние с внутренней закономерностью вызвало это последствие; последствие следует по

времени за деянием; последствие порождается именно этим деянием, является следствием закономерного его развития, а не результатом действий иных лиц и сил природы¹.

Хотя в судебной практике и отдается предпочтение теории необходимого причинения, но в отдельных случаях применяется и методика теории эквивалентности, называемой также теорией необходимого условия. Суть этой теории состоит в том, что причинная связь имеет место и в тех случаях, когда совершенное общественно опасное деяние было не непосредственной причиной наступившего последствия, а лишь его необходимым условием. О том, что эквивалентная теория причинной связи применяется, свидетельствуют рекомендации Пленума Верховного Суда. Так, п. 20 постановления Пленума от 29 марта 2006 г. № 1 «О судебной практике по делам об умышленном причинении тяжкого телесного повреждения» гласит, что, если насилие, примененное виновным, повлекло за собой нанесение потерпевшему побоев, причинение легкого или менее тяжкого телесного повреждения, а тяжкое телесное повреждение у потерпевшего возникло (либо наступила смерть потерпевшего) при обстоятельствах, которые не охватывались умыслом виновного (например, при падении после удара), последствия таких действий, которые он не предвидел, хотя должен был и мог предвидеть либо предвидел, но без достаточных оснований рассчитывать на их предотвращение, подлежат квалификации по ст. 155 или ст. 144 УК. В этом случае применение насилия к потерпевшему явилось лишь необходимым условием, но не причиной наступления тяжких последствий в виде смерти или тяжких телесных повреждений, отношение к которым выразилось в неосторожной форме вины.

Такой подход вполне правомерен, однако он требует установления того, что именно данное общественно опасное деяние объективно могло повлечь соответствующие общественно опасные последствия. Иными словами, здесь необходимо применить метод мысленного исключения. Для этого следует изолировать общественно опасное деяние, которое представляет для нас интерес, и если после этого будет установлено, что преступный результат либо вовсе не наступил бы либо наступил бы в другое время, то это может означать, что именно это общественно опасное деяние находилось в причинной связи с наступившими последствиями. Однако использовать теорию эквивалентности следует с особой осторожностью, чтобы исключить случаи расширительного толкования понятия «необходимое условие» и избежать

¹ См.: Уголовное право. Общая часть : учебник / Н.А. Бабий [и др.] ; под ред. В.М. Хомича. С. 146.

тем самым привлечения лица к уголовной ответственности за объективно случайные последствия, наступившие в отсутствие вины.

Высокой общественной опасностью характеризуется торговля людьми, совершаемая организованной группой, т. е., как это определено в ст. 18 УК, управляемой устойчивой группой лиц, предварительно объединившихся для совместной преступной деятельности. Торговля людьми и организованная преступность, на наш взгляд, являются категориями, которые следует рассматривать в одной плоскости, поскольку большинство преступлений, связанных с эксплуатацией человека, совершается организованными преступными группами.

В качестве особо квалифицирующего признака в новой редакции статьи предусмотрено совершение преступления в отношении заведомо малолетнего. Такая дифференциация ответственности в отношении несовершеннолетних обусловлена более высокой степенью общественной опасности совершенного деяния, ведь в отличие от взрослого ребенок более восприимчив к окружающей действительности. Обстановка, в которой он оказывается, попав за границу, может существенно повлиять на его психику и травмировать ее, а впоследствии стать причиной возникновения различного рода психических заболеваний, наступления иных тяжких последствий.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАБСКОГО ТРУДА

3.1. Международно-правовое регулирование борьбы с работорговлей

Неизбежным спутником торговли людьми являются использование рабского труда и иные формы эксплуатации человека. Эти отвратительные по своей антисоциальной сущности явления сопровождают человечество практически на всем протяжении его существования. Истории известны различные формы и типы рабства, крепостной и иной зависимости. При этом в законодательстве государств Древнего мира и Средневековья эксплуатация человека человеком имела легальный характер. Она предопределяла характер экономических отношений, в основе которых лежала собственность господствующего класса на рабочую силу других людей. Некоторые результаты этой эксплуатации сохранились до наших дней. Например, ряд строительных проектов, реализованных в те далекие времена, признаны в настоящее время мировым сообществом памятниками истории и культуры. Однако не следует забывать, что пирамида Хеопса, Великая Китайская стена, Акрополь, Колизей, Версальский дворец, Московский Кремль, Петропавловская крепость, Мирский замок и другие чудеса света были созданы в результате использования главным образом принудительного труда. Эстетика архитектуры особо ценных материальных историко-культурных объектов, в том числе занесенных в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, вызывающих восхищение у современников, сформированы на беспощадной эксплуатации миллионов живших до нас людей, которые в условиях исторически сложившегося общественного способа производства были поставлены репрессивным аппаратом соответствующего политического режима в состояние рабов, крепостных крестьян или иных зависимых людей, приравненных мизерной кучкой властей предрекающих к состоянию «говорящих вещей».

К сожалению, торговля людьми и связанные с ней формы дискриминации человека не стали рудиментом предыдущих формаций. Современник должен знать, что эксплуатация человека – это не только атрибут истории Древнего мира либо основной способ производства рабовладельческого или феодального строя. Многочисленные факты эксплуатации людей имеют место и в XXI в. В некоторых случаях она приобрела весьма изощренные и завуалированные современными социальными надстройками формы проявления. По данным ООН, в мире в настоящее время насчитывается до 27 млн человек, находящихся в

рабстве. По оценкам ФБР США, международная торговля людьми ежегодно приносит до 9,5 млрд долларов прибыли.

В XX в. усилиями международного сообщества была сформирована международная нормативная правовая база, направленная на упразднение не только работорговли, но и рабства и иных сходных с ним обычаев. Отметим ключевые моменты, сформулированные в соответствующих международно-правовых документах.

В соответствии со ст. 1 Женевской конвенции о рабстве 1926 г. к рабству было отнесено «положение или состояние лица, в отношении которого осуществляются некоторые или все полномочия, присущие праву собственности», а под работорговлей (торговлей невольниками) – «все действия, связанные с захватом, приобретением какого-либо лица или с распоряжением им с целью обращения его в рабство; все действия, связанные с приобретением раба с целью его продажи или обмена; все действия по продаже или обмену лица, приобретенного с этой целью, и вообще всякое действие по торговле или перевозке рабов». Согласно ст. 2 данной конвенции стороны договорились «предупреждать и подавлять работорговлю», а также «осуществлять постепенно и возможно скорее полную отмену рабства во всех его формах».

В ст. 4 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. был провозглашен уже полный запрет на рабство: «никто не должен содержаться в рабстве или в подневольном состоянии; рабство и работорговля запрещаются во всех их видах». Аналогичные требования, адресованные мировому сообществу, были закреплены в ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., а позднее продублированы в ст. 4 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г.

Принятая в 1956 г. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, сохраняя в силе Конвенцию о рабстве, была направлена на интенсификацию национальных и международных усилий в борьбе с рассматриваемым антисоциальным явлением. В этом документе было на нормативном уровне сформулировано понятие раба и лица, находящегося в подневольном состоянии. Подчеркивая злободневность исследуемой проблемы, данный документ перечисляет положения людей, сходные с рабством.

На отдельные аспекты борьбы с работорговлей и явлениями, связанными с ней, обращалось внимание и в иных международных договорах. Например, ст. 99 Конвенции по морскому праву 1982 г. (вступила в силу для Республики Беларусь 29 сентября 2006 г.) содержит запрет на перевозку рабов: «Каждое государство принимает эффективные меры для предотвращения перевозки рабов на судах, имеющих право плавать под его флагом, наказания за такие перевозки, а также для пре-

дупреждения противозаконного пользования его флагом для этой цели. Раб, нашедший убежище на судне, под каким бы флагом это судно ни плавало, ipso facto свободен».

Помимо непосредственного запрета на рабство на международном уровне постепенно формулировались требования и о табузации принудительного или обязательного труда. Так, ст. 1 Конвенции о принудительном труде 1930 г. хотя и допускала возможность применения в порядке исключения для общественных целей принудительного труда, в целом возлагала на государства, ратифицировавшие ее, обязанность упразднения в кратчайший срок использования принудительного или обязательного труда. В ст. 4 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод 1950 г. уже содержался императив: «никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду». Это требование развивалось в Конвенции об упразднении принудительного труда 1957 г., ст. 1 которой обязывала членов Международной организации труда, ратифицировавших ее, упразднить принудительный или обязательный труд и не прибегать к какой-либо его форме: в качестве средства политического воздействия или воспитания или меры наказания за наличие или выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе; метода мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития; средства поддержания трудовой дисциплины; средства наказания за участие в забастовках; меры дискриминации по признакам расовой, социальной и национальной принадлежности или вероисповедания.

Особое внимание международного сообщества было обращено на недопустимость принудительного или обязательного труда несовершеннолетних. Согласно ст. 3 Конвенции о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда 1999 г. к наихудшим формам детского труда были отнесены все формы рабства, практика, сходная с рабством (долговая кабала, крепостная зависимость, принудительный или обязательный труд).

Республика Беларусь является участницей многих указанных международно-правовых договоров. Однако вопрос об имплементации конвенционных положений в части установления уголовно-правового запрета на использование рабского труда стал предметом законодательного рассмотрения только к концу первого десятилетия XXI в. Игнорирование в советский период требований ратифицированных конвенций, направленных на борьбу с торговлей людьми и ее последствиями, объясняется во многом идеологическими причинами. Разве можно было представить в уголовном законодательстве страны победившего социализма, к тому же в преддверии приближавшегося ком-

мунизма, статью, предусматривавшую ответственность за использование рабского труда? Однако многие граждане, проживавшие в районах Сибири и Дальнего Востока, не понаслышке знают истории о том, как ловко завербованных людей без определенного места жительства (бомжей) нелегально отправляли за сотни километров в тайгу на лесоповал. Работали они там за «пайку». Условием их возврата из фактически трудового рабства являлось выполнение соответствующей разрядки по заготовке древесины.

В 90-х гг. XX в. отсутствие в законодательстве суверенной Республики Беларусь норм, предусматривающих ответственность за торговлю людьми и эксплуатацию человека, выглядело, мягко говоря, белым пятном. А образно выражаясь, действовавший в то время УК Беларуси 1960 г. был подобен ржавой пиццали, применяемой на поле боя, где уже действовали танки. В определенной мере напряжение в уголовно-правовом регулировании было снято нормативными предписаниями вступившего 1 января 2001 г. нового УК Республики Беларусь. Вместе с тем в УК 1999 г. использование рабского труда не было криминализовано. Видимо, это объяснялось представлением правотворческих органов о том, что использование рабского труда охватывается торговлей людьми. Торговля человеком, как правило, связана в дальнейшем с принуждением человека к работе или выполнению каких-либо услуг. Однако эксплуатация человека может иметь место и со стороны лица, не причастного к купле-продаже или иной преступной сделке по передаче человека. Кроме того, в международных договорах использование рабского труда и иных форм эксплуатации рассматривается как самостоятельное криминальное явление.

10 ноября 2008 г. УК Республики Беларусь был дополнен ст. 181¹, которой впервые в уголовном законодательстве страны была установлена уголовная ответственность за использование рабского труда или иную форму эксплуатации человека при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 181 УК. В рамках основного состава (ч. 1 ст. 181¹ УК) использование рабского труда отнесено законодателем к категории менее тяжких преступлений, а при наличии квалифицированных обстоятельств (ч. 2 и 3 ст. 181¹ УК) – к тяжким.

По данным МВД Республики Беларусь, в период с 2009 по 2015 гг. было выявлено лишь несколько фактов трудовой эксплуатации человека. Однако официальная судебная статистика свидетельствует о том, что за этот период по ст. 181¹ УК не было вынесено ни одного обвинительного приговора. Это дает основание предполагать, что у должностных лиц органов дознания и Следственного комитета Республики Беларусь нет еще четких представлений о признаках состава использования рабского труда.

Таким образом, в Республике Беларусь положения ст. 181¹ УК пока служат достижению цели общей превенции. Сложнее обстоит дело с защитой интересов граждан Беларуси, выехавших на заработки за границу. К сожалению, как свидетельствуют средства массовой информации, они иногда становятся жертвами эксплуатации. Один из примеров – освобождение в феврале 2013 г. из трудового плена пятерых граждан Республики Беларусь, подвергнутых принудительному труду на одном из кирпичных заводов Дагестана.

3.2. Юридический анализ состава использования рабского труда

Непосредственным объектом использования рабского труда в отечественной уголовно-правовой литературе признают личную свободу человека¹. Аналогичного подхода придерживаются некоторые российские авторы, исследовавшие сходный по своей конструкции состав преступления по уголовному законодательству Российской Федерации (ст. 127.2 УК РФ)². Вместе с тем многие российские правоведы по-иному интерпретируют основной непосредственный объект данного преступления. Например, авторы «Полного курса уголовного права» считают, что «объектом преступления является возможность потерпевшего свободно использовать свой труд, выбирать род деятельности и профессию, а также, как правило, получать вознаграждение за труд»³. Подобного подхода придерживается и Ю.Ю. Акимова, которая провела диссертационное исследование по уголовно-правовым аспектам использования рабского труда. Она определяет основным непосредственным объектом данного преступления как «общественные отношения, обеспечивающие право человека на свободный труд»⁴. Авторы «Энциклопедии уголовного права» пытаются примирить эти позиции и в качестве компромисса предлагают под объектом рассматриваемого

¹ См.: Марчук В.В. О квалификации использования рабского труда // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 4. 2009. № 3. С. 67; Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под общ. ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. 2-е изд., с изм. и доп. Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. С. 393; Уголовное право. Особенная часть : учеб. пособие / Е.А. Авраменко [и др.]; под ред. В.А. Кашевского. Минск : Акад. МВД, 2012. С. 160.

² См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В.В. Воробьев [и др.]; под. ред. В.Т. Томина, В.В. Сверчкова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2010. С. 419.

³ Полный курс уголовного права : в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 2. Преступления против личности. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. С. 436.

⁴ Акимова Ю.Ю. Использование рабского труда: уголовно-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Тюмень, 2010. С. 3.

преступления понимать «правовые общественные отношения в сфере обеспечения личной свободы человека и свободы труда»¹.

Возможно, для такого вывода у российских исследователей и есть основания, особенно если учесть достаточно широкую трактовку понятия «эксплуатация», которое дано российским законодателем в ч. 2 примечаний к ст. 127.1 УК России. Согласно примечанию к ст. 181 УК Республики Беларусь предикатом дефиниции «эксплуатация» является незаконное принуждение. А любое принуждение всегда предполагает если не полное, то существенное ограничение свободы волеизъявления, которая образует основную составляющую личной свободы. Разумеется, посягательство на личную свободу при использовании рабского труда ущемляет и конституционное право на свободный труд. Но нарушение этого права является следствием того подневольного состояния, в котором оказался человек в результате совершенного в отношении его незаконного акта принуждения. Поэтому право на свободный труд следует относить в данном случае к обязательному дополнительному объекту рассматриваемого преступления. Но этот дополнительный объект не единственный. Эксплуатация человека закономерно влечет нарушение целого спектра иных, в том числе конституционных, прав граждан: права на безопасные условия труда, права на вознаграждение за свой труд, права на отдых, права на охрану здоровья и т. д.

Потерпевшим при совершении преступления, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 181¹ УК, является лицо, достигшее 18-летнего возраста. Поскольку примечание к ст. 181 УК определяет эксплуатацию человека через незаконное принуждение, важной характеристикой потерпевшего от данного преступления следует признавать его зависимое положение от виновного лица. Это состояние обусловлено тем, что потерпевший по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения каких-либо работ или услуг.

Как показывает международный опыт, потерпевшими от эксплуатации чаще всего становятся нелегальные мигранты. Объясняется это уязвимостью правового положения лица, оказавшегося на территории соответствующего государства с нарушением требований миграционного законодательства. Нелегальные мигранты проживают в стране нахождения незаконно. Реальная перспектива депортации на родину препятствует обращению этих лиц в правоохранительные органы за защитой своих прав и интересов. Поэтому нелегальная миграция подпитывает в целом криминальную среду и способствует созданию условий для эксплуатации людей в частности.

¹ Энциклопедия уголовного права : в 35 т. / отв. ред. Б.В. Малинин. Т. 14. Преступления против свободы, чести и достоинства. СПб. : Изд-во проф. Малинина, 2010. С. 350.

При наличии некоторых свойств, характеризующих потерпевшего, уголовный закон устанавливает более строгую планку уголовной ответственности. Эксплуатация заведомо несовершеннолетнего лица (п. 1 ч. 2 ст. 181¹ УК) либо заведомо для виновного беременной женщины (п. 5 ч. 2 ст. 181¹ УК) признаются тяжкими преступлениями. Повышенную ответственность влечет и эксплуатация нескольких потерпевших (п. 2 ч. 2 ст. 181¹ УК).

Объективная сторона данного преступления выражается в эксплуатации человека. В соответствии с примечанием к ст. 181 УК эксплуатацией является «незаконное принуждение человека к работе или оказанию услуг (в том числе и действиям сексуального характера, суррогатному материнству, забору у человека органов и (или) тканей) в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством».

Часть 1 ст. 181¹ УК называет два альтернативных варианта эксплуатации: использование рабского труда или иная форма эксплуатации. Необходимо отметить, что описание объективной стороны преступления, описанного в ч. 1 ст. 181¹ УК, шире понятия рассматриваемого преступления, которое обозначено в названии данной статьи. Использование рабского труда – одна из форм эксплуатации человека. Следовательно, *de lege ferenda* существует необходимость в приведении содержания и названия ст. 181¹ УК в соответствие с правилами формальной логики.

Глагол «использовать» в русском языке понимается как «воспользоваться кем-чем-нибудь, употребить с пользой»¹. В контексте понимания использования рабского труда следует вести речь о безвозмездном пользовании и распоряжении результатами труда человека, поставленного под влиянием незаконного принуждения в состояние раба.

Как показывает международная практика, рабский труд может быть использован в самых различных сферах: в сфере быта, производства, сельского хозяйства, строительства оказания услуг и т. д. Не обязательно, чтобы эта трудовая деятельность носила законный характер. Уголовно-правовая оценка эксплуатации человека не меняется в случае, если потерпевший на принудительной основе выполнял работу, которая по действующему законодательству подпадает под признаки правонарушения (например, незаконная предпринимательская деятельность).

Как правило, такой эксплуатируемый труд имеет физический характер. Но не исключены ситуации использования подневольного интеллектуального труда человека.

Часть 1 ст. 181¹ УК не раскрывает, что следует понимать под «иными формами эксплуатации». Определенные ориентиры по этому во-

просу содержатся в п. «а» ст. 3 Палермского протокола, в котором, в частности, указано: «Эксплуатация включает, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов».

Логическое и системное толкование норм международного права и отечественного УК позволяет сделать вывод о том, что к иным формам эксплуатации следует отнести использование труда человека в рамках обычаев, сходных с рабством, и запрещенного принудительного труда.

Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством 1956 г. относит к институтам и обычаям, сходным с рабством, в частности, долговую кабалу и крепостное состояние. Согласно п. «а» ст. 1 данной конвенции долговая кабала – это «положение или состояние, возникающее вследствие заклада должником в обеспечение долга своего личного труда или труда независимого от него лица, если надлежало определяемая ценность выполняемой работы не засчитывается в погашение долга, а также если продолжительность этой работы не ограничена и характер ее не определен». В соответствии с п. «b» ст. 1 конвенции крепостное состояние – это «такое использование земли, при котором пользователь обязан по закону, обычаю или соглашению жить и работать на земле, принадлежащей другому лицу, и выполнять определенную работу для такого другого лица или за вознаграждение, или без такового, и не может изменить это свое состояние».

Дополнительная конвенция 1956 г. достаточно широко трактует понятия институтов и обычаев, сходных с рабством. Помимо долговой кабалы и крепостного состояния к обычаям, сходным с рабством, она относит институт или обычаи, в силу которых женщину обещают выдать или выдают замуж без права отказа с ее стороны родители, опекун, семья или любое другое лицо или группа лиц за вознаграждение деньгами или натурой; муж женщины, его семья или его клан имеет право передать ее другому лицу за вознаграждение или иным образом; женщина после смерти мужа передается по наследству другому лицу.

Следует обратить внимание на исторический контекст, в котором принимались Конвенция о рабстве 1926 г. и Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством 1956 г. Эти конвенции создавались международным сообществом в условиях, когда рабство либо институты или обычаи, сходные с ним, официально признавались некоторыми государствами или общинами людей. Под влиянием этих конвенций и положений иных международных договоров рабовладение, институты и обычаи, сходные с рабством, официально запрещены в настоящее время.

¹ Ожегов С.И. Словарь русского языка. 7-е изд. М.: Совет. Энцикл., 1968. С. 249.

мя во всех государствах. Последний по времени запрет на владение рабами и использование рабского труда был введен в Мавритании в 1980 г. Поскольку в современном мире де-юре не существует права на рабовладение, то исчезли и основания для «использования рабского труда» или труда в рамках «институтов и обычаев, сходных с рабством» в качестве допустимого в определенной общности людей способа производства. Поэтому с позиции корректности употребления терминологии в XXI в. термины «использование рабского труда», «институты и обычаи, сходные с рабством» выглядят архаичными. Представляется, что вести речь о «рабском труде» сейчас можно в фигуральном смысле, имея в виду различные варианты запрещенного принудительного труда как современного проявления эксплуатации человека.

Часть 4 ст. 41 Конституции Республики Беларусь гласит: «Принудительный труд запрещается, кроме работы или службы, определяемой приговором суда или в соответствии с законом о чрезвычайном и военном положении».

Статья 13 Трудового кодекса Республики Беларусь к принудительному труду относит «работу, требуемую от работника под угрозой применения какого-либо насильственного воздействия». Кроме того, во исполнение положений Конвенции об упразднении принудительного труда 1957 г. ст. 13 ТК принудительным признает и тот труд, который используется в качестве:

средства политического воздействия или воспитания либо в качестве меры наказания за наличие или выражение политических взглядов или идеологических убеждений, противоположных установленной политической, социальной или экономической системе;

метода мобилизации и использования рабочей силы для нужд экономического развития;

средства поддержания трудовой дисциплины;

средства наказания за участие в забастовках.

В международных договорах особое внимание обращается на выполнение тех работ, которые нельзя рассматривать как принудительные. Так, ст. 8 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. определяет, что принудительным или обязательным трудом не охватываются:

работа или служба, которые, как правило, должны выполнять лицо, находящееся в заключении на основании законного распоряжения суда, или лицо, условно освобожденное от такого заключения;

служба военного характера, а в тех странах, в которых признается отказ от военной службы по политическим или религиозно-этническим мотивам, какая бы то ни была служба, предусматриваемая законом для лиц, отказывающихся от военной службы по таким мотивам;

служба, обязательная в случаях чрезвычайного положения или бедствия, угрожающих жизни или благополучию населения;

работа или служба, которые входят в обыкновенные гражданские обязанности.

Пункт «д» ст. 4 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека 1995 г. дополняет этот перечень еще одной ситуацией: выполнение обязанностей родителями по созданию необходимых условий для ребенка и совершеннолетними детьми по содержанию нетрудоспособных, нуждающихся в помощи родителей.

Рассматриваемое преступление следует признавать юридически оконченным с момента начала фактического использования виновным лицом труда потерпевшего. Продолжительность нахождения потерпевшего в состоянии эксплуатации не имеет значения для квалификации преступления, но может учитываться при избрании формы и меры уголовной ответственности.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется умышленной виной в виде прямого умысла: лицо, которое осуществляет эксплуатацию человека (извлекает выгоду от работы или услуг потерпевшего, выполняемых принудительно), сознает общественную опасность совершаемого деяния, а также то, что потерпевший выполняет работу или оказывает услуги на принудительной основе, и желает поступать подобным образом. Мотивы совершения данного преступления, как правило, корыстные. Мотивы использования рабского труда не влияют на квалификацию преступления. В соответствии с ч. 1 ст. 62 УК корыстные или иные низменные побуждения должны учитываться при назначении наказания.

Субъектом использования рабского труда или иной формы эксплуатации человека является вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Возможны ситуации, когда выполнение объективной стороны эксплуатации человека осуществляется несколькими лицами с распределением преступных ролей. Например, одно лицо принуждает (заставляет) потерпевшего против его воли выполнять соответствующую работу или оказывать услуги и контролирует этот процесс, а другое лицо, зная о принудительном характере этого труда, использует его результаты. При наличии иных признаков соучастия этих лиц следует признавать соисполнителями. При наличии предварительного сговора на эксплуатацию человека содеянное должно квалифицироваться по п. 3 ч. 2 ст. 181¹ УК.

В ч. 1 ст. 181¹ УК содержится важная оговорка: в содеянном должны отсутствовать признаки торговли людьми. В этом контексте следует внимательно сопоставлять некоторые положения международных договоров с системой норм УК Республики Беларусь, направленных на

охрану личной свободы человека. Так, Конвенция о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда 1999 г. к практике, сходной с рабством, относит, например, продажу детей и торговлю ими. Но по УК Республики Беларусь такого рода действия подпадают под признаки, предусмотренные ст. 181.

Следует иметь в виду, что в определенных ситуациях эксплуатация человека может быть закономерным следствием уголовно-противоправных сделок с человеком. Например, потерпевший, завербованный с целью эксплуатации, был передан под принуждением для эксплуатации соответствующему лицу и впоследствии реально был подвергнут эксплуатации. Действия лица, получившего потерпевшего для эксплуатации и использовавшего его труд, должны квалифицироваться по совокупности преступлений: ст. 181 (получение человека в целях эксплуатации) и ст. 181¹ УК.

Часть 2 ст. 181¹ УК предусматривает *повышенную уголовную ответственность* за использование рабского труда, совершенное в отношении заведомо несовершеннолетнего, либо в отношении двух или более лиц, либо группой лиц по предварительному сговору, либо должностным лицом с использованием своих служебных полномочий, либо в отношении заведомо для виновного беременной женщины, либо лицом, ранее совершившим использование рабского труда или преступления, предусмотренные ст. 171, 171¹, 181, 187 УК.

Эксплуатация человека, совершенная в отношении заведомо несовершеннолетнего влечет повышенную уголовную ответственность при установлении двух фактов: потерпевшим является лицо, которое на день совершения преступления не достигло возраста 18 лет; виновное лицо при совершении преступления четко сознавало несовершеннолетний возраст потерпевшего. Если виновное лицо вследствие заблуждения относительно возраста потерпевшего считало, что потерпевший является совершеннолетним, то ответственность по п. 1 ч. 2 ст. 181¹ УК исключается.

Эксплуатация человека, совершенная в отношении двух или более лиц может быть вменена виновному лицу в случае, когда имела место одновременная эксплуатация нескольких лиц, либо эксплуатация совершалась в разное время и в отношении разных потерпевших, но содеянное охватывалось единством умысла виновного лица. Если после использования рабского труда одного потерпевшего у виновного лица заново возник умысел на совершение аналогичных действий в отношении другого потерпевшего, при реализации задуманного содеянное должно квалифицироваться по п. 6 ч. 2 ст. 181¹ УК (т. е. как повторное использование рабского труда).

Эксплуатация человека, совершенная группой лиц по предварительному сговору имеет место в случае, когда два или более лица до совер-

шения планируемого акта эксплуатации человека заранее договорились о совместном совершении данного преступления в качестве его соисполнителей. Организация акта эксплуатации человека, либо склонение лица к такому акту, либо оказание содействия в любой форме эксплуатации человека должны квалифицироваться по ст. 181¹ УК со ссылкой на соответствующую часть ст. 16 УК.

Эксплуатация человека, совершенная должностным лицом с использованием своих служебных полномочий имеет место в случае, когда виновное лицо обладает признаками специального субъекта, указанными в ч. 4 ст. 4 УК, и использует при эксплуатации человека свои служебные полномочия.

Эксплуатация человека, совершенная в отношении заведомо для виновного беременной женщины выражается в соответствующей форме эксплуатации беременной женщины. При этом виновный должен четко сознавать факт беременности потерпевшей. Если лицо, эксплуатируя женщину, ошибочно полагало, что потерпевшая находится в состоянии беременности, но в действительности этого факта не было, содеянное с учетом умысла виновного лица должно квалифицироваться со ссылкой на ст. 14 УК (т. е. как покушение на эксплуатацию человека).

Эксплуатация человека, совершенная лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст. 171, 171¹, 181, 181¹ или 187 УК образует специальную и однородную повторность преступления. Специальная повторность выражается в совершении очередного акта эксплуатации человека лицом, ранее совершившим использование рабского труда. Однородная повторность имеет место в случае, если лицо, совершившее использование рабского труда, ранее совершило иное преступление против личной свободы, которое указано в п. 6 ч. 2 ст. 181¹: организация и (или) использование занятия проституцией или создание условий для занятия проституцией (ст. 171 УК), вовлечение в занятие проституцией либо принуждение к продолжению занятия проституцией (ст. 171¹ УК), торговля людьми (ст. 181 УК), незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей (ст. 187 УК).

При квалификации данного варианта преступного поведения важно понимать, что указанные в п. 6 ч. 2 ст. 181¹ УК преступления против личной свободы, образующие однородную повторность, должны быть совершены до факта совершения использования рабского труда, а не наоборот.

При констатации повторности использования рабского труда в рамках п. 6 ч. 2 ст. 181¹ УК следует также руководствоваться положениями ч. 3 ст. 41 УК: преступление не признается повторным, если за ранее совершенное преступление лицо было освобождено от уголовной ответственности либо судимость за это преступление была погашена или снята в установленном законом порядке.

Часть 3 ст. 181¹ УК предусматривает ответственность за использование рабского труда при наличии *особо квалифицирующих обстоятельств* – при совершении действий, предусмотренных ч. 1 и 2 ст. 181¹, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего, либо причинение ему тяжких телесных повреждений, либо иные тяжкие последствия, или при совершении таких действий организованной группой.

Признаки тяжкого телесного повреждения определены в Правилах судебно-медицинской экспертизы характера и тяжести телесных повреждений в Республике Беларусь, утвержденных приказом Белорусской государственной службы судебно-медицинской экспертизы от 1 июля 1999 г. № 38-с. К иным тяжким последствиям следует относить самоубийство потерпевшего, проявление тяжелого заболевания как следствия эксплуатации и т. д.

Применительно к деяниям с особо квалифицирующими последствиями ответственность по ч. 3 ст. 181¹ УК наступает при установлении признаков сложной вины и причинной связи между деянием и квалифицирующими последствиями. По отношению к квалифицирующим последствиям вина может быть только неосторожной. Вместе с тем согласно ст. 25 УК в целом такое преступление признается совершенным умышленно. Это важное положение уголовного закона следует учитывать при определении осужденному условий режима при осуждении его к наказанию в виде лишения свободы, установлении признаков рецидива преступлений, погашении судимости и определении других правовых последствий, связанных с совершением умышленного преступления.

Эксплуатация человека, совершенная организованной группой, имеет место в случае, когда она была произведена двумя или более лицами, предварительно объединившимися в управляемую устойчивую группу для совместной преступной деятельности. В соответствии с ч. 2 ст. 18 УК организаторы или руководители организованной группы несут ответственность за все совершенные группой преступления, если эти преступления охватывались их умыслом. Другие участники организованной группы несут ответственность только за преступления, в подготовке или совершении которых они участвовали.

В судебной практике при уголовно-правовой оценке любого преступления, совершенного организованной группой, исходят из того, что действия организатора (руководителя) организованной группы, как и других участников, подлежат квалификации по статьям Особенной части УК без ссылки на ст. 16 УК. Объясняется это тем, что согласно ч. 9 ст. 16 УК участники организованной группы признаются исполнителями независимо от их роли в совершенных преступлениях. Вместе с тем не следует забывать, что квалификация групповых форм соучастия в преступлении имеет важное правовое значение для следующей ста-

дии реализации уголовного закона – назначения соответствующей меры уголовной ответственности. Особое значение это имеет при назначении наказания организатору или руководителю организованной группы. Согласно ч. 2 ст. 66 УК срок наказания организатору (руководителю) организованной группы не может быть менее трех четвертей срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК. Однако данное требование уголовного закона суд может обеспечить лишь в том случае, когда лица, осуществляющие уголовное преследование, не только в материалах дела, но и в формуле квалификации отразят то обстоятельство, что обвиняемый в организованной группе выполнял функцию организатора (руководителя). Этот момент можно зафиксировать, сделав в формуле квалификации преступления ссылку на ст. 16 УК. Так, квалификацию действий лица, создавшего организованную группу для эксплуатации человека и руководившим ею в процессе эксплуатации людей, целесообразно было бы отразить в соответствующем уголовно-процессуальном акте следующим образом: ч. 4 ст. 16 и ч. 3 ст. 181¹ УК.

Представляется, что развернутая формула квалификации преступлений была бы целесообразна и для уголовно-правовой оценки деяний иных участников организованной группы (например, поведения пособника в осуществлении организованной эксплуатации человека). УК Республики Беларусь признает соучастие в преступлении самостоятельным основанием уголовной ответственности. Это основание в п. 4 ст. 10 УК сформулировано в обобщенной форме: основанием уголовной ответственности является совершение виновно запрещенного УК деяния в виде соучастия в совершении преступления. Но применительно к отдельно взятому участнику организованной группы «деяние в виде соучастия в совершении преступления» трансформируется в конкретный вид преступного поведения, выражающийся в выполнении соучастником в рамках общего замысла соответствующей преступной роли: непосредственное исполнение объективной стороны соответствующего преступления либо совершение иного деяния.

ПОХИЩЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

4.1. Развитие законодательства об ответственности за похищение человека

Похищение человека является одним из опаснейших преступлений, посягающих на его свободу. По характеру и степени общественной опасности оно отнесено к категориям тяжких (ч. 1 ст. 182 УК) и особо тяжких (ч. 2 и 3 ст. 182) преступлений.

Похищение человека как преступление, посягающее на его свободу, издавна строго преследовалось уголовными законами различных государств. Об этом свидетельствует и история развития законодательства, применяемого на территории современной Беларуси.

Уже в таких законодательных актах древнего периода, применявшихся в Беларуси, как Русская Правда, Судебник Казимира 1468 г., Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566 и 1588 гг., содержались нормы, устанавливавшие ответственность за подобные либо связанные с ними действия. Такой подход основывался в первую очередь на религиозных заповедях, предписывающих суровую кару за похищение человека. Однако в правовых актах древнего времени оценка похищения человека была двойственной. С одной стороны, если речь шла о похищении раба, то такое деяние расценивалось как обычная кража вещи, поскольку человек, будучи рабом, приравнивался к вещи. С другой стороны, похищение свободного человека расценивалось как самостоятельное преступление, вытекающее из религиозных запретов. Но в таких случаях похищение связывалось, как правило, с последующей продажей человека, т. е. данное преступление охватывало два деяния: похищение и продажу человека, которая ассоциировалась с опасностью попадания в рабство вольного человека. Установлением запрета на похищение вольного человека гарантировалась его свобода от рабства.

В более поздние периоды в процессе совершенствования уголовного законодательства стали вырисовываться конкретные нормы, устанавливавшие запрет на похищение человека наряду с другими нормами, также призванными охранять личную свободу человека. При этом следует отметить детализацию данного состава в зависимости от потерпевших. Так, например, российское Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. в редакции 1885 г. предусматривало ответственность за похищение младенцев (ст. 1407, 1498), похищение женщины или девушки (ст. 1529, 1530), похищение незамужней жен-

щины (ст. 1549), похищение замужней женщины (ст. 1580, 1582). В указанных статьях дифференцировалась ответственность и по другим признакам: способу (насильственное или ненасильственное), цели (скрыть настоящее происхождение или состояние младенца, изнасиловать женщину или девушку, обольстить ее, воспользовавшись ее слабостью, и т. д.). Аналогичный подход сохранился и в Уголовном уложении 1903 г., которое предусматривало ответственность за похищение или сокрытие чужого ребенка (ст. 502), похищение несовершеннолетней (ст. 505), похищение незамужней женщины (ст. 506). При этом так же, как и в предыдущем Уложении, дифференциация происходила прежде всего в зависимости от цели похищения. Кроме того, был дополнительно введен для дифференциации такой признак, как возраст. Так, согласно ст. 505 Уголовного уложения в качестве самостоятельных деяний предусматривались похищение несовершеннолетней в возрасте от 14 до 16 лет и похищение несовершеннолетней, достигшей 16 лет. Что касается похищения ребенка, то Уголовное уложение расширило возрастной предел похищаемого. В Уложении 1845 г. речь шла о похищении младенца, а в Уложении 1903 г. — о похищении ребенка, не достигшего 14 лет (ст. 502). В качестве отягчающих ответственность обстоятельств в Уложении были зафиксированы три цели: для нищенства или иного безнравственного занятия, корыстная цель и цель лишить ребенка прав его состояния.

Таким образом, в российском законодательстве, действовавшем на территории Беларуси в досоветский период, сохранялась уголовная ответственность за похищение ребенка, не достигшего 14 лет, за похищение несовершеннолетней девушки и похищение незамужней женщины.

Похищение ребенка рассматривалось как альтернатива его сокрытию или подмене.

Уголовный кодекс РСФСР, принятый в 1922 г., действие которого было распространено и на территорию Беларуси, сохранил лишь один состав, связанный с похищением, — похищение, сокрытие или подмен чужого ребенка, совершенные с корыстной целью или из иных личных видов (ст. 162). Наказание за это преступление было установлено в виде лишения свободы на срок до четырех лет. Аналогичный состав преступления содержался и в УК БССР 1928 г. (ст. 228), однако санкция за это преступление была несколько смягчена (наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет). Аналогичная норма содержалась и в УК БССР, принятом в 1960 г. Согласно ст. 123 УК наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет устанавливалось за похищение или подмен чужого ребенка, совершенные с корыстной целью или иных низменных побуждений. И только в 1997 г. указанная статья

подверглась коренному изменению в связи с расширением понятия похищения, под которое подпадал человек любого возраста.

Итак, законом Республики Беларусь от 17 мая 1997 г. была произведена криминализация похищения человека, ответственность за которое устанавливалась независимо от его пола и возраста. Более того, не имели значения для квалификации содеянного и цель, которую преследовал похититель. Существенно усиливалась ответственность за это преступление. Даже совершенное без отягчающих обстоятельств, оно влекло наказание в виде лишения свободы на срок от 4 до 8 лет. В ст. 123 УК появились и квалифицированные составы данного преступления. Наказание в виде лишения свободы на срок от 7 до 10 лет было установлено за похищение человека, совершенное при любом из отягчающих обстоятельств, названных в ч. 2 ст. 123: повторно; по предварительному сговору группой лиц; в отношении несовершеннолетнего; с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего; с применением оружия; организованной группой.

Частью 3 указанной статьи предусматривалась ответственность за подмен чужого ребенка (наказание в виде лишения свободы на срок от трех до шести лет).

В действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь статья, предусматривающая ответственность за похищение человека, размещена в гл. 22 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства». Белорусский законодатель учел опыт российского досоветского нормотворчества, реализованный в Уголовном уложении 1903 г., в части систематизации преступлений, направленных против личной свободы человека.

При конструировании ст. 182 УК «Похищение человека» заимствованы подходы УК 1960 г. (в последней редакции) в части установления основного и квалифицированных составов. Однако данная статья существенно отличалась от ст. 123 УК 1960 г. Прежде всего следует отметить, что в ч. 1 ст. 182 УК содержалась описательная диспозиция с развернутым определением похищения человека как тайного, открытого, путем обмана или соединенного с насилием завладения лицом. Подмена ребенка была выделена в самостоятельную статью и помещена в гл. 21 «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних».

В ч. 2 ст. 182 при конструировании квалифицированного состава похищения человека наряду с сохранением ряда квалифицирующих признаков (в отношении заведомо несовершеннолетнего, двух или более лиц, с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, группой лиц по предварительному сговору или организо-

ванной группой) введены такие признаки, как совершение преступления из корыстных побуждений, в целях сексуальной и иной эксплуатации, с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации. В качестве альтернативы применению насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, введено указание на сопряжение с мучениями или истязанием.

Существенно был изменен особо квалифицированный состав похищения человека. Повышалась ответственность за его совершение в том случае, если оно повлекло по неосторожности смерть потерпевшего либо причинение тяжких телесных повреждений (ч. 3 ст. 182).

При сохранении жесткого подхода к формированию санкций за указанное преступление законодатель внес в них все же некоторые изменения. За похищение человека без отягчающих обстоятельств минимальный предел наказания в виде лишения свободы был повышен с 4 до 5 лет, а максимальный снижен с 8 до 7 лет.

За похищение человека при отягчающих обстоятельствах (квалифицированный состав) минимальный предел наказания в виде лишения свободы был снижен с 7 до 5 лет, а максимальный повышен с 10 до 15 лет. За совершение рассматриваемого преступления, повлекшего смерть или причинение тяжких телесных повреждений, предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 15 лет с конфискацией имущества. Аналогичная санкция содержалась и в ст. 123 УК 1960 г.

В 2005 г. на основе Декрета Президента Республики Беларусь «О некоторых мерах по противодействию торговле людьми» был принят Закон от 4 мая 2005 г. № 15-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения», которым была скорректирована и ст. 182 УК.

Похищение человека стало определяться как тайное, открытое, путем обмана или злоупотребления доверием, или соединенное с насилием или с угрозой его применения, или иными формами принуждения противоправное завладение лицом при отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 291 УК. Это понятие было расширено путем установления открытого перечня способов похищения и дополнения их такими способами, как злоупотребление доверием и угроза применения насилия.

Квалифицирующий признак «совершение преступления организованной группой» был перенесен в ч. 3 ст. 182. Кроме того, перечень особо квалифицирующих признаков был расширен за счет придания ему открытости в части наступления иных тяжких последствий.

Усиление ответственности за рассматриваемое преступление произошло и путем придания дополнительному наказанию в виде конфискации имущества, предусмотренному за его совершение при отягчающих обстоятельствах, обязательного характера (ч. 2 и 3 ст. 182).

Законом Республики Беларусь от 5 января 2015 г. № 241-З было внесено уточнение в п. 4 ч. 2 рассматриваемой статьи: квалифицирующий признак «цель сексуальной или иной эксплуатации» стал звучать как цель эксплуатации.

4.2. Юридический анализ состава похищения человека

Родовым объектом преступления, как это вытекает из названия разд. VII «Преступления против человека», является человек, понимаемый с позиции концепции «объект – общественные отношения» как субъект и носитель общественных отношений, обеспечивающих ему нормальное существование в обществе в социальном и физиологическом понимании, в том числе и в контексте обеспечения естественных прав, возникших с момента рождения, на жизнь, здоровье, личную свободу.

Видовым объектом похищения человека является личная свобода человека, его честь и достоинство.

В качестве *основного непосредственного объекта похищения человека* выступает личная свобода человека, т. е. общественные отношения, обеспечивающие ему свободное, без каких-либо противоправных ограничений существование в обществе, свободное определение им места нахождения и направлений передвижения.

Поскольку похищение человека может быть связано с насилием или угрозой его применения, а также с насилием, опасным для жизни или здоровья потерпевшего (квалифицированный состав), либо с причинением смерти или тяжких телесных повреждений (особо квалифицированный состав), то *дополнительными непосредственными объектами* этого преступления могут быть телесная неприкосновенность, здоровье и жизнь человека.

Потерпевшим от рассматриваемого преступления может быть любой человек, независимо от пола, возраста, психического или физического состояния и т. п. Возрастной признак потерпевшего выделяется в части правовой оценки преступления лишь постольку, поскольку имеет место похищение несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 182).

Объективную сторону данного преступления образует общественно опасное действие, выразившееся в противоправном завладении лицом. В литературе подобное завладение часто отождествляется с захва-

том, однако этот термин, на наш взгляд, подходит лишь к насильственному завладению.

В ч. 1 ст. 182 приведен перечень возможных способов подобного завладения, который не является исчерпывающим, поскольку допускается применение иных форм принуждения. К способам похищения человека закон относит тайное завладение, открытое завладение, завладение путем обмана или злоупотребления доверием, завладение, соединенное с насилием или угрозой его применения, завладение с использованием иных форм принуждения.

Тайное завладение лицом можно определить аналогично тайному завладению имуществом, но с некоторыми нюансами.

Согласно п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» похищение имущества признается тайным (кражей), когда совершено в отсутствие потерпевшего или иных лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них и виновный сознавал эти обстоятельства. В случаях, когда потерпевший или иные лица понимали, что происходит похищение, но виновный, исходя из окружающей обстановки, считал, что действует незаметно для них, содеянное надлежит квалифицировать как кражу. Похищение человека не может, как правило, происходить тайно от самого потерпевшего. Оно будет признаваться тайным, если совершается в отсутствие иных лиц или хотя и в их присутствии, но незаметно для них, что должно сознаваться виновным. Похищение человека следует признавать тайным и тогда, когда оно совершено в присутствии лиц, не способных по возрасту или умственному развитию либо по иным причинам (состояние сильного опьянения, сон и т. п.) сознавать происходящее, при условии, что это охватывалось сознанием виновного.

Тайным от самого потерпевшего следует признавать такое похищение, когда потерпевший в силу нахождения в особом состоянии (опьянение, глубокий сон) не сознавал факта завладения им.

Открытым похищением человека следует признавать такое завладение им, которое совершается в присутствии или на виду у иных посторонних лиц. При этом как потерпевший, так и иные лица должны сознавать противоправный характер действий виновного лица. При отсутствии осознания иными лицами противоправности завладения похищение человека считается тайным. Например, преступник, одетый в форму сотрудника органов внутренних дел, на виду у других лиц водворяет потерпевшего в автомобиль.

Завладение человеком путем обмана или злоупотребления доверием предполагает введение потерпевшего в заблуждение, в результате

которого он добровольно дает согласие на перемещение в какое-либо место. Например, лицо, переодевшееся в форму сотрудника органов внутренних дел, предлагает потерпевшему проехать с ним в отдел внутренних дел в целях выяснения каких-то обстоятельств, якобы связанных с потерпевшим; лицо сообщает потерпевшему, что его ребенок попал в аварию, и предлагает свое транспортное средство, чтобы приехать на место аварии.

Завладение, соединенное с насилием или с угрозой его применения, означает, что в целях похищения человека лицо применяет к потерпевшему любое насилие, не связанное с опасностью для его жизни или здоровья, либо угрожает применением подобного насилия (например связывает потерпевшего), либо с применением силы вталкивает его в транспортное средство, либо наносит удары потерпевшему для достижения цели его похищения. Как отмечается в п. 4 упомянутого постановления Пленума Верховного Суда, под насилием, не опасным для жизни или здоровья, следует понимать причинение легких телесных повреждений, не повлекших кратковременного расстройства здоровья либо незначительной стойкой утраты трудоспособности, нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо ограничением его свободы.

Завладение с использованием иных форм принуждения предполагает применение различного рода угроз, имеющих реальный характер и направленных в адрес как самого потерпевшего, так и иных, близких ему лиц. При этом угрозы могут распространяться на имущество указанных лиц, на их честь и достоинство, касаться их службы, работы, половой неприкосновенности их детей и т. п.

Рассмотренные способы противоправного завладения лицом образуют похищение человека лишь при условии отсутствия признаков захвата заложника (ст. 291 УК).

Похищение человека представляет собой *формальный состав преступления*, не требующий для ответственности каких-либо последствий. Но чтобы определить момент окончания этого преступления, необходимо осуществить толкование термина «завладение», который имеет достаточно широкий смысл. Завладение складывается из трех последующих действий: 1) захват либо иное изъятие человека с места его нахождения, 2) перемещение человека в иное место, 3) удержание его в этом месте.

Такая трактовка завладения дается и в судебной практике. Так, по приговору суда Октябрьского района г. Могилева М. и И. были признаны виновными в похищении потерпевшего П., совершенном группой лиц по предварительному сговору, и осуждены по п. 6 ч. 2 ст. 182 УК.

Рассмотрев дело по протесту заместителя Председателя Верховного Суда, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда приговор отменила и дело передала на рассмотрение со стадии судебного разбирательства. В своем определении судебная коллегия указала, что по смыслу закона похищение человека – это умышленное тайное, открытое, путем обмана или соединенное с насилием противоправное завладение лицом с последующим перемещением потерпевшего вопреки его воле с места постоянного или временного пребывания в другое место и удержанием, т. е. одним из признаков объективной стороны данного преступления является изъятие и перемещение потерпевшего с целью последующего удержания в другом месте. Не подлежат квалификации по ст. 182 УК действия лиц, формально соответствующие похищению человека (захват и насильственное удержание), если изначально отсутствовал умысел на похищение и действия по этому поводу не планировались. По рассмотренному же делу были установлены факты изъятия потерпевшего и его перемещения, однако не была установлена цель удерживать его в дальнейшем. Цель задержания потерпевшего состояла в выяснении его якобы противоправных действий, связанных с требованием денег под угрозой оружия. В процессе движения автомобиля было выяснено, что никакого отношения к этим действиям он не имел, и его отпустили. По сути, в данном случае имела место фактическая ошибка в личности потерпевшего. Поскольку не был установлен умысел виновных на его похищение, т. е. на его захват, перемещение в иное место и последующее удержание, судебная коллегия Верховного Суда определила, что приговор суда и последующие судебные решения в данной части не могут быть признаны законными и обоснованными.

При установлении же умысла виновного на похищение потерпевшего при указанных обстоятельствах дела, когда имела место ошибка в его личности, содеянное могло быть квалифицировано как покушение на похищение человека.

Аналогичное толкование завладения дается и Верховным Судом Российской Федерации. Например, в постановлении Президиума Верховного Суда России по конкретному делу указано, что по смыслу закона под похищением человека следует понимать противоправные умышленные действия, сопряженные с тайным или открытым завладением (захватом) живого человека, перемещением его с постоянного или временного местонахождения в другое место и последующим удержанием в неволе. Основным моментом объективной стороны данного преступления является захват потерпевшего с места его нахождения и перемещение с целью последующего удержания в другом месте.

Таким образом, с учетом трактовки термина «завладение» похищение человека следует признавать оконченным с момента выполне-

ния всех действий, составляющих завладение лицом, т. е. с момента начала незаконного удержания похищенного независимо от времени такого удержания.

Несколько иначе должен решаться вопрос о моменте окончания похищения человека, совершенного путем обмана или злоупотребления доверием. В этих случаях потерпевший, как правило, добровольно прибывает к указанному месту, где он начинает удерживаться виновным (потерпевший может и не сознавать факта удержания). Момент начала удержания потерпевшего следует считать моментом юридического окончания данного преступления. Фактически же окончанием похищения человека как длящегося преступления признается с момента добровольного или принудительного прекращения удержания человека.

При похищении человека путем обмана или злоупотребления доверием в тех случаях, когда потерпевшему, осознавшему факт обмана и цель виновного его похитить, удастся избежать прибытия в указанное место, обман или злоупотребление доверием следует считать покушением на похищение человека.

В теории и на практике нередко возникают вопросы, связанные с похищением родителем своего ребенка против воли другого родителя. Их решение зависит от целого ряда обстоятельств, и прежде всего относящихся к возрасту ребенка, позволяющему ему свободно оценивать происходящее с ним. Разумеется, малолетний ребенок, как правило, не может объективно оценить факт его захвата и перемещения. Он может быть подвергнут обману, его доверием может злоупотребить родитель, похищающий ребенка. Поэтому в таких случаях похищение ребенка, даже при его согласии, но против воли другого родителя, следует признавать преступным. Однако следует устанавливать, в чьих интересах осуществляется похищение ребенка. Если родитель руководствуется интересами ребенка, считая необходимым изъять его из негативно влияющей на него обстановки, создаваемой другим родителем, то наличие состава похищения человека исключается. Например, отец похищает своего ребенка из квартиры, где тот проживает с матерью-пьяницей. Однако в подобных случаях необходимо соблюдение всех условий правомерности крайней необходимости. Если же более обеспокоенный отец похищает своего ребенка в целях улучшения его благосостояния или чтобы просто находиться с ним, то его действия следует признать преступными.

При решении вопроса о похищении ребенка следует также учитывать то, как определил суд судьбу ребенка, какие права на него были предоставлены тому или другому родителю. Если ребенок оказался у родителя, лишённого родительских прав, либо у родителя, похитившего ребенка, то изъятие у него ребенка другим родителем не образует

состава похищения человека. Иными словами, речь о похищении ребенка должна идти лишь в том случае, если он находится у родителя или иного приравненного к нему лица на законных основаниях.

Состояние крайней необходимости следует учитывать и в тех случаях, когда изъятие человека осуществляется в целях спасения его от грозящей опасности при стихийных бедствиях либо от возможных посягательств на его жизнь или здоровье. Чаще всего такие ситуации могут возникнуть, когда лицо не в состоянии оценить наличие грозящей ему опасности (например, невменяемый) либо когда недооценивает ее в силу своего характера или недостаточности убеждения со стороны лиц, пытающихся спасти человека.

При имитации похищения, когда лицо дает согласие на него, состав данного преступления отсутствует.

В указанном контексте представляет интерес оценка похищения ребенка суррогатной матерью.

Согласно ст. 52 Кодекса о браке и семье матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается женщина, заключившая с суррогатной матерью договор суррогатного материнства. Отцом ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается супруг женщины, заключившей с суррогатной матерью договор суррогатного материнства. Лица, явившиеся донорами половых клеток, которые использовались при применении вспомогательных репродуктивных технологий, не вправе оспаривать материнство и (или) отцовство ребенка, родившегося в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий.

В соответствии со ст. 23 Закона Республики Беларусь от 7 января 2012 г. № 341-З «О вспомогательных репродуктивных технологиях» одной из обязанностей, возлагаемых на суррогатную мать, является обязанность передать женщине, заключившей с ней договор суррогатного материнства, ребенка (детей) после его (их) рождения в срок, предусмотренный договором суррогатного материнства. Таким образом, матерью ребенка, рожденного суррогатной матерью, признается его генетическая мать.

Указанные положения определяют оценку завладения ребенком женщиной, родившей его по договору суррогатного материнства. При этом возможны различные ситуации. Первая: у женщины, выносившей ребенка по договору суррогатного материнства, во время родов или сразу после них возникнет материнский инстинкт, и она не в силах совладать с собой, скрывается с рожденным ребенком от его генетических родителей. В таком случае, по нашему мнению, будет отсутствовать состав похищения человека в силу отсутствия самого действия, предусмотренного ст. 182 УК, в виде завладения, поскольку она еще

владеет им. Кроме того, следует учитывать ее психологическое состояние, в котором она может оказаться во время родов или непосредственно после них, подобное тому, в каком оказывается женщина, совершившая убийство новорожденного ребенка, квалифицируемое по ст. 140 УК. Вторая ситуация: суррогатная мать уже передала своего ребенка генетическим родителям, а через некоторое время решила завладеть им. При этом мотивы могут быть различными: проявление материнского инстинкта, корыстные, иные личные побуждения. В таких случаях действия суррогатной матери по завладению рожденным ею ребенком содержат состав похищения человека, однако проявление материнского инстинкта следует рассматривать как обстоятельство, смягчающее ответственность.

По нашему мнению, для таких случаев необходимо ввести в УК привилегированный состав похищения человека, аналогичный составу, предусмотренному ст. 140 УК.

Субъективная сторона похищения человека характеризуется умышленной формой вины в виде прямого умысла. Виновный сознает общественно опасный характер совершаемого деяния, т. е. то, что незаконно, против воли потерпевшего захватывает или иным образом осуществляет его изъятие с последующим перемещением и удерживанием в другом месте, и желает поступить таким образом.

Для похищения человека при отсутствии квалифицирующих признаков (основной состав) мотивы и цель похищения при его квалификации значения не имеют. Они могут быть различными (месть, ревность, хулиганские побуждения, цель вступить в брак с женщиной, вернуть долг и т. п.).

Субъективная сторона похищения человека при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков имеет свои особенности, обусловленные прежде всего психическим отношением виновного к таким признакам.

Субъективная сторона похищения человека при наличииотячающих обстоятельств, предусмотренных ч. 2 ст. 182 УК, характеризуется умышленной виной в виде прямого умысла, что свойственно преступлению с формальным составом. Что касается похищения человека при наличии обстоятельств, предусмотренных ч. 3 ст. 182 УК, то характеристика субъективной стороны содеянного зависит от законодательной конструкции состава преступления. В данной норме он представлен и как материальный состав, когда речь идет о деянии, повлекшем указанные в законе последствия, и как формальный состав, когда речь идет о совершении указанного деяния организованной группой. Однако с учетом того, что в ч. 3 рассматриваемой статьи указано на отно-

шение виновного к наступившим последствиям в форме неосторожности, субъективная сторона содеянного характеризуется сложной виной: прямым умыслом по отношению к похищению человека и неосторожностью в виде легкомыслия или небрежности по отношению к последствиям. Организованной группой данное действие может быть совершено только с прямым умыслом, т. е. виновный сознает, что он совершает похищение человека, что это преступление совершает в составе организованной группы, и желает действовать таким образом.

Субъект похищения человека общий: физическое вменяемое лицо, достигшее 14-летнего возраста, что соответствует п. 7 ч. 2 ст. 27 УК, содержащей перечень преступлений, за совершение которых ответственность наступает с 14-летнего возраста. На практике могут возникнуть ситуации, когда лицо, обладающее признаками субъекта преступления применительно к похищению человека, использует для его совершения малолетнего, т. е. лицо, не достигшее 14-летнего возраста. В таких случаях при оценке содеянного следует иметь в виду разъяснение Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, содержащееся в его постановлении от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних». В частности, в п. 18 указанного постановления говорится, что, если взрослый вовлек несовершеннолетнего, не достигшего возраста, установленного ст. 27 УК, в совершение конкретного преступления, но сам участие в нем не принимал, в силу ч. 3 ст. 16 УК он несет ответственность за содеянное как исполнитель преступления и его действия квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за преступление, совершенное несовершеннолетним, и по соответствующей части ст. 172 УК. Иными словами, совершеннолетний, использующий малолетнего при совершении похищения человека, выступает в качестве посредственного исполнителя. Однако в указанном постановлении речь идет лишь о совершеннолетнем преступнике, поскольку в нем решаются вопросы об ответственности взрослых за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Вместе с тем, по нашему мнению, следует аналогичным образом решать вопрос о лице, достигшем 14-летнего возраста, но не достигшем совершеннолетия. В таких случаях роль подростка должна определяться как посредственный исполнитель преступления с отличием лишь в том, что он не должен отвечать за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Аналогично должен решаться вопрос о посредственном исполнении при использовании для совершения преступления невменяемого.

Согласно ч. 2 ст. 182 *ответственность за похищение повышается*, если оно совершено в отношении заведомо несовершеннолетнего,

двух или более лиц, из корыстных побуждений, в целях эксплуатации, с целью изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации, группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо сопровождавшееся мучениями или истязанием.

По п. 1 ч. 2 ст. 182 УК подлежит квалификации *похищение заведомо несовершеннолетнего*, т. е. лица, не достигшего на день похищения 18-летнего возраста. При этом умыслом виновного лица должно охватываться осознание того, что потерпевший находится в несовершеннолетнем возрасте. Любые сомнения на этот счет исключают заведомость, а содеянное подлежит квалификации по ч. 1 ст. 182 УК.

Совершение похищения в отношении двух или более лиц имеет место тогда, когда виновный имел единый умысел на похищение двух и более лиц и, как правило, единую цель в отношении всех потерпевших. При этом не имеет значения, в одно или разное время совершалось похищение. Не имеет значения также время возникновения умысла на похищение двух или более лиц. Вначале у виновного может возникнуть умысел на похищение одного человека, а после его совершения – на похищение другого. Главное для квалификации преступления по указанному признаку – наличие единой цели на завладение двумя или более лицами.

Похищение двух или более лиц для достижения различных целей следует рассматривать как самостоятельные преступления с учетом повторности похищения в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность при выборе наказания за содеянное.

Похищение человека из корыстных побуждений означает, что преступление совершается по мотивам, характеризующимся стремлением извлечь из совершенного похищения для себя или близких выгоду имущественного характера либо намерением избавить себя или близких от материальных затрат. При этом не имеет значения, реализованы или нет корыстные побуждения виновного. Чаще всего подобными мотивами руководствуются лица при вымогательстве, предъявляя похищенному или его родственникам требование передать имущество или право на него либо совершить каких-либо действия имущественного характера.

Однако корыстные побуждения отсутствуют в том случае, когда похищение человека сопряжено с требованием отдать виновному долг.

Похищение человека в целях эксплуатации означает, что виновный при совершении данного преступления преследует цель извлечь выгоду из использования похищенного другим лицом либо цель принудить похищенного человека к работе или оказанию услуг. Такое похищение

может быть совершено и с целью сексуальной эксплуатации, когда похищенное лицо используется для занятия проституцией. При этом для квалификации содеянного не имеет значения, была ли достигнута поставленная цель получения выгоды от эксплуатации похищенного.

При похищении человека в целях эксплуатации необходимо установить факт незаконного принуждения человека к работе или оказанию услуг в случае, когда лицо по независящим от него обстоятельствам не может отказаться от выполнения требуемых работ (услуг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством. Похищение человека в указанных целях будет иметь место и тогда, когда похищенный добровольно согласился работать у лица, которое пообещало ему, например, высокую оплату, либо потерпевший, отказавшийся работать или оказывать услуги лицу, был отпущен им.

Похищение человека с целью изъятия у него органов или тканей для трансплантации означает, что виновный изначально преследовал цель использовать потерпевшего в качестве живого донора. Для квалификации содеянного как похищение человека с указанной целью не имеет значения, дал ли потерпевший в последующем согласие на изъятие у него органов или тканей или отказался от него. Однако если лицу, похищающему человека, заведомо известно, что у него будут принудительно изыматься органы или ткани, и такое изъятие осуществлено, то содеянное квалифицируется по совокупности преступлений (п. 5 ч. 2 ст. 182, ч. 6 ст. 16, п. 4 ч. 2 ст. 147 УК).

Похищение человека группой лиц по предварительному сговору означает, что в совершении данного преступления участвовали в качестве соисполнителей два или более лиц, заранее договорившихся о его совершении. Согласно ч. 3 ст. 16 УК исполнитель – это лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами. Поскольку похищение человека образует система целого ряда действий, то исполнителями этого преступления следует признавать как лиц, выполнивших совместно все эти действия, так и лиц, которые полностью их не совершали, но выполнили частично действия, образующие объективную сторону этого преступления. Например, группа соисполнителей будет иметь место, когда одно лицо управляет автомобилем, в который другое лицо насильно вталкивает потерпевшего, а третье лицо принимает у них похищенного и прячет в каком-либо помещении. Соисполнителем следует признавать и то лицо, которое непосредственно не участвовало в похищении, но после его совершения выполняло роль охранника помещения, в котором был помещен потерпевший, т. е. содействовало удержанию похищенного человека.

Предварительный сговор соисполнителей означает, что они заранее договорились именно о совершении похищения конкретного человека, даже если не были оговорены детали преступления. При этом сговор должен касаться тех или иных обстоятельств, связанных с похищением человека, которые влияют на квалификацию содеянного. Если, например, один из исполнителей знает, что намеряемый потерпевший является несовершеннолетним, а другие об этом не осведомлены, то квалификация содеянного проводится в зависимости от содержания умысла каждого из соучастников. Один будет отвечать по п. 1 ч. 2 ст. 182, а другие – по ч. 1 этой статьи.

Похищение человека с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо сопровождавшееся мучениями или истязанием, представляет собой повышенную общественную опасность, поскольку причиняет вред не только свободе человека, но и его здоровью и даже жизни.

Для разъяснения этого признака воспользуемся указаниями Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, который в вышеупомянутом постановлении пояснил, что под насилием, опасным для жизни или здоровья, следует понимать причинение потерпевшему легких телесных повреждений, повлекших кратковременное расстройство здоровья либо незначительную стойкую утрату трудоспособности, или телесного повреждения большей степени тяжести, а равно насилие, которое хотя и не повлекло причинения таких телесных повреждений, однако в момент применения создавало реальную опасность для жизни или здоровья потерпевшего.

Из разъяснений Пленума следует, что насилие, опасное для жизни или здоровья потерпевшего, будет и в том случае, когда в организм потерпевшего против его воли или путем обмана введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние. Содеянное должно квалифицироваться как разбой. Если же в организм похищенного человека введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, то содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 182 УК.

Для определения альтернативы данного признака, т. е. похищения человека, сопровождавшегося мучениями или истязанием, воспользуемся медицинским толкованием указанных понятий, содержащимся в Правилах судебно-медицинской экспертизы характера и тяжести телесных повреждений в Республике Беларусь

Мучения – действия, причиняющие страдания путем длительного лишения пищи, питья или тепла либо помещения или оставления жертвы во вредных для здоровья условиях, и другие сходные действия.

Истязания – действия, связанные с многократным или длительным причинением боли, – щипание, сечение, причинение множественных, но небольших повреждений тупыми или остроколющими предметами, воздействие термических факторов и иные аналогичные действия.

Окончательное решение вопроса о причинении мучений или истязании остается за органами дознания, предварительного следствия, прокуратуры и судом.

Частью 3 ст. 182 УК предусмотрен *особо квалифицированный состав похищения человека*. Его наличие обусловлено наступлением по неосторожности тяжких последствий либо совершением этого преступления организованной группой. Тяжкие последствия в законе конкретизированы как смерть потерпевшего и причинение тяжкого телесного повреждения. Однако закон допускает и наступление иных тяжких последствий, которыми могут быть, например, наступление смерти близкого родственника потерпевшего в результате возникшей стрессовой ситуации в связи с его похищением, причинение крупного материального ущерба. Подобные последствия как тяжкие оцениваются судом на основе учета всех обстоятельств дела, конечно, при наличии причинной связи между похищением человека и наступившими последствиями.

Отношение виновного к указанным последствиям выражается в форме неосторожности (сложная вина). В целом же похищение человека оценивается как умышленное преступление и характеризуется высокой степенью общественной опасности (по категории это преступление относится к особо тяжким).

Похищение человека организованной группой имеет место в том случае, когда два или более участника предварительно объединились в управляемую устойчивую группу для совместного совершения похищения человека (людей) либо вообще для совместной преступной деятельности, для которой похищение человека может быть лишь одним из ее эпизодов.

В качестве иллюстрации приведем следующий пример. Трое граждан объединились в преступную группу для совместного совершения вымогательства денежных средств у индивидуальных предпринимателей. Они разработали план действий, приобрели предметы для применения насилия или угрозы его применения (наручники, слезоточивый газ и т. п.), заранее наметили способ похищения потерпевших и место для их содержания. В назначенный день они с целью вымогательства денег похитили индивидуального предпринимателя, привезли его на автомобиле в дом одного из членов преступной группы, где избивали, угрожали убийством, пристегнули к рукам наручники, заклеили рот

пластырем, а затем сбросили потерпевшего в погреб и забили его крышку гвоздями. Потерпевший был освобожден находившейся в доме родственницей преступника. Действия всех участников преступления были квалифицированы как вымогательство, совершенное организованной группой. Однако им не было вменено похищение человека, что не представляется обоснованным.

4.3. Отграничение состава похищения человека от смежных составов преступлений

Анализ состава похищения человека позволяет рассмотреть вопросы, связанные с отграничением его от смежных преступлений.

В ч. 1 ст. 182 УК имеется отсылка на ст. 291 УК, предусматривающую ответственность за *захват заложника*, поэтому прежде всего необходимо разграничить эти преступления в целях правильной их квалификации.

Согласно ст. 291 УК под захватом заложника понимается захват либо удержание лица в качестве заложника, соединенные с угрозой его убийства, причинения ему телесных повреждений или дальнейшего удерживания этого лица, в целях понуждения государственного органа, международной организации, юридического или физического лица или группы лиц совершить либо воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника.

Отметим, что данный состав расположен в гл. 27 «Преступления против общественной безопасности», из чего вытекает, что и видовым и непосредственным объектом данного преступления выступает общественная безопасность как состояние защищенности общества, а не только личная свобода человека, которая в данном случае имеет статус дополнительного непосредственного объекта. Более того, непосредственными объектами захвата заложника как с основным, так и квалифицированным составом данного преступления являются жизнь и здоровье человека. При похищении же человека эти объекты выступают в качестве дополнительных лишь применительно к особо квалифицированному составу данного преступления, предусмотренному ч. 3 ст. 182 УК.

Существенные различия имеются и в других признаках рассматриваемых составов.

Если объективную сторону похищения человека образует противоправное завладение лицом способами, указанными в ч. 1 ст. 182 УК, то объективная сторона захвата заложника характеризуется захватом либо удержанием лица в качестве заложника. При этом в ст. 291 УК отсутствует указание на то, что захват заложника может быть соединен с насилием.

Как правило, при захвате заложника какие-либо телесные повреждения ему не причиняются до предъявления требования и удовлетворения его.

Угроза насилием, в отличие от похищения человека, при захвате заложника имеет четко конкретизированный характер: угроза убийством, причинением ему телесных повреждений (любой степени) либо дальнейшим удерживанием захваченного лица.

Главное же отграничение похищения человека от захвата заложника следует проводить по субъективной стороне. Похищение человека не обусловлено строго определенными целями, достижение которых выступает условием освобождения заложника. В ч. 1 ст. 291 УК четко указано, что захват или удержание заложника совершаются в целях понуждения государственного органа, международной организации, юридического или физического лица или группы лиц совершить либо воздержаться от совершения какого-либо действия. При похищении человека могут быть какие-либо иные цели, в том числе и признаваемые в качестве квалифицирующих признаков, но только не цель понуждения органа или лица выполнить требуемое действие (бездействие).

Следует отметить еще один важный отличительный нюанс. Захват заложника признается опаснейшим преступлением, вызывающим серьезное беспокойство у международного сообщества, что требует развития международного сотрудничества в разработке и принятии эффективных мер для предупреждения таких деяний, преследования и наказания лиц за совершение всех видов захвата заложников как проявления международного терроризма. В силу этого государства, подписавшие Конвенцию ООН «О борьбе с захватом заложников», возлагают на себя обязательства по тесному сотрудничеству с другими государствами в целях освобождения заложников, изобличения и наказания преступников, посягнувших на общественную безопасность этих государств. Для привлечения к уголовной ответственности за захват заложников как международное преступление не имеет значения место его совершения. Любое государство, являющееся участником международной конвенции, вправе применить свое уголовное законодательство и назначить наказание, соответствующее характеру и степени общественной опасности этого преступления, равно как и выдать виновное лицо государству, гражданином которого оно является.

В литературе также отмечается, что при захвате заложника личность человека безразлична для виновного. Здесь главный упор делается на понуждение. При похищении же человека его жертвой становится

ся, как правило, определенное лицо¹. Однако по такому обстоятельству четко разграничить эти преступления не всегда возможно. В-первых, похищение конкретного человека может перерасти в захват заложника, во-вторых, сам захват заложника может быть сопряжен с захватом конкретного человека. Например, осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы в исправительном учреждении, захватывают конкретное лицо из администрации этого учреждения, выставляя при этом свои требования.

Изложенное свидетельствует о том, что грань между похищением человека и захватом заложника порой трудно уловима, в связи с чем в литературе было высказано мнение о том, что похищение человека и захват заложника, совершенные из корыстных побуждений и сопряженные с предъявлением требований к третьей стороне, следует рассматривать только как захват заложника².

В связи с близостью по своей сути рассматриваемых составов представляется необходимым проанализировать санкции, установленные ст. 182 и 291 УК на предмет оценки законом их степени общественной опасности.

За похищение человека (основной состав) установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 7 лет с конфискацией имущества или без таковой. За захват заложника (основной состав) предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет. Конфискация имущества в качестве дополнительного наказания вообще не предусмотрена, хотя максимальный срок основного наказания за захват заложника выше на три года по сравнению с максимальным сроком этого наказания, установленного за похищение человека. Следовательно законом захват заложника оценивается как более опасное преступление, хотя оба относятся к категории тяжких преступлений.

Многие квалифицирующие признаки обоих преступлений, предусмотренные ч. 2 ст. 182 и ч. 2 ст. 291 УК, совпадают (совершение группой по предварительному сговору; с применением насилия, опасного для жизни или здоровья; в отношении заведомо несовершеннолетнего; в отношении двух или более лиц; из корыстных побуждений). Тем не менее за похищение человека при наличии таких признаков установлено наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 15 лет (преступление относится к категории особо тяжких), а за захват заложника – наказание в виде лишения свободы на срок от 6 до 12 лет (преступление относится к категории тяжких). В качестве дополнительного воз-

можного наказания в том и другом случаях предусмотрена конфискация имущества. Какие же отягчающие обстоятельства, предусмотренные ч. 2 ст. 182 УК и отсутствующие в ч. 2 ст. 291 УК, позволили более строго оценить похищение человека? Вероятно, к таким обстоятельствам законодатель отнес похищение человека в целях эксплуатации, изъятия у потерпевшего органов или тканей для трансплантации, сопровождавшееся мучениями или истязанием. Однако не менее значимыми по своей тяжести являются такие обстоятельства, предусмотренные ч. 2 ст. 291 УК, как захват заложника, совершенный повторно; в отношении заведомо для виновного беременной женщины; по найму. Все это свидетельствует о том, что при конструировании данных норм был нарушен принцип системности, в соответствии с которым следовало бы в первую очередь упорядочить аналогичные квалифицирующие признаки и при их наличии установить равноценные наказания или более строгие для захвата заложника как более опасного преступления, посягающего не только на личную свободу человека, но и в целом на общественную безопасность. В частности, на наш взгляд, похищение заведомо беременной женщины, повторность, совершение преступления по найму необходимо включить в ч. 2 ст. 182 УК, а совершение преступления, сопровождавшееся мучениями или истязанием, – в ч. 2 ст. 291 УК. При этом срок лишения свободы за захват заложника при указанных отягчающих обстоятельствах (вместе с дополнительными к предусмотренным в законе) должен быть в тех же пределах, что и в ч. 2 ст. 182 УК, в результате чего это преступление, так же как и похищение человека, будет относиться к категории особо тяжких.

Что касается частей третьих рассматриваемых статей УК, то особо квалифицирующие признаки в них почти совпадают, равно как совпадают их санкции. Однако если применительно к похищению человека закон предусмотрел только неосторожную вину по отношению к последствиям в виде смерти потерпевшего, либо причинения тяжких телесных повреждений, либо иных тяжких последствий, то применительно к захвату заложника отношение к смерти человека обусловлено только неосторожной виной, а к иным тяжким последствиям – умышленной или неосторожной формами вины, хотя и к смерти, и к иным тяжким последствиям у виновного в похищении человека или захвате заложника не исключается наличие умышленной вины в виде косвенного умысла.

Относительно санкций указанных частей статей УК законодатель оказался непоследовательным. За похищение человека предусмотрена конфискация имущества, а при захвате заложника она выступает как возможное на-

¹ См.: Полный курс уголовного права. Т. 2. С. 424.

² См.: Бриллиантов В. Похищение человека или захват заложника? // Рос. юстиция. 1999. № 9. С. 43.

казание. Такой подход, по сути, противоречит требованиям ст. 61 УК, в которой четко указано, что конфискация имущества устанавливается за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений. Очевидно, что похищение человека может совершаться и при отсутствии корыстных побуждений. Поэтому более правильным было бы указание в ч. 2 и 3 ст. 182 УК лишь о возможном характере данного дополнительного наказания.

Оценивая санкции, предусмотренные ст. 182 и 291 УК, следует сделать вывод, что в рамках реалий справедливости необходима корректировка в целях обеспечения их сбалансированности.

Сходность рассматриваемых преступлений позволяет внести предложение о введении к ст. 182 УК, по аналогии со ст. 291 УК, примечания об освобождении виновного в похищении человека от уголовной ответственности по данной статье, если он добровольно или по требованию власти освободит потерпевшего. Применение деятельного раскаяния и в этом случае бы могло послужить средством предупреждения наступления тяжких последствий в результате похищения человека.

Похищение человека не только граничит с захватом заложника, о чем имеется специальное указание в законе, но и близко примыкает по своей сути к ряду других преступлений, посягающих на личную свободу человека, а именно: к незаконному лишению свободы (ст. 183 УК), принуждению (ст. 185 УК), угрозе убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186 УК). Разграничение этих преступлений и похищения человека обеспечивает правильную их квалификацию.

Отграничение похищения человека от *незаконного лишения свободы* следует проводить по объективной стороне этих преступлений. Если при похищении человека виновный противоправно завладевает потерпевшим (по сути, захватывает его), то при незаконном лишении свободы имеется не захват лица, а его насильственное удержание в каком-либо месте, чем существенно ограничивается свобода человека. При этом не обязательно, чтобы потерпевший вначале оказался в месте его удержания по собственной воле. Он может быть туда водворен насильственно и затем там удерживаться. Например, потерпевшего, находившегося в своем доме, виновный столкнул в погреб, который закрыл на замок; потерпевший, пришедший в гости к соседу, был водворен им в комнату и заперт там.

При похищении потерпевший может *принуждаться к выполнению или невыполнению какого-либо действия* под угрозой применения насилия к нему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведе-

ний, которые они желают сохранить в тайне, либо под угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц. В данном случае похищением человека охватывается принуждение, предусмотренное ст. 185 УК, и дополнительной квалификации по этой статье не требуется. Аналогично решается вопрос в тех случаях, когда *похищение человека сопряжено с угрозой убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества*. Вменения ст. 186 УК здесь также не требуется.

Кроме того, поскольку похищение человека сопрягается и с другими преступлениями, предусмотренными иными главами УК, необходимо четко решать вопросы квалификации содеянного в контексте наличия или отсутствия совокупности преступлений.

Разберем возможные ситуации, которые могут возникнуть в связи с похищением человека.

1. Похищение человека сопряжено с насилием или с угрозой его применения. Завладевая потерпевшим, виновный нередко применяет силу, особенно в тех случаях, когда он сопротивляется. Но под насилием подразумевается нанесение лицу побоев, причинение ему телесных повреждений различной степени тяжести. Причинение лицу побоев, легких телесных повреждений, не повлекших кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утратой трудоспособности, не требуют самостоятельной квалификации, они охватываются ч. 1 ст. 182 УК. Что касается угрозы насилием, то данной нормой охватывается угроза причинением телесных повреждений любой степени тяжести или угроза убийством. Дополнительной квалификации по ст. 186 УК не требуется.

Похищение же человека, сопряженное с причинением легких телесных повреждений, повлекших кратковременное расстройства здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, менее тяжких телесных повреждений либо с мучениями или истязанием, подлежит квалификации по п. 7 ч. 2 ст. 182 УК. Причинение потерпевшему тяжкого телесного повреждения квалифицируется по п. 7 ч. 2 ст. 182 и п. 2 ч. 2 ст. 147 УК. Причинение тяжкого телесного повреждения иному лицу в связи с похищением потерпевшего квалифицируется только по ч. 1 ст. 147 УК.

2. Похищенного человека перемещают в определенное место, где он удерживается, т. е. ограничен в свободе. Квалификация содеянного проводится только по ст. 182 УК. Дополнительная квалификация содеянного как незаконное лишение свободы по ст. 183 УК не требуется, поскольку в ней прямо указано, что незаконное лишение свободы есть ограничение личной свободы человека при отсутствии более тяжкого преступления, каковым в данном случае является похищение человека.

3. При похищении человека совершено убийство похищенного или другого лица, например пытавшегося противодействовать совершению этого преступления. Содеянное квалифицируется по п. 4 ч. 2 ст. 139 УК и п. 7 ч. 2 ст. 182 УК.

4. Похищение человека сопряжено с требованием у родных или близких похищенного выкупа. Содеянное квалифицируется по ч. 2 ст. 291 УК.

5. Похищение человека совершено с целью принудить потерпевшего к возмещению причиненного ущерба, уплате долга и т. п. (выполнению обязательств). Содеянное квалифицируется по ч. 1 или 2 (кроме п. 3) ст. 182 УК и по ч. 2 ст. 384 УК.

6. Похищение представителя иностранного государства или международной организации совершено с целью провокации международных осложнений или войны либо дестабилизации общественного порядка в иностранном государстве. Содеянное квалифицируется по ч. 1 ст. 124 УК как акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации.

7. За похищением людей следует их исчезновение, пытки или акты жестокости, совершаемые в связи с расовой, национальной, этнической принадлежностью, политическими убеждениями и вероисповеданием этих лиц. Содеянное подлежит квалификации по ст. 128 УК как преступление против безопасности человечества.

НЕЗАКОННОЕ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

5.1. Развитие законодательства об ответственности за незаконное лишение свободы

Незаконное лишение свободы также посягает на личную свободу человека как одно из ценных человеческих благ, охрана которого гарантируется как международными актами, так и Конституцией страны. В соответствующих документах право на свободу человека не только провозглашается, но и гарантируется путем установления запретов на произвольное ее ограничение или лишение. «Никто не может быть подвергнут произвольному аресту, задержанию или изгнанию», – гласит ст. 9 Всеобщей декларации прав человека. Аналогичный запрет содержится в Международном пакте о гражданских и политических правах. Согласно ст. 25 Конституции Республики Беларусь государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом.

Гарантией реального обеспечения права человека на свободу является, в том числе и уголовный закон, согласно которому незаконное лишение человека свободы признается преступлением.

Уголовно-правовое регулирование ответственности за преступные посягательства на свободу человека путем ее лишения или ограничения также имеет свою давнюю историю. Однако в сравнении с похищением человека нормы об ответственности за ограничение свободы появились в законодательстве в более поздний период.

Наиболее полную законодательную регламентацию ответственности за ограничение личной свободы человека мы находим в российском Уголовном уложении 1903 г. Соответствующие статьи были расположены в гл. 26 «О преступных деяниях против личной свободы». В частности, ст. 498 признавала преступлением лишение личной свободы задержанием или заключением. При этом имело правовое значение время лишения свободы: если оно продолжалось свыше недели, преступление признавалось более опасным. В ст. 499 Уголовного уложения была осуществлена дифференциация ответственности в зависимости от статуса потерпевших от этого преступления и способа его совершения. В частности, повышенная ответственность предусматривалась за данное преступление в тех случаях, если в качестве потерпевших выступали: 1) мать, законный отец или иной восходящий родственник, 2) должностное лицо при исполнении или по поводу испол-

нения служебных обязанностей, 3) член караула, охранявшего императора или члена императорского дома, или часовой военного караула. Повышенную ответственность влекло лишение свободы способом, опасным для жизни лишенного свободы, или сопровождавшееся мучениями. Еще более усиливалась ответственность, если лишение свободы продолжалось свыше одной недели.

Таким образом, закон дифференцировал ответственность в зависимости от личности потерпевшего, от способа совершения лишения свободы, а также от времени его продолжения.

В ст. 500 Уголовного уложения дифференцировалась ответственность за лишение личной свободы задержанием или заключением в зависимости от места заключения потерпевшего (потерпевшей): в больнице для умалишенных лица, заведомо «не одержимого» душевной болезнью, или в притоне разврата лица женского пола, не внесенного в список публичных женщин. При этом сохранялся общий подход: наказание еще более ужесточалось, если задержание или заключение продолжались более недели.

В первом советском Уголовном кодексе 1922 г. (ст. 159) был несколько изменен подход дореволюционного законодательства к регламентации ответственности за незаконное лишение свободы. Во-первых, не было проведено дифференциации этого преступления в зависимости от личности потерпевшего. Равной ответственности подлежали виновные за незаконное лишение свободы независимо от родственных отношений с потерпевшим либо от его служебного положения. Во-вторых, УК не выделял место помещения потерпевшего. Ответственность наступала за задержание или помещение лица в какое-либо место (т. е. в любое). В третьих, незаконному лишению свободы был придан насильственный характер. В-четвертых, помещение в больницу для душевнобольных здорового лица было выделено в самостоятельный состав преступления (ст. 161 УК). При этом наказуемым данное деяние признавалось только при наличии корыстных или иных личных побуждений.

Что касается повышенной ответственности за лишение свободы способом, опасным для жизни или здоровья лишенного свободы, или сопровождавшееся мучениями, то прежний подход сохранился: данный способ рассматривался как квалифицирующий признак рассматриваемого состава преступления. При этом наказание за незаконное лишение свободы указанным способом устанавливалось в виде лишения свободы на срок до трех лет со строгой изоляцией.

В УК БССР 1928 г. состав незаконного лишения свободы сохранился, но закон стал более лаконичен. Согласно ст. 226 УК преступлением

признавалось незаконное лишение свободы (п. «а»). Наказание ужесточалось (лишение свободы до трех лет), если это преступление совершалось способом, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо если оно было соединено с причинением ему физических страданий (п. «б»). Таким образом, ранее имевшийся подход в целом сохранился. Но в УК теперь отсутствовало указание на насильственный характер лишения свободы, без наличия которого фактически невозможно лишить человека свободы.

В УК БССР 1960 г. регламентация данного преступления по своей сути не изменилась. Его описание в ст. 124 УК было аналогичным описанию, содержащемуся в ст. 226 УК 1928 г. В 1997 г. с введением наказания в виде ареста санкция ч. 1 ст. 124 была изменена: лишение свободы на срок до шести месяцев или исправительные работы на тот же срок были заменены арестом или исправительными работами на срок до двух лет. Ответственность за незаконное помещение в психиатрическую в больницу в первоначальной редакции УК отсутствовала. Она появилась лишь в 1988 г., когда указом Президиума Верховного Совета БССР была введена ст. 124², предусматривавшая ответственность за помещение в психиатрическую больницу заведомо психически здорового лица.

Следует также отметить, что статьи о незаконном лишении свободы во всех советских УК располагались в главах о преступлениях против личности. И только в действующем УК Республики Беларусь был воспринят подход Уголовного уложения 1903 г. в части систематизации преступлений в зависимости от их объекта. Статья 183 о незаконном лишении свободы расположена в гл. 22 УК «Преступления против личной свободы, чести и достоинства». Такой важный правоохраняемый объект, как личная свобода человека, получил самостоятельный статус видового объекта преступлений.

Более того, законодатель пошел по пути использования описательной диспозиции, определив незаконное лишение свободы как ограничение личной свободы человека путем водворения его в какое-либо помещение, связывания или иного насильственного удержания. При этом существенно ужесточены санкции. Преступление с основным составом влечет наказание в виде лишения свободы на срок до пяти лет со штрафом. Незаконное лишение свободы, совершенное способом, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, либо сопровождавшееся мучениями (квалифицированный состав), влечет наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до восьми лет.

5.2. Юридический анализ состава незаконного лишения свободы

Непосредственным объектом преступления является личная свобода человека. В качестве *дополнительного* (факультативного по ч. 1 и обязательного по ч. 2 ст. 183 УК) выступает здоровье человека.

Потерпевшим от данного преступления может быть любое лицо независимо от возраста, служебного положения и других признаков.

Объективную сторону незаконного лишения свободы образует действие в виде ограничения свободы. Обязательным признаком его объективной стороны является способ, представленный в законе как альтернативный: 1) водворение в какое-либо помещение, 2) связывание, 3) иное насильственное удержание.

Водворение в какое-либо помещение означает, что потерпевшему, попавшему добровольно или насильственно либо случайно в помещение, созданы непреодолимые препятствия для свободы передвижения, т. е. свободного выхода из этого помещения. Например, К., находясь в состоянии алкогольного опьянения, отвел своего племянника, который препятствовал употреблению К. алкоголя, в гараж, расположенный во дворе дома, где проживал потерпевший, после чего водворил его в погреб, который закрыл специальным приспособлением. Другой пример. К. во время ссоры с матерью избил ее и водворил в кладовку дома, в котором она проживала, где удерживал ее в течение трех часов. После освобождения из кладовки еще более двух суток запрещал ей под угрозой насилия покинуть пределы дома.

Связывание означает, что потерпевший полностью ограничен в свободе передвижения даже в том месте, где он оказался (связываются ноги, одеваются наручники, приковывается к какому-либо предмету и т. п.). При этом не требуется, чтобы потерпевший находился в каком-либо помещении. Лишить его свободы передвижения можно и в открытом пространстве (двор, лес, дачный участок и т. п.).

В отношении гражданки Н. было возбуждено уголовное дело по признакам ст. 183 УК за то, что она посадила на цепь свою мать, 60-летнюю пенсионерку, закрепив цепь у нее на шее и приковав к столбу во дворе своего дома. По словам обвиняемой, она таким образом пыталась удержать мать от потребления алкоголя.

Иным насильственным удержанием могут охватываться случаи ограничения потерпевшего в передвижении посредством какой-либо реально воспринимаемой им угрозы, например сообщения о заминировании помещения, угрозы жизни или здоровья его близких и т. п.

Насильственное удержание будет и в том случае, если потерпевший случайно оказался в определенном месте, а виновный, воспользовавшись этим, создал препятствия для выхода из него. Например, потер-

певший, оступившись, упал в погреб, а виновный закрыл погреб на замок, препятствуя выходу из него.

Указанные способы позволяют признавать незаконное лишение свободы во всех случаях насильственным преступлением, хотя само по себе водворение потерпевшего в какое-либо помещение может и не носить насильственного характера. Например, лицо водворяется в помещение путем обмана или злоупотребления доверием. Наличие лишения свободы потерпевшего, т. е. ограничения возможности его передвижения по собственной воле, будет признано в случае насильственного удержания его в этом помещении.

Для квалификации содеянного как незаконного лишения свободы место водворения потерпевшего и его удержания значения не имеет. Однако оно будет учитываться при установлении факта насилия, опасного для жизни или здоровья потерпевшего, либо факта причинения мучений, т. е. особых страданий (нахождение в сыром и холодном помещении, неосвещенном месте, месте, заполненном мышами или крысами, и т. п.).

Для квалификации содеянного по ст. 183 УК не имеет значения и время насильственного удержания лица в помещении. Но, на наш взгляд, продолжительность удержания может влиять на оценку степени общественной опасности преступления при назначении наказания. Одно дело, когда потерпевший ограничивается в свободе передвижения день или два, и другое, когда это нахождение растягивается на недели или месяцы. В этом отношении более приемлемым представляется подход российского (дореволюционного) законодателя, признававшего в качестве квалифицирующего признака данного состава преступления время – более одной недели.

Следует отметить, что состав преступления, предусмотренный ст. 183 УК, именуется незаконным лишением свободы. Это означает, что лицо, ограничившее свободу передвижения другому лицу, не имеет никаких правовых оснований для совершения указанных действий. Однако необходимо иметь в виду такие обстоятельства, исключающие преступность деяния, как необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление, крайняя необходимость. Лицо может применить насилие в виде ограничения свободы нападающего либо преступника при его задержании либо действуя в состоянии крайней необходимости. И такое насилие, при соблюдении условий правомерности указанных обстоятельств, не может быть признано незаконным. Приведем пример, К. и Д., придя домой, обнаружили там незнакомого мужчину с сумкой, наполненной их вещами. Не дав вору свободно покинуть квартиру, они схватили его, связали, а затем закрыли на замок в одной из комнат, где он находился в течение нескольких часов, пока не прибыли сотрудники милиции.

Состав незаконного лишения свободы по законодательной конструкции относится к *формальным составам*. Оконченным преступление признается с момента начала незаконного удержания лишеного свободы (момент юридического окончания). Фактически оконченным это преступление, относящееся к длящимся преступлениям, признается с момента добровольного или принудительного предоставления потерпевшему возможности свободно передвигаться либо с момента, когда ему самому удалось освободиться из места его удержания.

Незаконное лишение свободы квалифицируется по ст. 183 УК только в том случае, если отсутствуют признаки должностного или другого более тяжкого преступления. Так, если незаконное лишение свободы совершено должностным лицом, виновный подлежит ответственности за преступление против интересов службы (превышение власти или служебных полномочий) по ст. 426 УК, либо за воинское преступление по ст. 455 УК, либо за преступление против правосудия (заведомо незаконное задержание или заключение под стражу) по ст. 397 УК. Если в содеянном имеются признаки другого более тяжкого преступления, например похищения человека, то оно подлежит квалификации по той статье УК, которая предусматривает более тяжкое преступление (например, по ст. 182 УК).

Субъективная сторона незаконного лишения свободы характеризуется умышленной виной в виде прямого умысла. Виновный сознает, что незаконно лишает свободы человека, т. е. ограничивает ее путем водворения потерпевшего в какое-либо помещение либо связывания или совершает иное насильственное удержание, и желает совершить это действие. Мотивы преступления для его квалификации значения не имеют, однако при назначении наказания могут учитываться в качестве обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность.

Субъективная сторона лишения свободы при наличии квалифицирующих признаков имеет свои особенности, обусловленные прежде всего психическим отношением виновного к таким признакам. В частности, если это преступление совершается способом, опасным для жизни или здоровья потерпевшего, то умыслом виновного должно охватываться осознание того, что он применяет именно такой способ. Если незаконное лишение свободы сопровождается мучениями, то умыслом виновного должно охватываться осознание причинения потерпевшему мучений, что необходимо устанавливать в каждом конкретном случае.

Если при незаконном лишении свободы наступили какие-либо общественно опасные последствия, не являющиеся обязательным признаком объективной стороны данного преступления, то оценка содеянного должна проводиться в зависимости от психического отношения к наступившим последствиям. Например, если виновный помещает свою жертву в сырое подвальное помещение на относи-

тельно длительное время, то, безусловно, здесь может идти речь как о прямом, так и косвенном умысле, но не по отношению к незаконному лишению свободы, а по отношению к самостоятельному преступлению, которое должно дополнительно вменяться этому лицу. Например, если после нахождения в сыром помещении потерпевший тяжело заболел, содеянное подлежит квалификации в зависимости от отношения виновного к наступившему последствию. Если он желал или не желал, но сознательно допускал его наступление либо относился к нему безразлично, то вменяться ему будет ст. 147 УК. Если он предвидел возможность наступления такого последствия, но легкомысленно рассчитывал на его предотвращение (например, сбросил в погреб потерпевшему одеяло) либо не предвидел возможность наступления подобного последствия, но должен был и мог предвидеть его наступление при необходимой внимательности и предусмотрительности, то вменяться ему должна ст. 155 УК.

Субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста (общий субъект), что соответствует ч. 1 ст. 27 УК, а также ч. 2 этой статьи, поскольку содержащимся в ней перечнем преступлений, за совершение которых ответственность наступает с 14-летнего возраста, незаконное лишение свободы не предусмотрено. На практике могут возникнуть ситуации, когда лицо, обладающее признаками субъекта незаконного лишения свободы, использует для его совершения малолетнего, т. е. лицо, не достигшее 14-летнего возраста, либо лицо, достигшее 14 лет, но не достигшее 16-летнего возраста. В таких случаях при оценке содеянного следует иметь в виду разъяснение Пленума Верховного Суда Республики Беларусь, содержащееся в его постановлении от 28 июня 2002 г. № 3 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних». В частности, в п. 18 указанного постановления говорится, что, если взрослый вовлек несовершеннолетнего, не достигшего возраста, установленного ст. 27 УК, в совершение конкретного преступления, но сам участие в нем не принимал, в силу ч. 3 ст. 16 УК он несет ответственность за содеянное как исполнитель преступления и его действия квалифицируются по статье, предусматривающей ответственность за преступление, совершенное несовершеннолетним, и по соответствующей части ст. 172 УК. Иными словами, совершеннолетний, использующий малолетнего или лицо, достигшее 14-летнего возраста, при совершении незаконного лишения свободы выступает в качестве посредственного исполнителя. Однако, как уже отмечалось, в указанном постановлении речь идет лишь о совершеннолетнем преступнике, поскольку в нем решаются вопросы об ответственности взрослых за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Вместе с тем, по нашему мнению, следует

аналогичным образом решать вопрос о лице, достигшем 16-летнего возраста, но не достигшем совершеннолетия. В таких случаях роль подростка должна определяться как посредственный исполнитель преступления с отличием лишь в том, что он не должен отвечать за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления. Аналогично должен решаться вопрос о посредственном исполнении при использовании для совершения преступления невменяемого.

В ст. 183 УК отсутствует указание на совершение незаконного лишения свободы должностным лицом в качестве квалифицирующего признака. Поэтому по данной статье УК могут быть квалифицированы действия, совершенные общим субъектом (частное лицо). Если же подобные действия совершаются должностным лицом, то они подлежат квалификации как за превышение власти или служебных полномочий по ст. 426 или 455 УК. В УК также предусмотрен специальный состав незаконного лишения свободы – заведомо незаконное задержание или заключение под стражу (ст. 397 УК), субъектом которого также является должностное лицо, компетентное осуществлять задержание или заключение под стражу.

В *квалифицированном составе* данного преступления обстоятельством,отягчающим ответственность, является применение при незаконном лишении свободы способа, опасного для жизни или здоровья потерпевшего либо сопряженного с мучениями.

Как указывалось при анализе состава похищения человека, способ, опасный для жизни или здоровья, предполагает причинение потерпевшему легких телесных повреждений, повлекших кратковременное расстройство здоровья либо незначительную стойкую утрату трудоспособности, менее тяжких или тяжких телесных повреждений.

Под мучениями понимается причинение потерпевшему физических или психических страданий путем лишения пищи, тепла, освещения, помещения его в условия, несовместимые с нормальным проживанием, вредные для здоровья.

5.3. Квалификация незаконного лишения свободы человека при конкуренции со смежными составами преступлений

Анализ рассматриваемого состава преступления позволяет решить вопросы, связанные с его квалификацией, особенно для тех случаев, когда в содеянном имеются и признаки других преступлений.

Как указывалось выше, похищение человека, соединенное с незаконным лишением свободы, охватывается только ст. 182 УК и не требует дополнительной квалификации по ст. 183 УК.

Если лишенному свободы причинены легкие телесные повреждения, охватываемые ст. 153 УК, то содеянное квалифицируется только по ч. 2 ст. 183 УК. Аналогично решается вопрос в том случае, если потерпевшему причинено менее тяжкое телесное повреждение. Дополнительной квалификации по ст. 149 УК не требуется.

В случае же причинения лишенному свободы тяжкого телесного повреждения содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений (ч. 1 ст. 147 и ч. 2 ст. 182 УК).

Если потерпевшему причинены мучения, но тяжкое телесное повреждение не причинено, содеянное подлежит квалификации только по ч. 2 ст. 183 УК.

При причинении тяжкого телесного повреждения способом, носящим характер мучений, содеянное квалифицируется по совокупности преступлений (п. 3 ч. 2 ст. 147 и ч. 2 ст. 183 УК).

Если при удержании потерпевшего от незаконного лишения свободы он подвергался истязанию или ему наносились побои (не менее трех раз), содеянное квалифицируется по совокупности преступлений (ч. 1 ст. 183 и ч. 1 ст. 154 УК).

При квалификации преступления по ст. 183 УК следует также учитывать, что при совершении некоторых преступлений ограничение (лишение) свободы человека применяется в качестве способа их совершения. Например, нередко грабители в целях невоспрепятствования совершению хищения со стороны владельцев имущества водворяют их в какое-либо помещение и запирают его на некоторое время. В таких случаях применяемый способ совершения более опасного преступления не требует самостоятельной квалификации, поскольку он охватывается составом другого, более тяжкого преступления.

Разъяснение на этот счет имеется в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества». В частности, в пункте 4 этого постановления указывается, что под насилием, не опасным для жизни или здоровья (ч. 2 ст. 206 УК), следует понимать причинение легких телесных повреждений, не повлекших за собой кратковременного расстройства здоровья либо незначительной стойкой утраты трудоспособности, нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы. Из данного положения следует, что ограничение свободы Пленум Верховного Суда рассматривает как одно из проявлений насилия, не опасного для жизни или здоровья, т. е. как способа совершения более тяжкого преступления (грабежа).

Незаконное лишение свободы может использоваться как способ совершения изнасилования, насильственных действий сексуального ха-

рактера. И в этих случаях действует общее правило: дополнительной квалификации по ст. 183 УК не требуется.

Если незаконное лишение свободы используется как способ вымогательства, действия виновного подлежат квалификации по ч. 2 ст. 208 УК. Дополнительной квалификации по ст. 183 УК не требуется.

Отграничение незаконного лишения свободы от заведомо незаконных задержания или заключения под стражу (ст. 397 УК) проводится по субъекту этих преступлений. Субъектом незаконного лишения свободы является любое частное лицо (общий субъект). Субъектом заведомо незаконных задержания или заключения под стражу является следователь, прокурор или судья (специальный субъект). В силу данного разграничительного признака по-разному определяются объекты этих преступлений. Основным непосредственным объектом незаконного лишения свободы является личная свобода человека, дополнительный объект (факультативный) – жизнь или здоровье человека. Основным непосредственным объектом заведомо незаконных задержания или заключения под стражу являются интересы правосудия и дополнительным (обязательным) объектом – личная свобода человека.

При захвате заложника незаконное лишение свободы полностью охватывается этим преступлением и не требует дополнительной квалификации по ст. 183 УК.

Иные должностные лица, кроме вышеназванных, совершившие незаконное лишение свободы, подлежат ответственности за превышение власти или служебных полномочий по ст. 426 либо 455 УК, если субъектом превышения власти явились лица, на которых распространяется статус военнослужащих (начальник или должностное лицо). Превышение власти или служебных полномочий, выразившееся в незаконном лишении свободы, оценивается как преступление, сопряженное с насилием, и квалифицируется по ч. 3 ст. 426 или ч. 2 ст. 455 УК.

Незаконное лишение свободы может быть совершено в целях эксплуатации потерпевшего. В таких случаях, если трудовая или в иной форме эксплуатация имела место, содеянное квалифицируется по ст. 181¹ как использование рабского труда. Если же поставленную виновному цель не удалось достичь, то незаконное лишение свободы должно рассматриваться как покушение на использование рабского труда (ч. 1 ст. 14 и ч. 1 или 2 ст. 181¹ УК).

Если лишение свободы совершается в отношении представителя иностранного государства или международной организации и при этом у виновного имеется цель провокации международных осложнений или войны либо дестабилизации общественного порядка в иностранном государстве, совершенное преступление оценивается как акт терроризма в отношении представителя иностранного государства или международной организации и подлежит квалификации по ч. 1 ст. 124 УК.

Глава 6

НЕЗАКОННОЕ ПОМЕЩЕНИЕ В ПСИХИАТРИЧЕСКИЙ СТАЦИОНАР

6.1. Становление и развитие законодательства, предусматривающего ответственность за незаконное помещение в психиатрический стационар

В процессе оказания гражданам психиатрической помощи возникают правовые отношения, нуждающиеся в законодательном регулировании. Определяющим в этих отношениях является то обстоятельство, что психическое расстройство (заболевание) нарушает функционирование личности, а нередко полностью лишает ее способности принятия осознанных решений и целенаправленного поведения, в результате чего лицо может стать даже опасным для окружающих. Поэтому психиатрическая помощь в разных ее видах связана с возможным ограничением личной свободы человека и применением к нему различных принудительных мер.

Длительное время в различных памятниках права анализируемое общественно опасное деяние рассматривалось в аспекте квалифицированного вида незаконного лишения свободы. Уголовное уложение 1903 г. впервые выделило в качестве самостоятельного состава задержание в больнице для умалишенных лица, заведомо «не одержимого» душевной болезнью (п. 1 ст. 500).

УК РСФСР 1922 г. признал «помещение в больницу для душевнобольных заведомо здорового человека из корыстных или иных личных видов» (ст. 161) не отягчающим обстоятельством лишения свободы, а самостоятельным его составом. Из всех преступлений против свободы человека это было наиболее тяжкое деяние. Так, ст. 161 УК РСФСР 1922 г. предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок «не ниже пяти лет», в то время как за насильственное лишение кого-либо свободы без отягчающих обстоятельств максимальный срок лишения свободы составлял один год, а при наличии квалифицирующих признаков – три года со строгой изоляцией. На необоснованность столь сурового наказания указывает и тот факт, что УК РСФСР 1926 г. за аналогичное преступление уже было установлено наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет (ст. 148). Таким же образом решался вопрос и в ст. 227 УК БССР 1928 г. «Помещение в больницу для психических больных заведомо здорового лица из корыстных или иных личных мотивов».

Законодатель, принимая УК БССР 1960 г., декриминализировал рассматриваемое деяние. Более того, в то время в Советском Союзе получила распространение практика использования психиатрии для борьбы с инакомыслием. Например, генерал-майор вооруженных сил П.Г. Григоренко, который подверг критике деятельность действовавшего руководителя Советского государства Н.С. Хрущева, был признан невменяемым, лишен воинского звания и помещен в психиатрическую больницу. В связи с широким масштабом злоупотребления психиатрией советских психиатров в 1983 г. исключили из Международной ассоциации психиатров.

4 февраля 1988 г. УК БССР 1960 г. был дополнен ст. 124² «Незаконное помещение в психиатрическую больницу», предусматривавшей наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет или исправительные работы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет.

В настоящее время ст. 184 УК Республики Беларусь 1999 г. устанавливает ответственность за незаконное помещение в психиатрический стационар. Отдельные термины и понятия рассматриваемого состава преступления за последние годы претерпели небольшие изменения, что связано с законодательными новеллами в области психиатрической помощи. Преступления, связанные с незаконным помещением в психиатрический стационар, не имеют широкого распространения.

Правовые основы государственного регулирования психиатрической помощи, порядок госпитализации граждан при наличии у них психических расстройств (заболеваний) установлены Законом Республики Беларусь «Об оказании психиатрической помощи». Положения закона направлены на реализацию основополагающего документа универсального характера в этой сфере – Принципов защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи, который предусматривает право любого лица, страдающего психическими расстройствами (заболеваниями), на осуществление всех признанных международными нормами гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав и прямо указывает на недопустимость какой-либо дискриминации (п. 4, 5).

6.2. Юридический анализ состава незаконного помещения в психиатрический стационар

Основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления является личная свобода человека. В качестве *дополнительного непосредственного объекта* выступает здоровье человека, которое

ставится под угрозу причинения вреда. Некоторыми авторами в качестве дополнительного объекта называются честь, достоинство личности и телесная неприкосновенность¹, а также собственность².

Потерпевшим является любое лицо, как здоровое, так страдающее психическим расстройством (заболеванием), но не нуждающееся в госпитализации либо не давшее на это своего согласия.

Объективная сторона преступления выражается в совершении любого из двух альтернативных деяний: помещения в психиатрический стационар заведомо психически здорового лица, незаконного удержания заведомо психически здорового лица в психиатрическом стационаре.

Бланкетность диспозиции ст. 184 УК обязывает при квалификации содеянного учитывать положения Закона «Об оказании психиатрической помощи», согласно ст. 17 которого психиатрическая помощь оказывается лицу на основе добровольности по его письменной просьбе или с его письменного согласия, а несовершеннолетнему в возрасте до 14 лет, а также лицу, признанному в установленном порядке недееспособным, – по просьбе или с согласия их законного представителя. Полученное согласие на помещение в психиатрический стационар оформляется записью в медицинской документации.

В то же время законодатель предусматривает возможность отступления в ряде случаев от принципа добровольности. Оказание психиатрической помощи в стационарных условиях лицу, страдающему психическим расстройством (заболеванием), без его согласия либо без согласия его законного представителя может проводиться:

1) по определению (постановлению) суда о применении принудительных мер безопасности и лечения по основаниям, предусмотренным УК. Порядок оказания такой помощи регламентирован соответствующим постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь;

2) заключению врачебно-консультационной комиссии государственной организации здравоохранения о необходимости проведения принудительного психиатрического освидетельствования и санкции прокурора на ее проведение;

3) заключению врача-специалиста государственной организации здравоохранения о необходимости проведения принудительного психиатрического освидетельствования;

¹ См.: Уголовный закон в практике мирового судьи: науч.-практ. пособие / А.Н. Александров [и др.] ; под ред. А.В. Галаховой ; Рос. акад. правосудия. М. : Норма, 2005. С. 108–109.

² См.: Российское уголовное право : учебник : в 2 т. / Г.Н. Борзенков [и др.] ; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. Т. 2. Особенная часть. М. : ТК Велби : Проспект, 2006. С. 90.

4) решению суда об удовлетворении заявления о принудительной госпитализации и лечении, если лицо уклоняется от лечения и находится в состоянии, которое обуславливает:

его непосредственную опасность для себя и (или) окружающих. Как отмечает А.В. Барков, такая опасность может быть обусловлена неправильным поведением вследствие психического состояния (психомоторное возбуждение, галлюцинации, бред, синдром психического автоматизма, синдромы расстроенного сознания, патологическая импульсивность, тяжелые дисфории); систематизированными бредовыми синдромами, если они определяют вероятность общественно опасного поведения пациентов; депрессивными состояниями, если они сопровождаются суицидальными тенденциями; маниакальными и гипоманиакальными состояниями, вызывающими нарушения общественного порядка или агрессивные проявления в отношении окружающих; психопатоподобными синдромами при психических заболеваниях с патологией влечений и повышенной поведенческой активностью; состояниями глубокого психического дефекта, приводящими к психической беспомощности, гигиенической и социальной запущенности, бродяжничеству¹;

его беспомощность, т. е. неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности;

возможность причинения существенного вреда своему здоровью вследствие ухудшения состояния психического здоровья, если такое лицо будет оставлено без психиатрической помощи (ст. 36 Закона «Об оказании психиатрической помощи»).

Последнее положение вызывает некоторые сомнения с точки зрения обеспечения прав человека на свободу, неприкосновенность и достоинство личности, предусмотренных ст. 25 Конституции. Однако следует учитывать, что лицо, страдающее тяжелым психическим расстройством (заболеванием), не сознает в полной мере своего состояния и не может адекватно оценить серьезность угрозы своему здоровью и жизни (право на которые также является его неотъемлемой конституционной гарантией) вследствие отказа от госпитализации.

Таким образом, четко ограничен круг обстоятельств, при наличии которых лица, страдающие психическими расстройствами (заболеваниями), могут быть помещены в стационар в принудительном порядке. Приведенный перечень расширительному толкованию не подлежит. Пребывание пациента в психиатрическом стационаре должно продолжаться только в течение времени сохранения оснований, по которым была проведена госпитализация.

¹ См.: Барков А.В. Преступления против личной свободы [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой базы «КонсультантПлюс. Беларусь».

Согласно Закону «Об оказании психиатрической помощи» решение о принудительной госпитализации и лечении гражданина, страдающего психическим расстройством (заболеванием), до его освидетельствования врачебно-консультационной комиссией и решения суда (в случаях, предусмотренных законодательными актами) принимается врачом-специалистом в области оказания психиатрической помощи. Принятое решение подлежит оформлению в медицинской документации.

Считаем, что наличие в законодательстве нормы, предусматривающей возможность принятия решения об освидетельствовании в принудительном порядке единолично врачом-специалистом, продиктовано стремлением максимально упростить и ускорить процедуру, так как промедление в данном случае может привести к тяжким последствиям, например к самоубийству больного, совершению им общественно опасного деяния.

Вместе с тем пациент, госпитализированный в психиатрический стационар по решению врача-специалиста в области оказания психиатрической помощи, подлежит психиатрическому освидетельствованию врачебно-консультационной комиссией в течение суток со дня госпитализации (за исключением выходных и праздничных дней); она принимает решение об обоснованности принудительной госпитализации и лечения. Принятое решение оформляется заключением. Если принудительная госпитализация и лечение признаются необоснованными и пациент не выражает согласия остаться в психиатрическом стационаре, он подлежит немедленной выписке.

Когда принудительная госпитализация и лечение признаются обоснованными, психиатрический стационар в течение двух суток со дня госпитализации пациента (за исключением выходных и праздничных дней) обращается в суд по месту нахождения этого учреждения или по месту жительства (месту пребывания) пациента с заявлением о принудительной госпитализации и лечении, прилагая необходимые документы.

Рассмотрение дел о принудительной госпитализации и лечении граждан осуществляется судом в порядке, предусмотренном ст. 391–393 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь. Суд выносит мотивированное решение, которым отклоняет либо удовлетворяет заявление. Решение об удовлетворении заявления является основанием для принудительной госпитализации гражданина на установленный законом срок.

Закон содержит требование о последующем судебном контроле за нахождением лица в психиатрическом стационаре. Так, лицо, помещенное в психиатрический стационар, в течение шести месяцев со дня госпитализации подлежит психиатрическому освидетельствованию врачебно-консультационной комиссией не реже одного раза в месяц

для определения необходимости продолжения лечения. При принятии судом решения о продлении срока принудительной госпитализации и лечения свыше 6 месяцев психиатрическое освидетельствование проводится не реже одного раза в 6 месяцев; в случае необходимости лечения свыше 12 месяцев – не реже одного раза в год.

Таким образом, незаконным по смыслу уголовного закона следует считать помещение в психиатрический стационар лица при отсутствии у него какого-либо психического расстройства (заболевания), а также лица, страдающего психическим расстройством (заболеванием), но при отсутствии показаний к этому либо проведение госпитализации с нарушениями указанных выше оснований и порядка, например без получения на это согласия пациента или его законного представителя, при отсутствии соответствующего решения (определения, постановления) суда, заключения врачебно-консультационной комиссии (врача-специалиста), получении согласия пациента путем обмана, шантажа, угроз.

Наличие или отсутствие у лица психического расстройства (заболевания) должно устанавливаться в соответствии с общепризнанными международными стандартами – Международной статистической классификацией болезней и проблем, связанных со здоровьем. Лечение психических расстройств (заболеваний) проводится на основании клинических протоколов или методов оказания медицинской помощи пациентам с психическими и поведенческими расстройствами, утвержденных в установленном законодательством порядке. Оно не может основываться только на несогласии пациента с принятыми в обществе моральными, культурными, политическими или религиозными ценностями либо на иных причинах, непосредственно не связанных с состоянием его психического здоровья.

В специальной аргументации нуждается решение вопроса о квалификации содеянного в случае удержания лица, находящегося в психиатрическом стационаре на законных основаниях, но излечившегося от психического расстройства (заболевания) или подлежащего переводу на амбулаторное наблюдение (лечение).

Законодатель устанавливает ответственность не только за помещение в психиатрический стационар заведомо психически здорового лица, но и за незаконное удержание его. Оно может быть выражено в необоснованном продлении принудительной госпитализации и лечения или необоснованном отказе в выписке пациента, поступившего в психиатрический стационар добровольно. Принудительная госпитализация и лечение пациента в психиатрическом стационаре продолжают до выздоровления или значительного стойкого улучшения состояния его психического здоровья, при которых не требуется дальнейшее оказание психиатрической помощи в стационарных условиях, а также при

завершении психиатрического освидетельствования или психиатрической экспертизы, явившихся основаниями для госпитализации.

Обязательным признаком объективной стороны рассматриваемого преступления является место его совершения – психиатрический стационар: государственная психиатрическая организация, иная государственная организация здравоохранения, оказывающие в порядке, установленном законодательством, психиатрическую помощь в стационарных условиях. Пациенты находятся в нем круглосуточно и во время пребывания обязаны соблюдать определенный режим, предусматривающий ряд ограничений.

Для наличия состава преступления, предусмотренного ст. 184 УК, необходимо помещение лица именно в психиатрическое заведение стационарного типа. Незаконное помещение лица в иные медицинские учреждения влечет ответственность за незаконное лишение свободы или за преступление против интересов службы.

Состав преступления *формальный*. Оно считается оконченным с момента незаконного помещения (водворения) потерпевшего в психиатрический стационар либо неосновательного отказа пациенту в выписке его из стационара.

Отсутствие в доктрине уголовного права единой позиции относительно толкования понятия «незаконное помещение в психиатрический стационар» порождает дискуссию относительно определения момента окончания рассматриваемого состава преступления.

По мнению А.Г. Блинова, преступление будет окончено, когда лицо юридически становится пациентом психиатрического стационара¹. И.Я. Гурович считает, что незаконная госпитализация начинается с момента принятия врачом-психиатром решения о помещении пациента в стационар независимо от его желания, поскольку с этого момента могут быть приняты меры принуждения, сдерживания, фиксации². С данным автором трудно согласиться, так как невозможно привлечение к уголовной ответственности врача только за решение о недобровольной госпитализации без осуществления с его стороны каких-либо действий для этого. Принятие такого решения, на наш взгляд, должно квалифицироваться как приготовление к данному преступлению. Как показало исследование, проведенное Ю.Н. Аргуновой, ряд экспертов связывают этот

¹ См.: Блинов А.Г. Уголовно-правовая охрана прав пациента : учеб. пособие. Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права. С. 147.

² См.: Законодательство Российской Федерации в области психиатрии. Комментарий к Закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», ГК и УК РФ (в части, касающейся лиц с психическими расстройствами) / С.В. Бородин [и др.] ; под общ. ред. Т.Б. Дмитриева ; науч. ред.: С.В. Бородин, В.П. Котов. М. : Спарк, 2002. С. 192.

момент с принятием врачом скорой помощи мер к доставке лица в стационар, так как уже тогда человек испытывает на себе различные ограничения, а другие – с выпиской диспансером путевки на госпитализацию либо с принятием решения комиссий врачей-психиатров об обоснованности помещения лица в психиатрический стационар¹. В силу того, что рассматриваемое деяние является длящимся преступлением, в учебной литературе справедливо отмечается, что оно окончено с момента незаконного помещения в психиатрический стационар и длится до тех пор, пока психически здоровый человек не будет оттуда освобожден.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины. Виновный сознает, что лицо, помещенное в психиатрический стационар, психически здорово или имеет психическое расстройство (заболевание), не требующее госпитализации, что отсутствуют медицинские и юридические основания для принудительной госпитализации и лечения или имеет место нарушение порядка помещения в психиатрический стационар, что госпитализируемый (или его законный представитель) не выразил согласия на помещение в это лечебное учреждение, и желает поместить потерпевшего в психиатрический стационар или удержать его там. При этом мотивы и цели могут быть различными: месть, зависть, желание избавиться от опеки, завладеть имуществом и т. д. Не влияя на квалификацию, они учитываются при назначении наказания.

Субъект преступления специальный. Относительно же того, кто может выступать в роли специального субъекта данного преступления, в науке уголовного права нет единой точки зрения.

По нашему мнению, субъектом в данном случае может быть лицо, которое в силу профессиональных или должностных обязанностей имеет право диагностировать психическое расстройство (заболевание), может принять решение о помещении лица в психиатрический стационар либо о продлении срока пребывания в нем, выписке из него и т. д. Круг врачей-специалистов в области оказания психиатрической помощи, которые могут быть исполнителями данного преступления, достаточно широк: врач, оказывающий психиатрическую, в том числе и скорую (неотложную) помощь в амбулаторных условиях; дежурный врач приемного отделения психиатрического стационара; лечащий врач госпитализированного лица; заведующий отделением, в котором находится; член врачебно-консультационной комиссии, рассматривающей вопрос об обоснованности госпитализации. Это лица, которым Законом «Об оказании психиатрической помощи» предоставлено право принимать решение об оказании психиатрической помощи в прину-

дительном порядке, либо установлении диагноза психического расстройства (заболевания), либо даже заключения для рассмотрения вопроса о необходимости проведения принудительного психиатрического освидетельствования. Общим для всех названных лиц признаком является осознание того, что законных оснований для помещения либо удержания потерпевшего в психиатрическом стационаре нет. При этом каждый из данных лиц независим в своем решении от предыдущего. При наличии соответствующих признаков виновные дополнительно могут быть привлечены к уголовной ответственности и за преступления против интересов службы.

Следует учитывать, что за временной промежуток между осмотрами состояние пациента может измениться или он изменит свое отношение к госпитализации. Несовпадение решений врачей может быть связано с трудностями оценки состояния психического здоровья пациента, особенно в условиях его осмотра врачом скорой (неотложной) психиатрической помощи, когда необходимо оперативно принять решение. Закон учитывает возможность ошибки в оценке состояния лица и предусматривает, как уже отмечалось, последующий контроль правильности решения путем освидетельствования врачебно-консультационной комиссией.

Врача-специалиста в области оказания психиатрической помощи порой невозможно привлечь к уголовной ответственности за поставленный диагноз, поскольку психическое расстройство (заболевание) может иметь различную динамику и в определенные периоды времени не проявляться совсем.

Трудно согласиться с мнением, согласно которому «судья, вынесший заведомо неправосудное решение об удовлетворении заявления о принудительной госпитализации и лечении, подлежит ответственности по ст. 392 УК»¹. На наш взгляд, субъектом преступления, предусмотренного ст. 184 УК, может быть и судья, вынесший заведомо незаконное решение. Во-первых, вынесение судьей незаконного решения о помещении в психиатрический стационар является частным случаем вынесения заведомо неправосудного решения, т. е. нормы ст. 184 УК носят специальный характер по отношению к нормам ст. 392 УК, а поэтому именно они должны применяться в случае конкуренции. Во-вторых, как справедливо отмечает А.И. Казамиров, в данном случае действия судьи направлены прежде всего на ограничение свободы личности, а не на подрыв интересов правосудия².

¹ Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 185.

² См.: Казамиров А.И. Уголовно-правовая защита прав человека на свободу : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Рязань, 2003. Л. 115.

Иные лица (родственники, попечители, законные представители малолетнего и т. д.) могут быть соучастниками (организаторы, подстрекатели, пособники) рассматриваемого преступления. Не могут быть исполнителями (соисполнителями) преступления, предусмотренного ст. 184 УК, и лица, не уполномоченные на принятие соответствующих решений, но способные осуществлять указанные действия или влиять на принятие незаконного решения о госпитализации, удержании в психиатрическом стационаре (старшая медицинская сестра и т. п.).

Частью 2 ст. 184 УК предусмотрена *повышенная ответственность*, если действия, связанные с незаконным помещением в психиатрический стационар, повлекли по неосторожности тяжкие последствия.

К тяжким последствиям незаконной госпитализации следует относить смерть потерпевшего, которая может наступить, например, в результате телесных повреждений, причиненных при его сопротивлении, попытки побега, передозировки лекарственных веществ, примененных для купирования сопротивления; причинение тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения, включая возможное возникновение психического расстройства (заболевания). Тяжкими последствиями должно признаваться самоубийство потерпевшего или его близкого.

Рассматриваемый квалифицированный состав является по конструкции материальным, соответственно необходимо установить причинную связь между незаконным помещением в психиатрический стационар и наступившими общественно опасными последствиями. В данном случае имеет место сложная форма вины.

ПРИНУЖДЕНИЕ

7. 1. Общая характеристика состава принуждения

Принуждение представляет собой сложное уголовно-правовое явление, специфика проявления которого в признаках преступлений, предусмотренных УК Республики Беларусь, позволяет классифицировать последние на две группы:

1) преступления, в которых принуждение является способом их совершения и соответственно средством достижения цели, непосредственно не связанной с содержанием принуждающего воздействия на потерпевшего (например, похищение человека (ст. 182 УК));

2) преступления, в которых принуждение к чему-либо определяет основную направленность умысла виновного лица и соответственно выступает конечной целью его противоправного поведения (например, принуждение к даче показаний (ст. 394 УК)).

Вторая группа преступлений представлена достаточно широким кругом деяний (предусмотрены различными разделами и главами УК), родовым составом относительно которых является преступление, предусмотренное ст. 185 УК («Принуждение»). Функциональное назначение ст. 185 УК – запретить под угрозой уголовной ответственности принуждение потерпевшего к такому действию, которое последний вправе не выполнять, либо к бездействию, когда потерпевший имеет право действовать. Не образует состава преступления, предусмотренного ст. 185, требование совершить какое-либо деяние, когда в основе такого требования лежит действительное или предполагаемое право принуждающего. В зависимости от фактических обстоятельств совершения преступления соответствующее деяние может быть квалифицировано как принуждение к выполнению обязательств (ст. 384 УК) и т. д.

Согласно уголовному закону деяние, предусмотренное ст. 185 УК, состоит в принуждении лица к выполнению или невыполнению какого-либо действия, совершенном под угрозой применения насилия к нему или его близким, уничтожения или повреждения их имущества, распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые они желают сохранить в тайне, либо под угрозой ущемления прав, свобод и законных интересов этих лиц, при отсутствии признаков более тяжкого преступления.

7.2. Ретроспективный и сравнительно-правовой аспекты криминализации принуждения в качестве преступления против личной свободы

Впервые нормы об ответственности за принуждение в качестве преступления против личной свободы человека получили закрепление в Уголовном уложении 1903 г. Предшествующий источник уголовного права – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., устанавливая ответственность за квалифицированные виды угроз («простая» угроза была криминализована ст. 139–141 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями), отчасти криминализовал элементы рассматриваемого преступления: согласно ст. 1545 угроза убийством или поджогом влекла ответственность лишь при условии, «когда к тому было присоединено требование» передать или выдать деньги, вещи, письменный акт, «что-либо иное либо принять невыгодное обязательство или отказаться от права», а ст. 1546 была предусмотрена ответственность за угрозу любым насильем, соединенную с таким же требованием. Кроме того, ст. 1548 предусматривала наказуемость принуждения к какому-либо противозаконному деянию; в соответствии со ст. 1584 ответственность наступала за совершение аналогичного деяния (принуждение к какому-либо противозаконному делу или действию), если его субъектом выступал один из супругов по отношению к другому супругу.

В теории уголовного права данного периода отмечалось, что принуждение по своей цели может быть как положительным, так и отрицательным: положительное принуждение усматривалось в тех случаях, когда действия виновного лица были направлены на то, чтобы заставить потерпевшего что-либо сделать против его воли. Отрицательное принуждение проявлялось в том, что потерпевший вынуждался отказаться от какого-либо действия либо претерпеть какое-либо состояние. Отличие принуждения от насилия, трактуемого дореволюционной уголовно-правовой теорией достаточно широко, проводилось по признаку направленности насильственного воздействия: указывалось, что при насилии объектом воздействия является «само тело обиженного», в случае принуждения преступник не касается «тела обиженного, а действует на другие предметы так, что заставляет обиженного сделать или не сделать что-либо, или же лишает его возможности располагать собою»¹. Подобная характеристика принуждения являлась основой определения его в качестве психического насилия над человеком, его свободой.

¹ Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т. 1. Преступления и проступки против личности. СПб. : Тип. П.П. Меркулева, 1876. С. 134

Сохраняя присущую дореволюционному законодательству казуальность уголовно-правовых запретов, Уложение 1903 г. закрепило нормы об ответственности за принуждение к выполнению или допущению чего-либо, нарушающего право или обязанность принуждаемого, либо к отказу от осуществления права или исполнения обязанности (ст. 507), совершению преступления (в том числе тяжкого) (ст. 508), организации рабочими забастовки, присоединению к ней или продолжению ее (ст. 509).

В отличие от современного уголовного закона Беларуси при отражении противоправности принуждения в Уложении 1903 г. в число конструктивных признаков данного преступления наряду с наказуемой угрозой были введены и такие средства принудительного воздействия на потерпевшего, как насилие (ст. 507–509), злоупотребление родительской, опекуной или иной властью (ст. 507, 508).

Наработанный в дореволюционный период опыт криминализации принуждения, к сожалению, не был воспринят советским законодателем, что в принципе отражало общую тенденцию уголовной политики того времени. Причиной существенных изменений в содержании круга уголовно-правовых запретов стала в первую очередь идеологизированная установка, согласно которой уголовное право, имевшее своей задачей «борьбу с нарушителями складывающихся новых условий общежития», не могло приспособить для ее решения «буржуазные кодексы пережитой эпохи» и должно было сдать их «в архив истории». В итоге в советском уголовном законодательстве не было норм об ответственности за принуждение в качестве преступления против личной свободы (хотя некоторые видовые составы данного преступления были предусмотрены Особенной частью УК, например вымогательство, принуждение к даче показаний). Несмотря на то что за время действия советских и постсоветского уголовных кодексов в них неоднократно вносились изменения и дополнения, в части отсутствия общей нормы о принуждении уголовные законы сохраняли необоснованное постоянство. Примечательно, что на этом фоне практика криминализации частных проявлений принуждения демонстрировала определенную динамику. Так, на основании закона от 21 июня 1996 г. УК Беларуси был дополнен нормой об ответственности за принуждение к даче органов или тканей для трансплантации (ст. 112¹), в 1997 г. в УК введена ст. 151⁶, предусматривавшая ответственность за принуждение к заключению договора или выполнению обязательств, и некоторые другие.

Следует отметить, что в юридической литературе как советского, так и постсоветского периода неоднократно обосновывалась необходимость закрепления общей нормы о принуждении. В качестве основного аргумента выступало то, что в законе невозможно предусмотреть все случаи принуждения, которые встречаются на практике или которые могут возникнуть в любой сфере человеческой деятельности. Кро-

ме того, отсутствие «такого состава в уголовном законодательстве, как правило, приводит к тому, что деяния подобного рода не всегда находят соответствующую степени их общественной опасности юридическую оценку»¹. Несмотря на наличие теоретико-правовых обоснований необходимости закрепления общей нормы о принуждении, ответственность за данное деяние была введена лишь уголовным законом Республики Беларусь 1999 г. (ст. 185). Учитывая направленность принуждения на подавление (ограничение) свободы волеизъявления потерпевшего, белорусский законодатель признал указанное преступление посягательством на личную свободу человека, в связи с чем норму об ответственности за его совершение поместил в гл. 22 «Преступления против личной свободы, чести и достоинства».

Криминализация принуждения и закрепление общей нормы об ответственности за данное преступление, как правило, характерны и для уголовного законодательства зарубежных государств. Правда, для обозначения посягательства, соответствующего признакам преступления, предусмотренного ст. 185 УК Беларуси, зарубежные законодатели не всегда используют понятие «принуждение». В частности, деяние, состоящее в ограничении свободы волеизъявления потерпевшего и принуждении его к тому или иному варианту поведения, в УК Сан-Марино определяется как насилие по отношению к частному лицу (ст. 179), в УК Литвы таким деянием признается ограничение свободы действий человека (ст. 148), в УК Грузии – понуждение (ст. 150).

Отличия усматриваются и в иных аспектах уголовно-правового определения признаков принуждения. Так, в общей норме об ответственности за данное преступление альтернативным угрозе способом совершения преступления в ряде случаев признается физическое насилие (практика, известная дореволюционному отечественному законодательству), характер которого, как правило, не конкретизируется (например, ст. 143 (1) УК Болгарии, § 105 (1) УК Австрии, § 240 (1) УК ФРГ, ст. 188 УК Турции, ст. 181 УК Швейцарии, ст. 284 УК Голландии). При этом, как указывает М.Р. Снахова, основываясь на анализе немецкой судебной практики, непосредственное применение насилия в составе принуждения допускается не только к человеку, но и к вещам, если посредством их происходит физическое или психосоматическое воздействие на человека².

Помимо насилия (физического и (или) психического) имеет место криминализация в качестве способов совершения принуждения приме-

нения гипноза, приведения потерпевшего в состояние алкогольного опьянения, злоупотребления властью и т. д. (в частности, ст. 179 УК Сан-Марино, ст. 143 УК Болгарии).

По общему правилу ответственность устанавливается не только за принуждение к совершению какого-либо действия либо к воздержанию от его совершения, но и за принуждение к претерпеванию чего-либо (ст. 191 УК Польши, § 222 УК Норвегии, ст. 181 УК Швейцарии, ст. 143 (1) УК Болгарии и т. д.). Для характеристики деяния в составе принуждения некоторые законодатели указывают на незаконность (противоправность) соответствующего поведения виновного лица (§ 222 УК Норвегии, § 240 УК ФРГ, ст. 284 УК Голландии, ст. 188 УК Турции).

Уголовное законодательство большинства государств постсоветского пространства, как правило, не содержит общей нормы об ответственности за принуждение, хотя ее закрепление было рекомендовано Межпарламентской Ассамблеей для государств – участников СНГ (ст. 142 модельного Уголовного кодекса).

7.3. Юридический анализ состава принуждения

Общественная опасность данного преступления предопределяется его направленностью на ограничение личной свободы человека (*основной непосредственный объект*) в части такой ее составляющей, как свобода волеизъявления: в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 185 УК, потерпевший, вынужденно подчиняясь чужой воле, утрачивает возможность располагать своими поступками, т. е. самостоятельно и независимо, на основе собственных интересов и потребностей принимать решение относительно совершения или несовершения какого-либо действия и реализовывать принятое таким образом решение в актах своего поведения.

Общественная опасность рассматриваемого преступления предопределяется и спецификой способа доведения до сведения потерпевшего требований субъекта преступления, в качестве которого законодатель признает психическое насилие, реализуемое в форме различного вида угроз. При этом факт применения такого насилия, а равно содержание адресуемых потерпевшему угроз позволяют заключить о наличии дополнительных объектов причинения вреда, которые, как следует из законодательной конструкции состава принуждения, не обладают характером обязательного признака состава данного преступления.

В качестве *дополнительного объекта* рассматриваемого преступления могут быть здоровье и безопасность человека, его личная неприкосновенность, равно как неприкосновенность имущества, тайна личной жизни, а также права, свободы и законные интересы потерпевшего.

¹ Костров Г. Нужен общий состав об ответственности за принуждение // Совет. юстиция. 1976. № 2. С. 22–23.

² Снахова М.Р. Уголовно-правовая охрана личной свободы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2002. Л. 59.

Потерпевшим по смыслу закона является не только сам адресат требований виновного лица, но и близкие адресата, когда они выступают объектом реализации предполагаемой угрозы.

Поскольку состав преступления, предусмотренного ст. 185 УК, является родовым относительно целого ряда преступлений, рассредоточенных по различным разделам и главам уголовного закона (в частности, преступлений, предусмотренных ст. 163, 200, 208, 246, 288 и т. д.), признаки его *объективной стороны* отражают наиболее характерные черты уголовно наказуемого принуждения:

направленность принуждения на изменение линии поведения потерпевшего;

подавление свободы формирования волевого решения потерпевшего и ее реализации в актах поведения;

действительность принуждения, определяемая в контексте реальности угрозы как средства принудительного воздействия на потерпевшего;

отсутствие непосредственного энергетического воздействия на потерпевшего и иных адресатов угроз принуждающего.

Наличие общего состава принуждения имеет особое практическое значение: во-первых, законодательное определение его признаков является основой для толкования видовых составов данного преступления; во-вторых, закрепление нормы об ответственности за принуждение исключает пробельность уголовного закона относительно случаев принудительного воздействия на человека, не охваченных существующей системой уголовно-правовых запретов в данной области.

Особое значение рассматриваемого преступления предопределяется и его местом в системе преступлений против личной свободы: наряду с преступлением, предусмотренным ст. 183 УК («Незаконное лишение свободы»), принуждение составляет основу формирования данной системы. Речь идет прежде всего о том, что признаки его объективной стороны так или иначе проявляются в признаках иных посягательств на свободу человека (признаках деяния либо содержании способа, обеспечивающего исполнение соответствующего деяния). Неслучайно советский криминалист А.А. Пионтковский, характеризуя преступления против личной свободы, подчеркивал такое их качество, как принуждение личности к определенному поведению, «к действиям, противоречащим ее желанию. Лишь при наличии такого воздействия на личность в совершенном деянии есть элементы посягательства на свободу»¹.

Состав преступления, предусмотренного ст. 185 УК, является *формальным*: для признания данного преступления юридически окончен-

ным посягательством достаточно выполнения характеризующего его деяния, что в свою очередь не предполагает установления факта реализации потерпевшим требований субъекта преступления.

Следует отметить, что в зарубежной доктрине уголовного права состав принуждения в ряде случаев определяется как состав результата, в связи с чем преступление признается оконченным с момента осуществления принуждаемым требуемой виновным лицом формы поведения. В частности, подобная трактовка характерна для немецкой уголовно-правовой доктрины и судебной практики, которые исходят из того, что между действием и результатом принуждения (таковым является ограничение свободы принятия решения вследствие претерпевания действий либо бездействия) должна быть установлена причинная связь, подлежащая оценке с позиции объективной вменимости¹. По мнению некоторых российских авторов, момент окончания принуждения необходимо ставить в зависимость от дачи потерпевшим согласия на исполнение указаний субъекта принуждения либо непосредственного принятия таковых к исполнению, что фактически означает практическую реализацию потерпевшим требований субъекта преступления².

Несмотря на то что с точки зрения семантики принуждением может быть обозначен не только сам процесс насильственного воздействия на волеизъявление человека, но и тот результат, к достижению которого стремится субъект такого воздействия, а именно требуемое поведение потерпевшего лица, белорусская доктрина уголовного права, равно как судебная практика, исходит из того, что рассматриваемое преступление представляет общественную опасность уже на стадии совершения деяния. Такой подход соответствует общему пониманию формального характера составов преступлений против личной свободы, квалификация которых в качестве оконченных преступлений не требует наступления вредных последствий, тем более что установление и оценка таковых в силу сложности основного объекта уголовно-правовой охраны – личной свободы человека – представляются достаточно проблематичными.

Законодательная дефиниция принуждения позволяет определить его в качестве «информационного» преступления, являющегося таковым не только по характеру деяния, но и по содержанию способа, обеспечивающего его выполнение. Как следует из сущности принуждения, деяние в составе преступления, предусмотренного ст. 185 УК, реализуется в активной форме поведения, т. е. действии виновного лица, выражаю-

¹ См.: Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М.: Проспект, 2006. С. 407.

² См.: Зарипов В.Г. Физическое и психическое принуждение в уголовном праве: понятие, виды, ответственность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2007. С. 17.

¹ Пионтковский А.А. Преступления против личности. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. С. 82.

щемся в предъявлении требования потерпевшему относительно выполнения или невыполнения им какого-либо действия. Бездействие не характерно для данного преступления, хотя угроза бездействием в качестве способа принуждения вполне возможна (например, добиваясь выполнения какого-либо действия со стороны принуждаемого, субъект принуждения угрожает не выполнить действия, обусловленные законом или достигнутой договоренностью с потерпевшим, в связи с чем правам или законным интересам последнего может быть причинен вред).

Доведение требования до сведения потерпевшего, присущее составу принуждения, может быть реализовано в любой форме (устно, письменно, конклюдентно). Обязательным условием в данном случае является осознание потерпевшим содержания такого требования, равно как понимание того, что выполнение данного требования является единственным возможным способом избежать тех негативных последствий, наступлением которых угрожает субъект принуждения. Требование виновного лица может касаться самых различных действий (бездействий) со стороны принуждаемого: как правомерных, так и неправомерных, как обусловленных трудовыми обязанностями лица, так и не предполагающими наличия каких-либо служебных полномочий. Более того, по ст. 185 УК наказуемо принуждение к такому поведению, которое по своему характеру может быть даже общественно полезным¹.

Не охватывается ст. 185 УК принудительное воздействие на потерпевшего с целью добиться от него строго определенного варианта поведения, которое подпадает под признаки иных составов преступления, прежде всего предусмотренных специальными нормами об ответственности за принуждение (например, нарушение законов и обычаев войны (ч. 1 ст. 135), принуждение к даче органов или тканей для трансплантации (ст. 163), понуждение к действиям сексуального характера (ст. 170), использование рабского труда (ст. 181¹) и т. д.). Данное положение предопределяется как общими правилами квалификации, так и законодательным определением признаков общего состава принуждения, а именно, указанием на отсутствие в содеянном признаков более тяжкого, нежели преступление, предусмотренное ст. 185 УК, деяния.

Не образует признаков преступления, предусмотренного ст. 185 УК, понуждение потерпевшего к действиям имущественного характера. В теории уголовного права в качестве таковых понимаются работы и услуги, которые, как правило, выполняются за определенную плату (осуществление ремонтно-строительных, реставрационных работ, оказание транспортных, медицинских услуг и т. д.) либо влекут для субъ-

екта преступления определенную материальную выгоду (предоставление ему путевок, включение в число наследников или учредителей фирмы, уничтожение долговых расписок и т. д.). В зависимости от направленности умысла виновного лица, а также наличия или отсутствия у него корыстной цели такого рода поведение подлежит квалификации в качестве вымогательства (ст. 208 УК), принуждения к совершению сделки или отказу от ее совершения (ст. 246 УК) либо принуждения к выполнению обязательств (ст. 384 УК).

Приведем пример. Ш., находясь в состоянии алкогольного опьянения, принуждал свою мать передать ему денежные средства на приобретение спиртного, высказывая при этом угрозу поджечь дом. Для подтверждения ее реальности он принес в дом канистру с дизельными топливом, а затем – баллон со сжиженным газом и, открыв вентиль, продемонстрировал намерение поджечь газ при помощи зажигалки. Действия виновного были квалифицированы по общей норме об ответственности за принуждение (ст. 185), хотя в содеянном усматриваются признаки вымогательства (ст. 208).

Изложенное вовсе не означает, что действие ст. 185 УК априори не распространяется на поведение лица, выразившееся в принуждении потерпевшего к совершению им действий по поводу каких-либо материальных объектов. Подтверждением может служить уголовное дело в отношении П., который, угрожая применением оружия, заставил сторожа штрафплощадки межрайонного отдела экологического надзора ГАИ открыть ворота стоянки и отдать ему автомобиль, который был отобран у него на законном основании сотрудниками ГАИ. Несмотря на то что потерпевший принуждался к поведению, связанному с передачей имущества (материального объекта), действия виновного лица были обоснованно квалифицированы как принуждение, т. е. преступление против личной свободы (ст. 185 УК).

Требование выполнить какое-либо действие либо воздержаться от его выполнения, характеризующее деяние в составе принуждения, должно оцениваться в совокупности со способом его предъявления – психическим насилием в форме угрозы, применение которого является обязательным признаком объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 185 УК. Сопровождаемое угрозой причинения вреда требование действовать или бездействовать приобретает характер воздействия, подавляющего свободу волеизъявления потерпевшего, в связи с чем становится принуждением. Характерно, что и в психологии принуждение определяется как требование выполнить распоряжения инициатора, подкрепленное открытыми или подразумеваемыми угрозами.

¹ См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 403.

Угроза представляет собой разновидность психического насилия, выражающегося в информационном воздействии на лицо с целью возбуждения состояния страха, опасения за безопасность собственных интересов или интересов близких лиц и способного вызвать негативные психофизиологические изменения у потерпевшего, а также ограничить его свободу волеизъявления. В качестве способа принуждения угроза может быть выражена словесно (устно или письменно), конлюдентно (жестами, действиями), в том числе посредством демонстрации оружия. Независимо от формы выражения содержание угрозы должно быть понятно для принуждаемого; угроза должна иметь конкретного адресата (им может быть как сам потерпевший, так и его близкие), а обстоятельства ее высказывания не должны оставлять сомнений относительно вероятности ее реализации. Как отмечается в специальных исследованиях, реальность угрозы – это такой фактор, который, воздействуя на психику потерпевшего, убеждает его в возможности и неотвратимости осуществления угрозы¹. При этом признак реальности угрозы должен определяться совокупностью факторов объективно-субъективного характера, к числу которых могут быть отнесены следующие: внешнее выражение субъектом принуждения готовности реализовать угрозу (демонстрация оружия, иного средства совершения действий, составляющих содержание угрозы), наличие необходимых условий для практической реализации угрозы (например, темное время суток, отсутствие посторонних лиц, способных воспрепятствовать реализации угрозы, наличие у субъекта принуждения соучастников), обстоятельства, характеризующие личность виновного и потерпевшего, опыт их предшествующих взаимоотношений.

Показателем реальности восприятия угрозы со стороны потерпевшего, по мнению психологов, служит появление комплекса психофизиологических симптоматических процессов, которые, исходя из специфики их проявления, могут быть подразделены на две группы: внутренние и внешние. К первой группе исследователи относят снижение у потерпевшего уровня и остроты восприятия, нарушение мышления, растерянность, учащение дыхания и сердцебиения, снижение волевой деятельности и т. д.; ко второй – испуганное выражение лица, двигательные расстройства (в частности, импульсивность действий), появление стремления к бегству и т. д. Однако указанные признаки субъективного восприятия угрозы должны оцениваться в качестве показателей ее реальности лишь в совокупности с объективными обстоятельствами вы-

¹ См.: Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование / под ред. С.П. Щербы. М. : Юрлитинформ, 2002. С. 202.

сказывания угрозы (место, время, наличие соучастников и т. д.). Отсутствие их или недостаточность могут свидетельствовать об излишней мнимости адресата угрозы, нежели о наличии признаков преступления, предусмотренного ст. 185 УК.

Отсутствуют признаки данного преступления и в том случае, если высказывание угрозы не было обусловлено выдвижением каких-либо требований со стороны виновного лица. В зависимости от фактических обстоятельств совершения деяния такого рода поведение может быть квалифицировано как угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (ст. 186 УК), хулиганство (ст. 339), покушение на преступление, совершением которого угрожает виновное лицо, и т. д.

В отличие от уголовного законодательства ряда зарубежных государств (преимущественно дальнего зарубежья) уголовный закон Республики Беларусь конкретизировал круг адресатов угроз принуждающего, признав таковыми собственно потерпевшего и близких ему лиц. Перечень последних определяется на основании п. 2 ст. 4 УК. Согласно уголовному закону к ним могут быть отнесены близкие родственники (родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные), родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки, супруг (супруга) потерпевшего, равно как те же родственники супруга потерпевшего) и члены семьи потерпевшего (т. е. близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные лица, проживающие совместно и ведущие общее хозяйство с потерпевшим), иные лица, которых потерпевший обоснованно признает своими близкими. Аналогичный подход относительно круга адресатов угроз получил отражение и в уголовных законах ряда государств постсоветского пространства (например, ст. 134 УК Таджикистана, ст. 148 УК Литвы). Мотивы, которыми руководствовались законодатели в данной области, вполне очевидны: угроза, высказанная близким потерпевшего, с точки зрения психологии преступника, является столь же эффективным средством принуждения, как и угроза в отношении самого принуждаемого. Напротив, результативность угрозы, адресованной незнакомому или малознакомому лицу, как средства принудительно-подавляющего воздействия, оказываемого на потерпевшего, весьма сомнительна, что не может не осознаваться виновным лицом.

В качестве способа принуждения наказуема угроза совершения строго определенных действий: применения насилия к потерпевшему или его близким; уничтожения или повреждения имущества потерпевшего или его близких; распространения клеветнических или оглашения иных сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне; ущемления прав, свобод и законных интересов указанных лиц.

Конкретизируя содержание угрозы, законодатель тем самым исключает элементы судебного усмотрения и позволяет перенести решение вопроса о противоправности принуждения из морально-этической сферы исключительно в правовую плоскость.

Исходя из понимания насилия в теории уголовного права и контекста использования данного понятия в уголовном законе, содержание угрозы применения насилия к потерпевшему или его близким составляет доведение субъектом преступления до сведения потерпевшего или его близких намерения применить физическое насилие, например в форме причинения физической боли (в частности, нанесение побоев), лишения личной свободы (водворение в какое-либо замкнутое пространство) и т. д. Поскольку законодатель не конкретизирует характер насилия, применением которого угрожает субъект преступления, предусмотренного ст. 185 УК, по данной статье наказуемо принуждение посредством угрозы как опасным, так и неопасным насилием. В этой связи содержание угрозы применения насилия в качестве способа принуждения может составлять высказывание виновным лицом намерения причинить потерпевшему или его близким телесных повреждений различной степени тяжести (легкие, менее тяжкие, тяжкие), нанести побои, совершить иные насильственные действия, связанные с причинением потерпевшему (его близким) физической боли или выражающиеся в ограничении свободы данных лиц, либо применить иное насилие, которое по своему характеру создает опасность для жизни или здоровья потерпевшего.

Угроза убийством или причинением тяжких телесных повреждений, сопровождающая предъявляемое требование субъекта принуждения, полностью охватывается ст. 185 УК и не требует дополнительной квалификации по ст. 186 УК.

Аналогичное правило действует и в отношении такого способа принуждения, как угроза уничтожением или повреждением имущества принуждаемого или его близких. Сущность данной угрозы составляет выражение намерения субъекта преступления совершить в отношении имущества потерпевшего (его близких) такие действия, которые способны повлечь за собой прекращение существования данного имущества, невозможность его использования по целевому назначению, уменьшение его количественной или качественной составляющей (например, приведение в непригодность для эксплуатации, нарушение целостности имущества). Если принуждение сопровождается реальным уничтожением или повреждением имущества потерпевшего или иных указанных в законе лиц, что охватывается умыслом виновного лица, содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 185 (принуждение) и ст. 218 (умышленные уничтожение либо повреждение имущества).

Согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-З «Об информации, информатизации и защите информации» под распространением информации следует понимать действия, направленные на ознакомление с информацией неопределенного круга лиц. Аналогичное смысловое наполнение имеет и термин «оглашение»: с точки зрения семантики огласить – значит разгласить, сделать известным. Таким образом, сущность угрозы распространением клеветнических или оглашения иных сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне, заключается в намерении субъекта преступления довести до сведения третьих лиц (неопределенного круга лиц, трудового коллектива потерпевшего, членов его семьи и т. д.) определенную информацию, которая либо соответствует, либо не соответствует действительности, распространение которой не безразлично для потерпевшего или его близких. При этом не имеет значения способ распространения (оглашения) такого рода информации: это может быть угроза публичным выступлением (публикацией) в средствах массовой информации, передачей информации посредством прямого общения с третьими лицами, доведением информации до сведения посторонних лиц путем письменного уведомления и т. д. Для квалификации содеянного по ст. 185 УК не имеет значения, было ли у виновного намерение в действительности реализовать угрозу. Достаточно, чтобы потерпевший или его близкие воспринимали ее как реальную.

Как отмечается в специальных исследованиях, угроза распространения клеветнических сведений состоит в запугивании распространением заведомо ложных, позорящих потерпевшего или его близких измышлений, которые могут опорочить честь, достоинство и деловую репутацию. При этом порочащий характер сведений, распространением которых угрожает субъект принуждения, должен обязательно дополняться их несоответствием объективной действительности, в связи с чем не являются клеветническими те сведения, которые хотя и позорят потерпевшего или его близких, однако не имеют ложного характера. Фактическое распространение клеветнических сведений влечет наступление административной ответственности по ст. 9.2 (клевета) КоАП. Если же имело место распространение такого рода сведений посредством публичного выступления, либо в печатном или публично демонстрирующемся произведении, либо в средствах массовой информации, либо в сети Интернет либо содержание данных сведений составляло обвинение потерпевшего или его близких в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, деяние субъекта принуждения подлежат дополнительной квалификации по ч. 2 ст. 188.

Угроза оглашением сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне, – это:

угроза оглашением правдивых компрометирующих сведений, которые могут опозорить потерпевшего или его близких, так как будут отрицательно их характеризовать;

угроза оглашением сведений, которые не порочат потерпевшего или его близких, но составляют их личную или семейную тайну¹. В соответствии с законодательством содержание такого рода информации могут составлять сведения о здоровье потерпевшего или его близких, об их семейных и интимных отношениях, об обстоятельствах рождения, усыновления, развода, о личных привычках и наклонностях; информация, содержащаяся в личной переписке и корреспонденции, в дневниковых, телефонных, видео, аудио и других организационных формах ее представления; сведения об имущественном положении потерпевшего или его близких, источниках их доходов, о деятельности, содержащей коммерческую тайну, об интеллектуальной собственности, участии в действиях судебно-следственных органов в качестве обвиняемых, свидетелей; сведения, разглашение которых создает угрозу личной безопасности потерпевшего или его близким.

Как отмечается в юридической литературе, угроза ущемлением прав, свобод и законных интересов потерпевшего или его близких выражается в намерении совершить определенные действия, которые направлены на ограничение, стеснение прав, свобод и законных интересов потерпевшего или его близких (например, угроза создать препятствие в осуществлении собственником имущества принадлежащего ему права пользования или распоряжения данным имуществом). Если субъект принуждения угрожает причинением вреда незаконным интересам потерпевшего или его близких (например, заявлением о незаконной предпринимательской деятельности потерпевшего, об уклонении им от уплаты налогов), такого рода угроза должна оцениваться как угроза оглашением сведений, которые потерпевший или его близкие желают сохранить в тайне.

Угроза ущемлением прав, свобод и законных интересов потерпевшего (его близких) может исходить как от должностных, так и не должностных лиц. Угроза со стороны должностного лица может выражаться в высказывании намерения уволить потерпевшего или его близких с работы, отказать в предоставлении жилой площади, применить какие-либо незаконные санкции и т. д.

¹ См.: Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь. С. 404.

Практическая реализация угрозы ущемлением прав, свобод и законных интересов потерпевшего или его близких (равно, как и любой иной угрозы, криминализованной ст. 185 УК), лежит за рамками состава принуждения и при наличии признаков иного состава преступления подлежит самостоятельной уголовно-правовой оценке. Несмотря на то что уголовный закон не конкретизирует форму вины, характеризующую субъективную сторону состава принуждения, используемые в законодательной дефиниции данного преступления юридические конструкции позволяют достаточно определенно заключить о его совершении исключительно с прямым умыслом (что в принципе характерно для всех преступлений против личной свободы человека). Речь идет о следующих нормативных «индикаторах» данного субъективного признака:

во-первых, формальной конструкции состава принуждения. Поскольку рассматриваемое преступление признается оконченным с момента совершения деяния, то косвенный умысел, волевой элемент которого устанавливается в отношении общественно опасного последствия, не может определять содержание виновного отношения лица к совершаемому деянию. Что касается неосторожности, то специфика юридической природы преступлений против личной свободы, к числу которых относится и принуждение, исключает возможность данной формы вины;

во-вторых, включении способа в число конструктивных признаков рассматриваемого преступления. Избрание такого способа, как психическое насилие, не только свидетельствует о высокой степени общественной опасности самого преступления, но и определенно указывает на желание лица добиться своей цели, устойчивую направленность его воли на преступное поведение.

Таким образом, субъективная сторона рассматриваемого состава преступления характеризуется умышленной виной, которая реализуется в виде прямого умысла. Поскольку по конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренного ст. 185 УК, является формальным, интеллектуальный и волевой компоненты умысла субъекта преступления подлежат установлению относительно общественно опасного деяния. Прямой умысел при принуждении характеризуется пониманием виновным лицом того, что оно добивается от потерпевшего с помощью применения угрозы определенного варианта поведения (активного или пассивного деяния), которое не является результатом его свободного волеизъявления, осознанием общественной опасности оказываемого принудительного воздействия и желанием данное воздействие оказать.

Изучение материалов уголовных дел, возбужденных по факту совершения преступления, предусмотренного ст. 185 УК, показывает, что оно, как правило, совершается с заранее обдуманном умыслом, хотя

выполнение его под влиянием внезапно возникшего умысла также вполне вероятно. Однако указанное обстоятельство не имеет юридического значения.

Виновное отношение лица к совершаемому деянию не исчерпывает психическую составляющую его преступной активности. Она характеризуется сложными потребностно-мотивационными процессами, в структуре которых особое место занимает формирование мотива и цели соответствующего поведения. Несмотря на столь существенное значение мотива и цели преступления, уголовный закон не связывает наступление ответственности за преступление, предусмотренное ст. 185, с наличием у субъекта данного преступления строго определенного мотива и (или) цели, в связи с чем указанные элементы субъективной стороны не имеют значения для квалификации. В юридической литературе в качестве мотива рассматриваемого преступления, как правило, называется невыполнение потерпевшим каких-либо требований виновного лица; основной целью совершения принуждения признается стремление лица вынудить потерпевшего строить линию своего поведения в соответствии с такого рода требованиями. Представляется, что установление указанных мотива и цели имеет существенное значение с точки зрения определения основной направленности и содержания умысла виновного лица, в связи с чем их выявление должно иметь место в каждом случае совершения деяния, формально подпадающего под признаки преступления, предусмотренного ст. 185 УК. Кроме того, в силу предписаний ч. 1 ст. 62 УК установление подлинных мотивов и целей совершения преступления способствует реализации принципа индивидуализации наказания.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 185 УК, общий: им может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет. В случае совершения деяния, содержащего признаки принуждения, должностным лицом с использованием своих служебных полномочий ответственность наступает за преступления против интересов службы (ст. 424–426), против правосудия (ст. 394).

УГРОЗА УБИЙСТВОМ, ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКИХ ТЕЛЕСНЫХ ПОВРЕЖДЕНИЙ ИЛИ УНИЧТОЖЕНИЕМ ИМУЩЕСТВА

8.1. Юридический анализ состава угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества

Официальная статистика (за 2007–2015 гг.) свидетельствует о том, что угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества является в Беларуси наиболее распространенным преступлением против личной свободы.

Данное преступление отличают особенности процессуального механизма уголовного преследования: согласно ч. 4 ст. 26 УПК преступление, предусмотренное ст. 186 УК, является единственным посягательством на личную свободу человека, уголовное преследование и обвинение по которому осуществляется в частно-публичном порядке.

Норма об ответственности за угрозу убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества относится к категории норм с так называемой двойной превенцией: запрещая под угрозой уголовной ответственности преступление, не представляющее большой общественной опасности, законодатель тем самым предупреждает совершение таких преступлений, как убийство, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения и умышленное уничтожение или повреждение имущества.

В специальных исследованиях, посвященных проблематике уголовно наказуемой угрозы, в качестве обязательных признаков последней, как правило, называются информационный характер угрозы, ее нацеленность на запугивание потерпевшего, реальность угрозы, ее наличность (непосредственность) и некоторые другие.

Исходя из нормативного определения угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества в УК, рассматриваемое преступление может быть определено при помощи таких признаков, как конкретизированный характер угрозы, ее реальность, а также несопряженность угрозы с принуждением потерпевшего к какому-либо варианту поведения.

Согласно ст. 186 УК уголовную ответственность влечет угроза причинением только того вреда, который предусмотрен диспозицией данной статьи (наступление смерти как следствия убийства, причинение

потерпевшему тяжких телесных повреждений, уничтожение его имущества общеопасным способом). Как подчеркивается в учебной литературе, блага, предполагаемые к повреждению или уничтожению, должны принадлежать лично тому лицу, которому адресуется угроза. Указанная характеристика рассматриваемого преступления непосредственно вытекает из формулировки ст. 186 УК: в отличие от состава принуждения (ст. 185) в составе угрозы, наказуемой по ст. 186, уголовный закон не расширяет круг ее адресатов. Последнее не исключает посредственную передачу запугивающей информации, т. е. возможность сообщения ее содержания непосредственному адресату через третьих лиц (как в устной форме, так и на материальном носителе).

Формулировка признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 186 УК, позволяет заключить, что конкретизированный характер угрозы проявляется не только на уровне определения уголовно наказуемого содержания угрозы, но и с точки зрения ограничения сферы уголовно-правового запрета в отношении одной из форм ее проявления, а именно угрозы уничтожением имущества потерпевшего, наказуемость которой ставится в зависимость от предполагаемого способа исполнения данной угрозы. Таковым законодатель признает общеопасный способ, содержание которого определяется в контексте предписания ч. 13 ст. 4 УК: согласно уголовному закону общеопасным является способ совершения преступления, который характеризуется большой разрушительной силой или иным образом создающий опасность гибели людей, причинения телесных повреждений, иных тяжких последствий. Применительно к рассматриваемому преступлению деяние субъекта может выражаться в высказывании угрозы уничтожить имущество потерпевшего посредством совершения поджога, взрыва, затопления и т. д.

В тех случаях, когда после высказывания угрозы имеет место попытка уничтожения имущества потерпевшего общеопасным способом, действия виновного, связанные с угрозой, подлежат квалификации в качестве покушения на умышленное уничтожение или повреждение имущества. При этом дополнительная квалификация по ст. 186 УК не требуется.

Аналогичная уголовно-правовая оценка содеянного должна иметь место и в отношении высказывания иной криминализованной данной статьей угрозы, а именно: угрозы убийством и угрозы причинением тяжких телесных повреждений. В контексте изложенного следует признать необоснованным применение ст. 186 УК в отношении Х., действия которого выразились в следующем. Находясь в состоянии алкогольного опьянения, на почве личного неприязненного отношения

к своей бывшей супруге и ее сожителю Б., Х. во время ссоры с ними стал угрожать убийством, после чего взял два кухонных ножа и одним из них нанес Б. удар в область живота, в результате чего причинил ему тяжкие телесные повреждения. Высказывая намерение совершить убийство бывшей жены, Х. причинил ей телесные повреждения в виде резаных ран кисти, предплечья, грудной клетки, ягодичной области. Поскольку потерпевшая предприняла активные действия по своему спасению (оказала сопротивление, убежала из квартиры, обратилась за помощью к соседям, позвонила в милицию), Х. не смог реализовать до конца свой преступный умысел. Оценив фактические обстоятельства совершения данного преступления, суд квалифицировал его деяние по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 186 и ч. 1 ст. 14, п. 1 ч. 2 ст. 139 УК. Поскольку действия осужденного, связанные с высказыванием угрозы убийством в отношении бывшей супруги, предшествовали покушению на ее убийство, которое не было доведено до конца по независящим от Х. обстоятельствам, кассационная инстанция изменила приговор суда в части квалификации его действий по ст. 186 УК, указав на то, что в случаях, когда угроза убийством сопровождается попыткой ее реализации, лицо несет ответственность за покушение на убийство без ссылки на ст. 186 УК.

Вторым обязательным признаком угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества (выраженным в законодательной конструкции «если имелись основания опасаться», является реальность наступления указанных преступных последствий. В юридической литературе реальность угрозы трактуется как объективный фактор, который наряду с другими воздействует на психику потерпевшего тем, что убеждает его в возможности и неотвратимости осуществления угрозы. Согласно абзацу третьему п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества» при установлении признака реальности угрозы необходимо не только исходить из субъективного восприятия потерпевшего, но и учитывать конкретные обстоятельства дела, а также направленность умысла виновного лица. При этом конкретными обстоятельствами следует признавать объективные условия совершения преступления, независящие от индивидуальной психологической восприимчивости или впечатлительности адресата угрозы. В качестве таковых могут выступать обстановка, время и место совершения преступления, форма высказывания угрозы, интенсивность ее выражения, наличие у субъекта преступления возможности реализовать адресуемую потерпевшему угрозу, обстоятельства, характеризующие

взаимоотношения потерпевшего и виновного лица. Показателями реальности угрозы могут быть признаны и данные, характеризующие личность субъекта преступления (например, наличие судимости за насильственные преступления), а также факты неоднократности выражения угрозы в адрес потерпевшего.

Таким образом, реальность угрозы, наказуемой по ст. 186 УК, предполагает не только наличие обстоятельств, позволяющих воспринимать потерпевшим возможность исполнения угрозы, но и действительную исполнимость таковой. Данная характеристика угрозы позволяет отграничить ее от обнаружения умысла и покушения на то преступление, совершением которого угрожает виновное лицо.

Как правило, в учебной литературе признак реальности угрозы рассматривается в качестве свойства деяния, характеризующего данное преступление, хотя встречается и иная трактовка указанного признака. В частности, по мнению российского автора Р. Шарапова, реальность угрозы есть суть общественно опасного последствия, коим в случае совершения данного преступления является психический вред, т. е. вредное изменение в эмоциональной сфере человека, проявляющееся в виде отрицательных психических состояний, не являющихся психическим заболеванием¹. Подобного рода суждения обоснованы лишь в случае признания угрозы оконченным преступлением с момента наступления указанного выше преступного последствия. Однако сложность установления такового (в силу как объективных, так и субъективных факторов) обусловила конструирование состава угрозы в качестве формального, что, в свою очередь, предопределяет необходимость рассматривать признак реальности исключительно через призму характеристик самого деяния.

Третий признак угрозы, наказуемой по ст. 186 УК, – несопряженность высказываний виновного лица с принуждением потерпевшего к определенному варианту поведения. По данному признаку угроза, криминализованная действующим УК, отличается от аналогов данного преступления, предусмотренных некоторыми актами дореволюционного уголовного законодательства. В частности, обязательным условием привлечения к уголовной ответственности за угрозу лишением жизни или осуществлением поджога Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. называло требование виновного лица передать ему деньги, вещь, письменный акт либо что-то иное, равно как принять на себя невыгодные обязательства или отказаться от при-

¹ См.: Шарапов Р. Психический вред в уголовном праве // Уголов. право. 2004. № 2. С. 79.

надлежавшего на законном основании права (ст. 1545). Подобного рода требование признавалось конструктивным признаком и другого вида угрозы – угрозы причинить кому-либо насильственные действия, предусмотренной ст. 1546. Нельзя не отметить и факт криминализации в тот период и простой, не обусловленной принуждением к совершению какого-либо действия угрозы, ответственность за совершение которой наступала по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

Практика разграничения принуждения и угрозы причинением вреда как самостоятельных преступлений против личной свободы человека получила последовательное развитие в рамках Уголовного уложения 1903 г., ст. 510 которого не ставила наказуемость угрозы в зависимость от предъявления виновным лицом тех или иных требований, а ст. 507–509 отдельно криминализировали принуждение потерпевшего к определенному варианту поведения под угрозой причинения вреда.

Исходя из такого признака преступления, предусмотренного ст. 186 УК, как несопряженность угрозы с принуждением, высказывание намерения совершить убийство, причинить тяжкие телесные повреждения или уничтожить имущество потерпевшего, не следует рассматривать в качестве способа преодоления или исключения его сопротивления. Основная цель совершения такого рода деяния – напугать потерпевшего, привести его в состояние беспокойства, показать свое превосходство, унижить и психологически подавить другого человека. Если угроза насилем выступает средством воздействия на волеизъявление и поведение ее адресата, в содеянном усматриваются признаки иных преступлений, способом совершения которых является угроза.

Следует отметить, что в белорусской доктрине уголовного права состав преступления, предусмотренного ст. 186 УК, не часто становится предметом теоретико-правового исследования. Российские же ученые достаточно активно обсуждают различные аспекты криминализации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, которая в УК Российской Федерации помещена в главу о преступлениях против жизни и здоровья человека (ст. 119). Принятое законодателем решение в доктрине уголовного права неоднократно подвергалось критике. В частности, указывалось, что «основания опасаться» согласно формулировке уголовного закона нельзя понимать как реальную опасность приведения угрозы в исполнение. Следуя логике подобных рассуждений, отдельные авторы (М.Р. Снахова и др.) приходили к выводу, что содеянное квалифицируется по ст. 119 УК Российской Федерации и в том случае, когда отсутствует опасность для жизни и здоровья, т. е. отсутствует посягательство на основной объект преступления, поскольку намерения осуществить угрозу вовсе не требуется.

Представляется, что приведенный аргумент является спорным. Во-первых, ст. 119 УК Российской Федерации, равно как и ст. 186 УК Республики Беларусь, имеет в виду угрозу, которая не сопровождается действиями, направленными на ее реализацию. Объективная сторона данного преступления заключается в выражении угрозы, т. е. в воздействии на психику потерпевшего, причем такое воздействие носит информационный характер и ощущается человеком посредством органов слуха и зрения. Это так называемое словесное преступление. В контексте изложенного представляется неверной приведенная в некоторых российских учебниках по уголовному праву характеристика объективной стороны угрозы – «обнаружение умысла на два возможных действия: убийство или причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего»¹ (в Российской Федерации ответственность установлена только за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью). Такое понимание объективной стороны рассматриваемого преступления противоречит принципиальным теоретико-правовым положениям относительно ненаказуемости обнаружения умысла. Субъективная сторона данного преступного посягательства характеризуется прямым умыслом на высказывание угрозы причинить вред, причем, как показывает практика, умысел виновного направлен на то, чтобы вызвать у потерпевшего чувства страха, разрушить состояние его психического спокойствия и равновесия. Если имеется конкретная опасность причинения смерти, тяжких телесных повреждений или уничтожения имущества, содеянное должно квалифицироваться как приготовление или покушение на соответствующее преступление в зависимости от стадии реализации преступного намерения. В частности, если высказывание угрозы причинить вред жизни, здоровью или имуществу человека сопровождается действиями, непосредственно направленными на то, чтобы вызвать наступление указанных последствий, однако последствие не наступает вследствие обстоятельств, независимых от воли субъекта преступления (например, потерпевшему удастся спастись бегством, уклониться от удара ножом, топором, действия виновного пресекает постороннее лицо), в содеянном усматриваются признаки покушения на соответствующее преступление. Если же угроза является частью плана субъекта преступления на совершение убийства, причинение тяжких телесных повреждений или уничтожение имущества общеопасным способом, содеянное следует квалифицировать как приготовление к соответствующему преступлению.

¹ См.: Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов / отв. ред.: И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М. : Инфра-М – Норма, 1997. С. 92.

Кроме того, авторы не принимают во внимание тот факт, что опасность в уголовно-правовом значении предполагает, как указывала Т.В. Церетели, «наличие в данное время, в данной конкретной обстановке условий, которые при своем закономерном развитии могли привести к осуществлению определенного вреда»¹. Иными словами, опасность означает состояние, которое уже содержит в себе реальную возможность возникновения вреда. Причем в уголовном праве речь идет о трактовке такой возможности как объективной категории, отражающей определенное состояние самой действительности (время, место, обстановка высказывания угрозы, характеристика физических данных угрожающего лица, интенсивность выражения угрозы и т. д.). Таким образом, формулировка уголовного закона «основания опасаться» является достаточно полной и позволяет подразумевать ту «реальную опасность» наступления вредных последствий, о которой говорят критики.

Согласно диспозиции ст. 186 УК Республики Беларусь уголовную ответственность влечет угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества общеопасным способом, если имелись основания опасаться ее осуществления. Таким образом, по смыслу ст. 186 сущность угрозы заключается в воздействии на психоэмоциональную сферу потерпевшего посредством высказывания намерения причинить ему предусмотренный данной статьей вред. В связи с тем что такого рода высказывание приводит к переживанию адресатом угрозы сильного душевного беспокойства, опасения за свою жизнь, здоровье или имущество, *основным непосредственным объектом* рассматриваемого преступления являются общественные отношения, обеспечивающие психологическое спокойствие и безопасность личности². Исходя из того, что психологическое спокойствие человека согласно ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении», является неотъемлемой характеристикой его здоровья, можно заключить, что *дополнительным объектом* преступления, предусмотренного ст. 186 УК, следует признавать общественные отношения, обеспечивающие охрану здоровья потерпевшего. Это подтверждают и фактические данные относительно обстоятельств совершения рассматриваемого преступления: как показывают материалы уголовных дел, угроза причинить существенный вред (жизни, здоровью или имуществу) негативно отражается на самочувствии потерпевшего, причиняя ему психическую травму. Последняя при определенных обстоятельствах (условия выска-

¹ Церетели Т.В. Деликты создания опасности // Совет. государство и право. 1970. № 8. С. 59.

² См.: Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть : учеб. пособие / Н.Ф. Ахраменка [и др.] ; под ред.: Н.А. Бабия, И.О. Грунтова. С. 204.

звания угрозы, субъективные особенности потерпевшего) может вызвать у адресата угрозы нервно-психические нарушения (эмоциональные потрясения), именуемые в психологии стрессовыми состояниями, болезненно отражающимися на состоянии всего организма¹. Однако в силу того, что наступление или ненаступление такого рода нарушений зависит от особенностей организма потерпевшего, его физиологических и психологических качеств, указанный дополнительный объект имеет не обязательный, а факультативный характер.

Потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 186 УК, может быть любой человек, которому адресована угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества. В то же время, если уголовно наказуемая угроза адресуется лицу в связи с его профессиональной или общественной деятельностью, то при наличии иных признаков состава преступления применяются специальные нормы об ответственности за угрозу (например, ст. 364 УК «Насилие либо угроза применения насилия в отношении сотрудника органов внутренних дел», ст. 366 УК «Насилие или угроза в отношении должностного лица, выполняющего служебные обязанности, или иного лица, выполняющего общественный долг», ст. 389 УК «Угроза в отношении судьи или народного заседателя», ст. 442 УК «Угроза начальнику»).

Потерпевшими от угрозы, наказуемой по ст. 186 УК, чаще всего становятся лица, хорошо знающие субъекта преступления, в том числе родственники последнего, члены его семьи, что свидетельствует о семейно-бытовом характере рассматриваемого преступления.

С *объективной стороны* состав преступления, предусмотренного ст. 186 УК, характеризуется активной формой поведения, а именно действием, сущность которого состоит в доведении до сведения потерпевшего (непосредственно или через третьих лиц) информации о намерении лишить его жизни, причинить тяжкие телесные повреждения или уничтожить его имущество. По своей сути деяние, криминализованное ст. 186 УК, – это информационное, как правило, словесное преступление, хотя для усиления устрашающего эффекта высказываемой угрозы субъект преступления может совершать определенные телодвижения, подтверждающие реальность угрозы (например, замахать ножом), возможность ее незамедлительной реализации, что охватывается признаками состава рассматриваемого преступления. Приведем пример. Г., встретив на улице бывшую супругу, накинул ей

на шею веревку и стал ее сдавливать. Его действия не были обусловлены какими-либо требованиями или претензиями. Поскольку потерпевшая успела подставить руки и освободиться от веревки, Г. была принята очередная попытка накинуть веревку ей на шею. Совершаемые действия виновный сопровождал угрозой убийством, которую потерпевшая, исходя из обстоятельств ее высказывания, характера действий Г., его состояния (алкогольное опьянение), воспринимала как реальную. Для усиления устрашающего воздействия на потерпевшую виновный перенес ее в расположенный вблизи парк, где, приставив к шее нож, продолжил высказывать угрозу убийством. Потерпевшей удалось уговорить бывшего супруга прекратить противоправные действия, пообещав встретиться с ним на следующий день. Деяние Г. было квалифицировано судом по ст. 186 УК.

Осуществление виновным лицом конкретных действий, направленных на реализацию высказываемой угрозы, подлежит квалификации в качестве покушения на преступление, составляющее содержание соответствующей угрозы. В частности, не может быть признана верной квалификация деяния в качестве преступления, предусмотренного ст. 186 УК, когда оно выразилось в запугивании потерпевшего посредством замахивания топором, а в последующем – в целенаправленном броске топора, что имело место по уголовному делу, возбужденному в отношении Х. Как следует из материалов дела, Х., находясь в состоянии алкогольного опьянения, достал из шкафа топор, вошел в комнату, где находилась жена, и, угрожая убийством, стал размахивать им перед ее лицом. Видя, что не удастся достать до жены, виновный, размахнувшись, бросил топор в голову потерпевшей, в результате чего ей было причинено телесное повреждение в виде раны на спинке носа, которое относится к легким телесным повреждениям, повлекшим за собой кратковременное расстройство здоровья. Суд, оценив фактические обстоятельства совершения данного преступления, пришел к выводу о наличии в деянии Х. признаков преступления, предусмотренного ст. 186 УК. Очевидно, что в силу физических характеристик используемого Х. орудия преступления в случае его попадания в цель – голову потерпевшей – ей могли быть причинены тяжкие телесные повреждения либо даже смерть, что не могло не сознаваться субъектом преступления.

Угроза, криминализованная ст. 186 УК, признается юридически оконченным преступлением с момента доведения содержания запугивающей информации до сведения адресата угрозы. Поскольку состав данного преступления является *формальным*, для наступления ответственности по ст. 186 УК достаточно выражения субъектом преступле-

¹ См.: Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. С. 34.

ния намерения причинить потерпевшему предусмотренный уголовным законом вред и восприятия потерпевшим данного намерения в качестве реальной возможности наступления такового. Сам процесс передачи информации, составляющей содержание уголовно наказуемой угрозы, может быть как непосредственным, так и опосредованным. В случае непосредственного сообщения запугивающей информации ее содержание доводится до сведения потерпевшего без посредничества третьих лиц – лично тому лицу, которому и адресуется угроза причинением соответствующего вреда. При этом не имеет значения, наедине или публично будет высказана угроза. При посредственной передаче информации, составляющей уголовно наказуемую угрозу, ее содержание доводится до сведения адресата угрозы через третье лицо (независимо от формы передачи: устно, на бумажном или ином носителе). При этом не требуется, чтобы сущность передаваемой информации стала известна лицу, посредством которого угроза доводится до сведения потерпевшего. Главное, чтобы потерпевший ознакомился с данной информацией и воспринял ее как реальную опасность для своей жизни, здоровья или имущества. Если при посредственной передаче информации, составляющей сущность угрозы, ее содержание будет передано третьим лицом не адресату угрозы, а правоохранительным органам, деяние, предусмотренное ст. 186 УК, не может быть квалифицировано как оконченное преступление. Ответственность должна наступать за покушение на совершение данного преступления, а именно по ч. 1 ст. 14 и ст. 186 УК.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 186 УК, характеризуется умышленной виной, реализуемой в виде прямого умысла. Поскольку состав данного преступления по конструкции объективной стороны является формальным, интеллектуальный и волевой компоненты умысла подлежат установлению относительно самого деяния. Совершая угрозу убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества, виновный сознает, что запугивает потерпевшего намерением причинить ему вредные последствия в виде смерти, тяжких телесных повреждений или уничтожения имущества общеопасным способом, понимает, что по обстоятельствам выражения угрозы она воспринимается потерпевшим в качестве реальной, сознает общественно опасный характер совершаемого деяния и желает поступить таким образом.

Из содержания уголовно-правового запрета, предусмотренного ст. 186 УК, следует, что мотивы и цели высказывания угрозы не являются конструктивными признаками данного преступления. Вместе с тем установление и оценка указанных признаков субъективной сторо-

ны обязательны при реализации принципа индивидуализации наказания. Наиболее распространенными мотивами совершения преступления, предусмотренного ст. 186 УК, являются личная неприязнь к потерпевшему, ревность, месть, желание самоутвердиться и продемонстрировать свою значимость.

Субъект преступления, предусмотренного ст. 186 УК, общий: им может быть любое физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

8.2. Зарубежный опыт криминализации угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества

Уголовным законодательством большинства государств постсоветского пространства (Украина, Республика Молдова, Республика Таджикистан, Кыргызская Республика, Азербайджанская Республика, Латвийская Республика, Литовская Республика и др.) угроза признается преступлением против жизни и здоровья человека.

Помимо особенностей определения родовой принадлежности данного преступления зарубежный опыт криминализации угрозы демонстрирует и некоторые иные специфические подходы в данной области. В частности, одной из наиболее очевидных тенденций, присущей законодательству весьма широкого круга государств (как правило, государств дальнего зарубежья), является установление ответственности за неконкретизированную угрозу. Причем если одни законодатели хотя бы оговаривают наказуемость угрозы совершением преступления (например, § 241 УК ФРГ) либо причинением «серьезного вреда» (ст. 191 УК Турции), «несправедливого ущерба» (ст. 181 УК Сан-Марино), то другие признают противоправной адресацию любой угрозы, если она способна вызвать у потерпевшего состояние страха, боязни или беспокойства (например, ст. 180 УК Швейцарии, § 107 УК Австрии).

Уголовные законы отдельных государств объединяют нормы об ответственности за угрозу и принуждение в рамках единой главы или иной рубрики УК, признавая тем самым рассматриваемое преступление разновидностью психического принуждения (например, разд. V УК Болгарии, гл. 32 УК Японии).

Особенностью ряда зарубежных норм об ответственности за угрозу причинением вреда можно считать и дифференциацию ответственности за данное преступление в зависимости от наличия тех или иных признаков. В частности, согласно ч. 2 ст. 181 УК Сан-Марино повышение наказания влечет совершение угрозы причинить несправедливый

ущерб при помощи оружия; использование оружия, маскировки либо анонимных писем или специальных знаков, равно как групповое совершение исследуемого преступления, являются средством дифференциации ответственности за угрозу в УК Турции (ч. 2 ст. 191 УК).

В уголовном законе Голландии основанием для повышения ответственности за указанное преступление признается письменная форма выражения угрозы, которая содержит «особое условие» (ч. 2 ст. 285 УК).

Известна практика дифференциации ответственности за угрозу в зависимости от социально-правового статуса потерпевшего. Так, согласно ч. 2 ст. 144 УК Болгарии повышенную уголовную ответственность влечет угроза, высказанная в отношении должностного лица, представителя общественности при исполнении или в связи с исполнением им служебных обязанностей (функций) либо в отношении лица, пользующегося международной защитой.

Некоторые уголовные законы угрозу убийством (ч. 3 ст. 144 УК Болгарии), смертью, нанесением значительного увечья или бросающегося в глаза обезображивания (ч. 2 § 107 УК Австрии) признают средством дифференциации ответственности за высказывание в адрес потерпевшего запугивающей информации.

Спецификой зарубежного опыта криминализации угрозы причинением вреда может быть признано и включение обмана в перечень признаков данного преступления (абзац второй § 241 УК ФРГ).

Глава 9

НЕЗАКОННЫЕ ДЕЙСТВИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ТРУДОУСТРОЙСТВО ГРАЖДАН ЗА ГРАНИЦЕЙ

9.1. Развитие нормы об уголовной ответственности за незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей

В первоначальной редакции ст. 187 УК Республики Беларусь называлась «Вербовка людей для эксплуатации» и предусматривала ответственность за вербовку людей для сексуальной или иной эксплуатации, совершенную путем обмана, в ч. 2 в качестве квалифицирующих признаков указывалось на совершение тех же действий группой лиц по предварительному сговору либо в отношении заведомо несовершеннолетнего. Особо квалифицирующими признаками признавались совершение указанного преступления организованной группой либо с целью вывоза потерпевшего за пределы государства. При этом преступления, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 187 УК, были отнесены законодателем к категории менее тяжких, а преступление, предусмотренное ч. 3, – к тяжким. Однако много проблем возникало в части отграничения торговли людьми от вербовки людей. Нередко действия, подпадавшие под признаки состава торговли людьми, квалифицировались как вербовка людей.

В 2005 г. с целью усиления ответственности за торговлю людьми были внесены масштабные изменения и дополнения в УК. Существенные изменения затронули в том числе и ст. 187 УК.

Законом Республики Беларусь от 4 мая 2005 г. № 15-3 название и содержание ст. 187 УК было полностью изменено. Вербовка людей для эксплуатации была включена в качестве альтернативного деяния торговли людьми в ст. 181 УК, а в ст. 187 УК был включен иной состав преступления – незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей.

В 2015 г. ч. 1 ст. 187 УК была сформулирована в новой редакции. С учетом нового законодательного подхода к определению понятия «эксплуатация» (примечание к ст. 181 УК) последствия деяний, предусмотренных диспозицией ст. 187 УК, указываются более лаконично: «подверглись эксплуатации» вместо «подверглись сексуальной или иной эксплуатации». Кроме того, из диспозиции был исключен и такой явно избыточный признак, как эксплуатация «помимо своей воли».

Указанные изменения позволили привести нормы отечественного уголовного законодательства в соответствие с международными нормами, направленными на борьбу с торговлей людьми, в частности с ее международно-правовым понятием, содержащемся в Палермском протоколе.

9.2. Юридический анализ состава незаконных действий, направленных на трудоустройство граждан за границей

Непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 187 УК, являются общественные отношения по осуществлению деятельности, связанной с трудоустройством граждан Республики Беларусь за границей в строгом соответствии с установленным законодательством порядком.

Важность уголовно-правовой охраны указанных общественных отношений связана с тем, что нарушения порядка трудоустройства граждан за границей создают условия для торговли людьми, влекут поставление граждан в зависимое положение и их эксплуатацию. Поэтому можно утверждать, что необходимость соблюдения указанного порядка трудоустройства напрямую связана с обеспечением охраны личной свободы человека. Отметим, что особые усилия белорусского государства были направлены на обеспечение соблюдения прав белорусских трудящихся-мигрантов за рубежом. Так, была создана контрактная форма найма работников для работы за границей; деятельность частных фирм, занимающихся трудоустройством за границей, лицензируется, четко регламентируется законодательством и контролируется соответствующими государственными органами. Установлена ответственность за злоупотребления в данной сфере. Определены полномочия государственных органов, в том числе по контролю за заключением мигрантами с работодателями контрактов, в которых должны оговариваться условия оплаты, проживания, сверхурочных работ, социального страхования на случай болезни и т. д.

Потерпевшим от данного преступления является гражданин Республики Беларусь, трудоустраиваемый за рубежом, вовлеченный там в эксплуатацию, находящийся в зависимом положении по разным причинам, таким как несовершеннолетний возраст, слабоумие, наркомания, иное психическое заболевание, инвалидность, незнание языка местного населения, отсутствие средств к существованию, обман и т. п.

В соответствии со ст. 187 УК уголовной ответственности подлежат лица, совершившие незаконные действия по трудоустройству граждан Республики Беларусь за границей, в результате которых последние подверглись эксплуатации, при этом отсутствовали признаки торговли людьми.

Однако в доктрине уголовного права нет единого подхода относительно толкования *объективной стороны* рассматриваемого деяния. Так, А.В. Барков считает, что объективная сторона данного преступления имеет конструкцию материального состава преступления, и предлагает рассматривать эксплуатацию лиц, трудоустроенных за границей,

в качестве последствий незаконных действий, направленных на трудоустройство граждан за границей¹. В.В. Марчук и Е.А. Коротич полагают, что природа преступления, предусмотренного ст. 187 УК, особая и объективная сторона этого преступления характеризуется наличием незаконных действий одного лица, которые были направлены на трудоустройство гражданина за границей, а также действий другого лица (или лиц), которые выразились в том, что незаконно трудоустроенное лицо было вовлечено им в эксплуатацию помимо воли потерпевшего². Таким образом, получается, что эксплуатация потерпевшего является последствием, напрямую связанным лишь с деяниями третьих лиц.

Согласно прямому указанию закона незаконные действия по трудоустройству субъективно не должны быть обусловлены, взаимосвязаны с действиями другого лица, подвергающего потерпевшего эксплуатации. Так, в ст. 187 УК содержится оговорка: «при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 181 настоящего Кодекса». Поэтому, если между указанным выше лицом и лицом, вовлекшим гражданина в эксплуатацию, имела место договоренность, взаимобусловленность в действиях, то квалификацию необходимо проводить по нормам УК, предусматривающим ответственность за торговлю людьми. Соглашаясь с мнением В.В. Марчука, отметим, что с точки зрения диалектико-материалистической теории причинной связи деяние лица, осуществившего незаконные действия по трудоустройству граждан за рубежом, не создает объективной связи с последствиями в виде эксплуатации последнего. Так, в данном случае не соблюдается необходимое условие признания наличия причинной связи между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием: незаконное трудоустройство за рубежом не является главной причиной, необходимым условием наступления общественно опасных последствий. Последствие наступило под влиянием посторонних сил и обстоятельств (действия третьих лиц по вовлечению в эксплуатацию). Другими словами, имеет место случайная причинная связь, в данном случае возникает пересечение различных рядов причинности.

При описанных выше обстоятельствах наличие объективной причинной связи может быть объяснено лишь с позиций эквивалентной теории причинной связи, господствовавшей в 30–40-х гг. прошлого века. Но как известно, применение такого подхода влечет чрезмерное расширение понятия причинной связи, что ведет к объективному вме-

¹ См.: Барков А.В. Преступления против личной свободы [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс. Беларусь».

² См.: Марчук В., Коротич Е. Отличие торговли людьми от некоторых преступлений (проблемы квалификации) // Юстиция Беларуси. 2005. № 5. С. 37–38.

нению, а это противоречит современной концепции уголовной ответственности, воспринятой в теории уголовного права и белорусской правоприменительной практикой.

Диспозиция ст. 187 сформулирована как бланкетная. Действия, направленные на трудоустройство граждан за границей, являются законными, если они отвечают требованиям Закона Республики Беларусь от 2010 г. № 225-3 «О внешней трудовой миграции», регулирующего отношения, связанные с трудоустройством по трудовым договорам за пределами Республики Беларусь ее граждан, а также иностранных граждан и лиц без гражданства, постоянно проживающих в Республике Беларусь.

Закон закрепляет основные принципы осуществления внешней трудовой миграции: ее добровольность, недопустимость незаконной внешней трудовой миграции, защиту рынка труда Республики Беларусь, недопустимость найма трудящихся-эмигрантов на условиях, унижающих их человеческое достоинство, наносящих вред их здоровью, дискриминации данных лиц.

В указанном законодательном акте даются определения понятий «договор о содействии в трудоустройстве» и «договор о трудоустройстве» (между ними имеется принципиальная разница), конкретизируется понятие «иностранный наниматель».

Трудоустройство граждан за рубежом может осуществляться при содействии юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, имеющих специальное разрешение (лицензию) на осуществление деятельности, связанной с трудоустройством за пределами Республики Беларусь, и самостоятельно.

Лицензирование деятельности, связанной с трудоустройством граждан за границей, регламентировано Указом Президента Республики Беларусь от 1 сентября 2010 г. № 450 «О лицензировании отдельных видов деятельности».

Законом № 225-3 установлены обязанности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность, связанную с трудоустройством за пределами Республики Беларусь и имеющих соответствующую лицензию:

заключать договоры о трудоустройстве и о содействии в трудоустройстве;

обеспечивать заключение иностранными нанимателями трудовых договоров с трудящимися-эмигрантами, трудоустраиваемыми за пределами Республики Беларусь при их содействии, либо заключать трудовые договоры с ними по поручению иностранного нанимателя от своего имени;

регистрировать договоры о трудоустройстве и трудовые договоры, заключенные с трудящимися-эмигрантами, трудоустраиваемыми за пределами Республики Беларусь при их содействии, в подразделениях по гражданству и миграции в месячный срок со дня их заключения; проверять достоверность информации об иностранных нанимателях, иностранных посреднических организациях, осуществляющих трудоустройство за пределами Республики Беларусь по студенческим программам;

формировать и вести банк данных о гражданах и иностранцах, постоянно проживающих в Беларуси, обратившихся к юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям с целью трудоустройства за пределами Республики Беларусь при их содействии;

согласовывать с МВД Беларуси информационные (рекламные) объявления о трудоустройстве за пределами страны граждан и иностранцев, постоянно проживающих в Республике Беларусь, в порядке, определенном Советом Министров;

проверять достоверность информации об иностранных нанимателях, иностранных посреднических организациях, осуществляющих трудоустройство за пределами Беларуси по студенческим программам;

представлять в подразделения по гражданству и миграции сведения о трудящихся-эмигрантах, трудоустроенных за пределами Беларуси при содействии юридических лиц и индивидуальных предпринимателей;

представлять в подразделения по гражданству и миграции информацию о трудящихся-эмигрантах, выехавших из Беларуси для трудоустройства и осуществления трудовой деятельности, в течение пяти рабочих дней соответственно со дня их выезда из страны и со дня их въезда в Беларусь после окончания трудовой деятельности за рубежом и т. д.

Юридические лица и индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность, связанную с трудоустройством за пределами Республики Беларусь, обязаны информировать (до выезда из Беларуси) трудящихся-эмигрантов:

о положениях законодательства государства трудоустройства в области внешней трудовой миграции;

местонахождении и номерах телефонов Департамента по гражданству и миграции МВД Республики Беларусь, подразделений по гражданству и миграции;

местонахождении и номерах телефонов дипломатических представительств или консульских учреждений Республики Беларусь в государстве трудоустройства (при их наличии);

международных организациях, осуществляющих защиту прав, свобод и законных интересов трудящихся-эмигрантов.

Субъектам, имеющим специальное разрешение (лицензию) на осуществление деятельности, связанной с трудоустройством за пределами Республики Беларусь, необходимо заключить:

договор о трудоустройстве, содержащий положения о взаимных обязательствах сторон о возвращении в Республику Беларусь после окончания срока действия трудового договора граждан и иностранцев, постоянно проживающих в Беларуси, которые трудоустроены за пределами страны по студенческим программам;

договор о содействии в трудоустройстве, соответствующий установленным требованиям;

трудовой договор, соответствующий установленным требованиям, со сроком действия не более трех месяцев.

Указанные выше субъекты обязаны получить заключение Министерства образования Республики Беларусь о возможности трудоустройства за пределами страны граждан и иностранцев, постоянно проживающих в Беларуси, по студенческим программам, в порядке, определенном Советом Министров.

Белорусским трудящимся-мигрантам гарантируются защита и покровительство Республики Беларусь в государстве трудоустройства. Меры по их защите обязаны принимать дипломатические представительства и консульские учреждения Республики Беларусь, они также призваны оказывать трудящимся-эмигрантам покровительство в порядке, установленном законодательством, а также международными договорами Беларуси.

Выезд граждан и иностранцев, постоянно проживающих в Беларуси, для трудоустройства за ее пределами, осуществляется в порядке, установленном законодательством о выезде и въезде в Республику Беларусь.

Закон № 225-3 определяет требования к договору о трудоустройстве и о содействии в трудоустройстве, трудовому договору, заключаемому между трудящимся-эмигрантом и иностранным нанимателем, трудовому договору, заключаемому по поручению иностранного нанимателя. Они в целом соответствуют требованиям международного права, но на практике нередко возникают сложности при заключении трудовых договоров с иностранным нанимателем ввиду того, что законодательство страны трудоустройства не предусматривает включение в такого рода трудовой договор отдельных положений, определенных законодательством Беларуси.

Таким образом, действия по трудоустройству гражданина за границей являются законными, если они соответствуют положениям Закона «О внешней трудовой миграции». В таком случае общественно опасное деяние отсутствует и привлечение к уголовной ответственности

исключается. Нарушение же хотя бы одного из требований, установленных указанным законом, влечет признание действий по трудоустройству граждан за границей незаконными.

Если лицо совершило незаконные действия по трудоустройству гражданина за рубежом, но последствия в виде эксплуатации последнего не наступили, то виновного необходимо привлекать к ответственности по ст. 9.23 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях. Ею предусмотрена ответственность за незаконное юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем с гражданином Республики Беларусь, иностранным гражданином или лицом без гражданства, постоянно проживающими в Республике Беларусь, письменного договора о содействии в трудоустройстве у иностранного нанимателя за пределами Республики Беларусь; заключение договора без учета предусмотренных законодательством требований к нему.

Уголовная ответственность за незаконные действия наступает только в том случае, если лицо, трудоустроенное за границей, помимо своей воли подверглось сексуальной или иной эксплуатации. При этом под эксплуатацией согласно примечанию к ст. 181 УК понимается незаконное принуждение человека к работе или оказанию услуг в случае, если он по независящим от него причинам не может отказаться от выполнения работ (услуг), включая рабство или обычаи, сходные с рабством. К сексуальной эксплуатации относится извлечение выгоды из действий сексуального характера, осуществляемых другим лицом, в том числе использование занятия проституцией. Понятия эксплуатации и сексуальной эксплуатации, сформулированные в УК Республики Беларусь, практически соответствуют понятию, содержащемуся в ст. 3 Палермского протокола, за исключением признака извлечения органов.

Для квалификации деяния лица по ст. 187 УК необходимо установить то, что его незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за рубежом, находятся в причинной связи с сексуальной или иной эксплуатацией гражданина. По смыслу закона такая связь должна иметь место, например, в том случае, если потерпевшего в эксплуатацию непосредственно вовлекает зарубежный наниматель, к которому этого гражданина трудоустроивали, при этом действия последнего объективно взаимообусловлены, взаимосвязаны с действиями лица, осуществлявшего незаконные действия по трудоустройству. При этом психическое отношение лица, осуществляющего незаконное трудоустройство, должно характеризоваться безразличием или сознательным допущением эксплуатации трудоустраиваемого гражданина.

Если же гражданин попадает в эксплуатацию не на основе отношений с добросовестным иностранным работодателем, а помимо его воли

в результате своих собственных действий или преступных действий иных лиц, вовлекших потерпевших в сферу своего влияния, то согласно доминирующей сегодня диалектико-материалистической теории причинной связи объективная связь отсутствует.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 187 УК Республики Беларусь, также является проблемной для толкования. Законодатель прямо не указывает форму вины, прямой умысел при совершении данного преступления невозможен, поскольку при желании наступления предусмотренных законодательством последствий ответственность должна наступать за торговлю людьми по ст. 181 УК.

На первый взгляд в ч. 1 ст. 187 УК предусмотрено неосторожное преступление. На такой вывод нас наталкивает и указание о том, что должны отсутствовать такие признаки преступления, как вербовка в целях эксплуатации и другие, предусмотренные ст. 181 УК. Другими словами, лицо, осуществляющее незаконные действия по трудоустройству гражданина за границей, не должно иметь умысла на его эксплуатацию в связи с трудоустройством. С учетом этого логично было бы констатировать, что рассматриваемое преступление является неосторожным. Такой подход поддерживается и в литературе. Так, В.А. Лаевский считает, что преступление, предусмотренное ст. 187 УК, является неосторожным, поскольку отношение виновного к последствиям действий по незаконному трудоустройству в виде эксплуатации выражается в преступной небрежности или легкомыслии. В противном случае, по его мнению, будет иметь место торговля людьми¹.

Вместе с тем системный анализ ст. 187 УК приводит к заключению, что преступление, ею предусмотренное, является умышленным. Так, санкция ч. 3 этой статьи предусматривает конфискацию имущества, а, как известно, данный вид наказания может применяться только за совершение умышленных преступлений (тяжких и особо тяжких, совершенных из корыстных побуждений (ч. 2 ст. 61 УК)).

В ч. 3 ст. 187 УК включен такой квалифицирующий признак, как совершение преступления организованной группой. Вина в данном случае может быть только умышленной, поскольку соучастие в неосторожных преступлениях невозможно. Отметим, что здесь должна иметь место весьма специфическая организованная группа. Как известно, организованная группа объединяется для совместной преступной деятельности, а действия по незаконному трудоустройству граждан за рубежом образуют лишь состав административного правонарушения. Организованная группа должна создаваться для незаконного

¹ См.: Лаевский В. Противодействие торговли людьми: некоторые вопросы квалификации преступлений // Суд. вестн. 2006. № 3. С. 16.

трудоустройства граждан за рубежом при осознании того, что указанных граждан поставят в зависимое положение третьи лица и на этой основе будут их эксплуатировать, при безразличном отношении к указанным последствиям или сознательном их допущении.

Возникает вопрос об источниках такой осведомленности участников организованной группы, поскольку сговор с лицами, вовлекшими граждан в эксплуатацию за рубежом, в рамках рассматриваемого состава исключается (в противном случае речь будет идти о вербовке в целях эксплуатации как признаке состава торговли людьми). Как показывает анализ следственно-судебной практики, в большинстве случаев, когда имели место поставление жертвы в зависимое положение и ее эксплуатация, существовал сговор лица, отправлявшего гражданина за рубеж, с третьими лицами, или заведомая осведомленность первого о предстоящем намерении поставить жертву в зависимое положение. Об осведомленности о дальнейшей судьбе гражданина, незаконно трудоустроенного за рубежом, могут свидетельствовать систематичность подобных действий с указанными последствиями, показания потерпевших, свидетелей и других лиц. Таким образом, весьма затруднительно представить себе указанную осведомленность эксплуатирующих жертву.

Необходимо констатировать, что преступление, предусмотренное ст. 187 УК, является умышленным, вид умысла – косвенный. Виновный сознает, что действует общественно опасно, нарушая законодательные требования при трудоустройстве граждан за границей, предвидит возможность сексуальной или иной эксплуатации трудоустроенного гражданина, не желает, но сознательно допускает наступление этих последствий либо относится к ним безразлично. При этом мотивы и цели таких незаконных действий вынесены за рамки состава и могут быть любыми; важно, чтобы они не были направлены на вовлечение потерпевшего в эксплуатацию. Часто деяние виновного лица подчинено корыстным целям.

К ответственности за совершение деяний, предусмотренных ст. 187 УК, привлекается физическое *вменяемое* лицо, *достигшее 16-летнего возраста*. Это может быть должностное лицо юридического лица, индивидуальный предприниматель, частное лицо. По смыслу нормы, если лицо, используя личные связи, помогло своему знакомому трудоустроиться за границей, оказав посреднические услуги, а последний подвергся эксплуатации, состав рассматриваемого преступления также имеет место.

К уголовной ответственности с учетом такого *квалифицирующего признака преступления*, предусмотренного ч. 2 ст. 187 УК, как его со-

вершение лицом, ранее совершившим преступления, предусмотренные ст. 171, 171¹, 181 или 181¹ УК, привлекаются лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость, а также лица, ранее совершившие такое преступление, если они не привлекались к ответственности и к моменту совершения нового преступления не истек срок давности привлечения к уголовной ответственности за ранее совершенное преступление.

Поскольку в следственно-судебной практике нередко возникает проблема разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 181 и 187 УК, то еще раз подчеркнем, что оно проводится по их субъективной стороне. Если умысел виновного направлен на совершение незаконных действий по трудоустройству гражданина за границей, при осознании возможности вовлечения его в эксплуатацию, а отношение к последствиям незаконного трудоустройства выражается в косвенном умысле, то квалифицировать такое деяние необходимо по ст. 187 УК.

Состав же преступления, сформулированного в ст. 181 УК, предусматривает прямой умысел относительно предстоящей эксплуатации человека; действия указанные в диспозиции, совершаются именно в целях эксплуатации. При этом реальное достижение цели в виде эксплуатации в составе торговли людьми (ст. 181 УК) не обязательно, в то время как в рассматриваемом составе (ст. 187 УК) наличие факта эксплуатации незаконно трудоустроенного лица является необходимым его элементом.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Авдеев, В.А. Законодательная регламентация незаконного помещения в психиатрический стационар / Вадим Авдеевич Авдеев, Екатерина Вадимовна Авдеева // Рос. следователь. 2013. № 18. С. 33–35.

Авдеев, В.А. Проблемы квалификации похищения человека и незаконного лишения свободы / Вадим Авдеевич Авдеев, Екатерина Вадимовна Авдеева // Рос. судья. 2013. № 4. С. 26–28.

Алихаджиева, И.С. Ответственность за преступления, способствующие проституции, в уголовном законодательстве зарубежных стран: сравнительно-правовое исследование / И.С. Алихаджиева // Журн. зарубеж. законодательства и сравн. правоведения. 2013. № 5. С. 876–885.

Варыгин, А.Н. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в структуре насильственной преступности / А.Н. Варыгин, О.И. Ильянова // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2013. № 4. С. 38–41.

Гришин, Д.А. Свобода человека как основание освобождения от уголовной ответственности / Д.А. Гришин // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2012. № 3. С. 172–175.

Гурбанова, Г.А. Объект незаконного лишения свободы (ст. 127 УК РФ) / Г.А. Гурбанова // Вестн. Моск. ун-та. Серия 11, Право. 2014. № 3. С. 86–93.

Егоров, В. Проблемы эффективности уголовного принуждения в современных условиях / В. Егоров // Уголов. право. 2004. № 4. С. 83–85.

Клоченко, Л. Психическое принуждение как преступление / Лариса Клоченко // Уголов. право. 2014. № 5. С. 61–63.

Князев, В.В. Проблемы противодействия торговле людьми за рубежом: учебное пособие / В.В. Князев, Н.И. Сазонова, И.Ю. Свешникова ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Федерал. гос. учреждение «Всерос. науч.-исследоват. ин-т». М. : Всерос. науч.-исследоват. ин-т МВД России, 2010. 126 с.

Коваленко, В.И. Криминологические проблемы борьбы с торговлей людьми в Российской Федерации / В.И. Коваленко ; М-во внутр. дел Рос. Федерации, Федерал. гос. учреждение «Всерос. науч.-исследоват. ин-т». М. : Всерос. науч.-исследоват. ин-т МВД России, 2011. 175 с.

Козаев, Н.Ш. Похищение человека и захват заложника: вопросы квалификации / Нодар Шотаевич Козаев, Валерий Георгиевич Бязров // Рос. следователь. 2013. № 23. С. 14–19.

Кругликов, Л.Л. Незаконное помещение в психиатрический стационар: спорные вопросы квалификации / Л.Л. Кругликов // Кутафинские чтения : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Москва, 27–28 нояб. 2012 г. / Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина. М., 2012. С. 206–210.

Лапцевич, И. Принуждение как общий признак объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 384 Уголовного кодекса / Ирина Лапцевич // Законность и правопорядок. 2008. № 4. С. 26–31.

Левин, П.Н. Проблемы отграничения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью от смежных преступлений / П.Н. Левин // Рос. следователь. 2006. № 7. С. 28–31.

Маргиев, С.А. Отграничение соучастия в похищении человека от прикосновенности к преступлению / С.А. Маргиев // Рос. юстиция. 2009. № 11. С. 40–43.

Мизулина, Е.Б. Торговля людьми и рабство в России: международно-правовой аспект / Е.Б. Мизулина. М. : Юрист, 2006. 591 с.

Сердюк, Л. Правовая оценка последствий при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью / Леонид Сердюк // Уголов. право. 2008. № 1. С. 64–68.

Сердюкова, Е.В. Освобождение от уголовной ответственности за похищение человека / Е.В. Сердюкова // Законность. 2012. № 2. С. 40–43.

Ушакова, Е.В. Отграничение похищения человека от захвата заложника – вопросы согласования и рассогласования / Е.В. Ушакова // Рос. следователь. 2010. № 9. С. 20–24.

Шишков, С. Помещение в психиатрический стационар / С. Шишков // Законность. 2003. № 11. С. 32–37.

Щербакова, Е.К. Преступления против личной свободы граждан в законодательстве зарубежных стран / Елена Кондратьева Щербакова, Ольга Вячеславовна Журкина // Рос. судья. 2014. № 12. С. 39–42.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Общая характеристика преступлений против личной свободы	5
1.1. Личная свобода как объект уголовно-правовой охраны: понятие и содержание	5
1.2. Понятие и признаки преступлений против личной свободы	8
Глава 2. Торговля людьми	12
2.1. Социально-правовые и исторические предпосылки установления ответственности за торговлю людьми.....	12
2.2. Международно-правовое регулирование борьбы с торговлей людьми	16
2.3. Юридический анализ состава торговли людьми.....	21
Глава 3. Использование рабского труда	41
3.1. Международно-правовое регулирование борьбы с работорговлей	41
3.2. Юридический анализ состава использования рабского труда	45
Глава 4. Похищение человека	55
4.1. Развитие законодательства об ответственности за похищение человека	55
4.2. Юридический анализ состава похищения человека	59
4.3. Отграничение состава похищения человека от смежных составов преступлений	71
Глава 5. Незаконное лишение свободы	78
5.1. Развитие законодательства об ответственности за незаконное лишение свободы	78
5.2. Юридический анализ состава незаконного лишения свободы	81
5.3. Квалификация незаконного лишения свободы человека при конкуренции со смежными составами преступлений.....	85
Глава 6. Незаконное помещение в психиатрический стационар	88
6.1. Становление и развитие законодательства, предусматривающего ответственность за незаконное помещение в психиатрический стационар.....	88
6.2. Юридический анализ состава незаконного помещения в психиатрический стационар	89
Глава 7. Принуждение	98
7.1. Общая характеристика состава принуждения	98

Учебное издание

Бахур Олег Иванович,
Коротич Елена Алексеевна,
Марчук Василий Васильевич и др.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА
НА ЛИЧНУЮ
СВОБОДУ ЧЕЛОВЕКА**

Пособие

Редактор *Л.М. Романовская*
Компьютерная верстка *И.В. Бачилы*
Корректор *Т.В. Мейкишане*

Подписано в печать 12.05.2016. Формат 60×84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Ризография. Усл. печ. л. 8,14. Уч.-изд. л. 8,14.
Тираж 150 экз. Заказ 164.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6, 220005, Минск

7.2. Ретроспективный и сравнительно-правовой аспекты криминализации принуждения в качестве преступления против личной свободы	99
7.3. Юридический анализ состава принуждения	102
Глава 8. Угроза убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества.....	114
8.1. Юридический анализ состава угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества.....	114
8.2. Зарубежный опыт криминализации угрозы убийством, причинением тяжких телесных повреждений или уничтожением имущества.....	124
Глава 9. Незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей	126
9.1. Развитие нормы об уголовной ответственности за незаконные действия, направленные на трудоустройство граждан за границей.....	126
9.2. Юридический анализ состава незаконных действий, направленных на трудоустройство граждан за границей.....	127
Рекомендуемая литература.....	136